

К.А. Соловьев

Кружок «Беседа»:  
в поисках новой политической реальности,  
1899–1905

МОСКВА  
РОССПЭН  
2009

УДК 32; 94(47)  
ББК 66.1(2)5  
М 74

Ответственный редактор:  
председатель Ученого совета Фонда изучения наследия П.А. Столыпина  
доктор исторических наук, профессор В.В. Шелохаев

**Соловьев К.А.**

**М 74 Кружок «Беседа»: В поисках новой политической реальности, 1899–1905 / Соловьев К.А.; [отв. ред. В.В. Шелохаев]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – с.**

ISBN 978-5-8243-1030-6

В монографии рассматривается история кружка «Беседа», объединения лидеров земского движения России, предшественницы партий либеральной ориентации – кадетов и октябристов. На основе значительного по объему комплекса источников анализируется состав, структура, идеологические и программные установки, тактика объединения. Особое внимание уделяется роли кружка в идеологическом и организационном становлении русского либерализма начала XX в. Деятельность «Беседы» вписана в широкий контекст формирования новых политических практик и институтов в Российской империи рубежа веков.

УДК 32; 94(47)  
ББК 66.1(2)5

ISBN 978-5-8243-1030-6

© Соловьев К.А., 2009

© Российская политическая энциклопедия, 2009

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Вступая в XX век, Россия прощалась с прежними представлениями о времени и пространстве. Государственное управление, экономика, межличностные коммуникации обретали скорость курьерского поезда. Само строительство железных дорог имело впечатляющие масштабы: в 1893–1897 гг. 2–2,5 тыс. км. в год. Ж. Верн посвятил этому целый роман «Клодиус Бомбарнак», изданный в 1892 г.<sup>1</sup> Постепенно горожанин привыкал к автомобилю. к 1900 г. в Петербурге было уже около 90 автобусов с двигателями внутреннего сгорания<sup>2</sup>. Недовольный одной лишь сушией человек стремился освоить и прочие сферы. В 1880 г. было основано Русское общество воздухоплавания. В 1893–1894 гг. в столице был построен первый в России дирижабль. Правда, его испытания закончились неудачно<sup>3</sup>. Информация обретала еще большую скорость, чем человек. В жизнь входило радио, телефон, телеграф. В 1881 г. были сооружены телефонные станции в Петербурге, Москве, Одессе, Риге и Варшаве<sup>4</sup>. Телефонная линия Москва – Петербург была самой протяженной в мире (660 км). В начале XX в. она ежедневно обслуживала более 200 переговоров. Уже в 1882 г. в Петербурге по телефонной линии транслировалась опера «Русалка» из Мариинского театра<sup>5</sup>. Мысль русского обывателя шла еще дальше. «Скоро мы будем видеть друг друга по проволоке на расстоянии сотен и тысяч верст!» – констатировал один из героев повести А.И. Куприна «Молох»<sup>6</sup>. В эти годы многие, казалось бы, несбыточные фантазии реализовывались и становились частью обыденной жизни. Так, 12 марта 1896 г. в физический кабинет Петербургского университета пришла первая в мире радиограмма<sup>7</sup>. В том же году в России впервые показывались фильмы братьев Люмьер. Тогда же начали сниматься любительские фильмы. В 1903–1904 гг. в России появились первые кинотеатры<sup>8</sup>. Пришло электрическое освещение на улицы городов. В начале 1890-х гг. в Петербурге было 80 электрических фонарей, а в 1903 г. – уже около 3000<sup>9</sup>.

Стремительно менялся городской пейзаж. Москва в этом отношении была впереди всей империи. Здесь на рубеже 1880–1890-х гг. «стали вырастать то там, то тут небоскребы, много-

этажные дома с массой квартир, а на Девичьем поле, словно по мановению волшебного жезла, раскинулся целый городок превосходно устроенных университетских клиник (все на пожертвования крупного московского купечества), потом пришли телефоны, автомобили и трамваи»<sup>10</sup>.

Между тем, в России оставалась самодержавная монархия, общество было организовано по сословному принципу, уровень грамотности был одним из самых низких в Европе (21,1% в среднем по империи на 1897 г.<sup>11</sup>). Россия вступала в XX век, во многом сохраняя черты традиционного общества. Структурные преобразования сохраняли свой частный характер. Центр системы оставался неизменным, периферия менялась стремительно. П.Н. Милюков приводил другое сравнение: русло реки было неизменным, а поток воды неуклонно увеличивался. Чтобы сдержать его, властям приходилось прибегать к новым репрессиям. Однако эти меры не могли спасти ситуацию и предотвратить неизбежное<sup>12</sup>.

Столь неравномерное развитие плодило многочисленные конфликты, наибольшей остроты достигавшие в политической сфере. Представители общества, уверенные в своем праве участвовать в перераспределении государственной власти, искали пути консолидации, которые позволили бы им стать субъектом политической жизни. Это был поиск с заранее известным результатом. Общественность стремилась к созданию партий, которые получили повсеместное распространение в странах Западной Европы.

Однако сформировать партию – отнюдь не то же самое, что назвать таковой кружок или салон. Ее возникновение предполагает особую «упругую» политическую среду, концентрированную вокруг организационных центров, для которой характерна высокая способность мобилизации политически активных элементов. Ее становление сопряжено с усложнением связей в обществе, его идеологической дифференциацией. Для России этот динамичный процесс описывался формулой: салон – кружок – протопартия – партия.

Иными словами, партии имели «органическое» происхождение: они возникали вместе с формированием новых социальных институтов, синхронно со становлением институ-

тов гражданского общества. Характерно, что и в западноевропейских странах генезис партийной системы имел, в сущности, схожие стадии. Английская партия вигов возникла в конце 1670-х гг. на базе политического клуба – «движения за Исключение»<sup>13</sup>. Философские общества сыграли ключевую роль при формировании партийной группировки во Франции в эпоху Великой революции. В 1848 г. аналогичное значение имели французские народные клубы<sup>14</sup>. Фабианское же общество во многом предопределило создание лейбористской партии в Великобритании в начале XX в.<sup>15</sup>

При изучении генезиса партийной системы период формирования протопартий представляет особый интерес. Именно тогда политическая активность общества переходит в новое качество. Она не ограничивается рамками узкого круга знакомых, коллег, родственников, приобретая общенациональный масштаб. Кроме того, протопартия в отличие от предшествующих ей объединений стремится формализовать свою деятельность как в организационном, так и в идеологическом смысле, тем самым формируя принципиально новую политическую реальность, где центром притяжения сил и создания новых смыслов становятся общественные (а не только, как прежде, государственные) учреждения.

Не случайно, протопартии все чаще становятся объектом научного исследования. Традиционно значительный интерес вызывает «Союз Освобождения»<sup>16</sup>. Широкий контекст «протопартийного строительства» был воссоздан в работе В.Ю. Канищева, в которой прослеживается становление идеологии и программы будущей партии кадетов на материалах журнала «Освобождение», тесно афилированного с одноименным «Союзом...»<sup>17</sup>. Были опубликованы исследования, посвященные «Русскому собранию»<sup>18</sup>, столичным политическим салонам консервативного направления<sup>19</sup>. Политические объединения разнообразных идеологических предпочтений рассматриваются в фундаментальной работе И.С. Розенталя, в которой реконструируется клубная культура России на протяжении XIX – начала XX столетия<sup>20</sup>.

И все же кружок «Беседа» занимает особое место среди прочих протопартийных объединений. Он существовал срав-

нительно долго – почти шесть лет. После него остался значительный комплекс документов, среди которых особое место занимают стенограммы заседаний кружка. Наконец, абсолютное большинство членов «Беседы» займет видное место в политической жизни России после 1905 г.

Причем, именно они заложили традиции изучения кружка. Одну из них представлял бывший «собеседник» князь Д.И. Шаховской. Уже в 1909 г., четыре года спустя после последнего заседания объединения, он опубликовал очерк истории «Союза Освобождения», где несколько страниц посвятил и «Беседе». Шаховской представил кружок в качестве подготовительного этапа, предшествовавшего образованию конституционной организации, «Союза Освобождения». Разнородность объединения, включавшего сторонников порой противоположных взглядов, лишь способствовала тому, что в нем сплотилась группа конституционалистов. При этом они получили возможность пропагандировать свои идеи среди коллег, выступавших за сохранение самодержавия. В этом отношении образование «Беседы» было серьезным шагом к консолидации будущих «освобожденцев».

Фактически в данном случае Д.И. Шаховской уходил от проблемы своеобразия данного объединения, ограничиваясь словами о «пестроты» состава, об отсутствии «определенной политической окраски». Он рассматривал деятельность «Беседы» исключительно в связи с формированием конституционной организации. Поэтому для него кружок, в первую очередь, был интересен как своего рода «центр завязывания связей»<sup>21</sup>. Примечательно, что даже в таком кратком очерке истории «Беседы» давало о себе знать «сопротивление материала», не поддающегося подобной схематизации. Так, например, Д.И. Шаховской писал: «...“Беседа” старалась захватить в свои ряды побольше выдающихся и живых людей, как-то инстинктивно избегая, впрочем, слишком ярко окрашенных партийных деятелей, которые могли стеснить полную непринужденность обмена мнений и работу их самостоятельной формировки»<sup>22</sup>. Исходя из этого, можно сделать вывод, что «Беседа» была не столь уж разнородна по своему составу: члены кружка старались «отсекать» крайности и включать в свой состав лишь тех,

кто потенциально был готов к консенсусу, поиску совместного решения. Многообразие оттенков взглядов «собеседников» составляло не «пеструю картину», а «цветовую гамму».

Иную точку зрения на историю объединения предложил другой «собеседник», секретарь кружка В.А. Маклаков. Уже в эмиграции в 1920–1930-е гг., оценивая ситуацию в России в начале века, он значительную долю вину за постигшие страну несчастья возлагал на радикальную общественность и, в первую очередь, на своих бывших товарищей по партии кадетов, которые, по его мнению, не были готовы к диалогу с властями<sup>23</sup>. Трагедия России заключалась в том, что за «три года освободительной борьбы с [1]902 по [1]905 год на авансцену вышли совсем не те разумные элементы, которые по естественному ходу вещей должны были дать либералов европейского типа, получивших все свое воспитание в земской школе, знающих насущные народные нужды, а те элементы, которые с безупречной логикой вышучивали всякое соглашательство с властью, всякую надежду на ее исправление, всякую мысль о том, что можно чего-нибудь добиться в рамках существовавшего строя», - писал В.А. Маклаков Б.А. Бахметьеву 24 мая 1929 г.<sup>24</sup> Маклаков не считал сложившуюся ситуацию естественной и неизбежной. По его мнению, большое значение имело природное властолюбие многих лидеров «Союза Освобождения», а затем конституционно-демократической партии, не желавших уступать министерскую скамью умеренным либералам, вроде Д.Н. Шипова и М.А. Стаховича<sup>25</sup>. Иными словами, существовала реальная альтернатива бескомпромиссной борьбе между властью и обществом. Ситуация была бы принципиально иной, если бы во главе общества стояли бы земцы, далекие от конфронтационной политики по отношению к верховной власти. И эту земскую партию, чьи идеи так и не были востребованы, как раз и олицетворяла «Беседа».

«Исторический интерес “Беседы” в том и заключался, что она как бы зафиксировала один из этапов развития русской общественности, когда эта общественность еще не забыла традиций 1860-х годов, помнила о сотрудничестве “власти” и “общества” и готовилась именно к этому... Они («собеседники» – К.С.) по происхождению были сами связаны с правящим клас-

сом, не прервали близости с представителями власти, верили в то, что без катастрофы власть может пойти по пути соглашения с обществом», – вспоминал В.А. Маклаков<sup>26</sup>. Он описывал «Беседу» как организацию с определенной программой: все участники объединения были сторонниками развития идеи «самоуправления»<sup>27</sup>, видели будущее России в укреплении положения земства и при этом не предрешали, каков должен быть государственный строй<sup>28</sup>. Согласно Маклакову, «Беседа» была не политическим клубом, а «объединяющим и направляющим центром» земской России<sup>29</sup>. Соответственно, у кружка была собственная линия поведения, иначе говоря, тактика. С этой точки зрения, «Беседа» – не «пестрое» объединение, а полноценная организация, имевшая собственное политическое лицо. И, по мнению В.А. Маклакова, ее неудача многое объясняет в судьбе страны<sup>30</sup>.

Подобная критика «освобожденческого» движения вызвала ответную реакцию со стороны лидера кадетов П.Н. Милюкова. Не без иронии он писал в своих воспоминаниях: «Вне кругозора моих непосредственных московских наблюдений остался секретный кружок дворянских пионеров московской оппозиции, который потом так красочно и любовно изобразил В.А. Маклаков, противопоставив его умеренный характер вторжению «освободительного движения», «улицы»<sup>31</sup>. В статье «Либерализм, радикализм и революция», опубликованной в журнале «Современные записки» в 1935 г., он подверг сомнению саму правомочность противопоставления «Беседы» и конституционно-демократической партии. Во-первых, кружок существовал в определенной исторической период: его тактика соответствовала сложившемуся положению вещей. И, естественно, изменение политической ситуации привело к тому, что инициатива перешла «Союзу Освобождения», а тактические приемы «Беседы» уже были неприемлемы; наступил момент, когда организация уже не могла, как прежде, продолжать свое существование<sup>32</sup>. «...Мирными беседами уже поздно было заниматься», – как писал в своих воспоминаниях П.Н. Милюков<sup>33</sup>. Во-вторых, противопоставление «Беседы» и партии кадетов хотя бы потому странно, что многие участники объединения впоследствии стали лидерами конституционно-демократической партии<sup>34</sup>.

Точка зрения П.Н. Милюкова находила подтверждение в некоторых воспоминаниях самих «собеседников». «Беседа» – начальный этап «освободительного» движения, и его характеристики свойственны именно этому историческому периоду – по сути дела, это говорил и историк земского движения И.П. Белоконский, писавший о кружке со слов члена кружка А.А. Стаховича, и один из основателей объединения князь Петр Д. Долгоруков, посвятивший истории этой организации несколько страниц своих воспоминаний, составленных им уже в эмиграции. Для них «Беседа» представляла не альтернативный путь по отношению к «освободительному» движению, а лишь подготовку к единственно верному пути<sup>35</sup>.

С тех пор дискуссия о характере организации «Беседы» и особенностях ее деятельности в историографии и публицистике не поднималась. Отечественные и зарубежные исследователи в большинстве своем фактически сошлись на позиции Д.И. Шаховского и самостоятельного значения «Беседе» не придавали. Чаще всего это объединение рассматривалось в контексте истории «Союза Освобождения», и каждый раз подчеркивалось его «неполноценность» по сравнению с политической организацией «освобожденцев». Так, Е.Д. Черменский описывал «Беседу» как кружок, лишенный каких-либо определенных политических взглядов, состоявших из людей, рассчитывавших исключительно на милость правительства и его готовность проводить реформы, а в качестве способа воздействия на власть помышлявших только об апелляции к совести государя. Согласно этой концепции, «Беседа» – лишь начальный этап «освободительного» движения, предварявший возникновение «Союза Освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», организаций куда более определенных с точки зрения программных требований и куда более решительных с точки зрения тактических установок<sup>36</sup>. По сути дела, об этом же писали В.Я. Лаврычев, П.И. Шлемин, Р. Пайпс, Дж. Фишер, Ш. Галай<sup>37</sup>.

Им возражал К.Ф. Шацилло, привлечший значительный по объему комплекс источников, относящийся к истории кружка<sup>38</sup>. Он утверждал, что «Беседа» – не этап, а элемент земского движения, которое по своей природе не было монолитным<sup>39</sup>.

При этом К.Ф. Шаццлло приходил практически к тем же выводам, что и Е.Д. Черменский. Он доказывал, что у «Беседы» не было ни программы, ни конкретных целей, ни организационной структуры<sup>40</sup>. В итоге на ее основе возник «Союз Освобождения» – объединение качественно иного уровня, однако своим появлением не упразднявшее «Беседу»<sup>41</sup>. Соответственно, «Беседа» – не начальный этап организационного оформления либерального движения, а просто наименее совершенная форма такой организации. Эта точка зрения нашла сторонников среди многих исследователей, занимавшихся историей земского либерализма (Н.М. Пирумова, Н.Г. Королева, К. Фрелих, Чо Хо Ен)<sup>42</sup>.

Впрочем, «Беседа» интересовала историков не только земского движения, но и дворянского сословия. Новый контекст предполагал новые подходы, особую точку зрения. Так, Ю.Б. Соловьев описывал «Беседу» как организацию фрондировавшего дворянства, чьи интересы самодержавие не могло полностью удовлетворить. В результате дворянство переходило в оппозицию к существовавшему режиму и требовало от него возможности отстаивать свои взгляды при принятии политических решений. Своеобразие подхода Ю.Б. Соловьева подчеркивается одним любопытным фактом: в отличие от исследователей «освободительного» движения в качестве типичного «собеседника» он приводил графа П.С. Шереметева, одного из наиболее консервативных членов кружка<sup>43</sup>. Он акцентировал внимание на тех характеристиках «Беседы», на которых в ином случае историк особого внимания не обращал. Схожие оценки объединению дала американская исследовательница Р.Т. Мэннинг. С ее точки зрения, программа «Беседы» естественным образом вытекала из представлений, бытовавших среди дворянской оппозиции. Традиционный антибюрократический пафос помещного дворянства в данном случае просто приобретал современное идеологическое звучание<sup>44</sup>.

Особняком стоят работы, непосредственно посвященные истории кружка. Некоторые из них имеют археографический характер (статьи А.С. Красавина, К.Ф. Шаццлло), и в них рассматриваются материалы объединения, отложившиеся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга<sup>45</sup>. Первым же исследованием деятельности «Беседы» можно считать небольшую статью

Э.П. Михеевой, опубликованную в 1966 г. В данном случае была сделана попытка на основе материалов архивного фонда В.А. Маклакова<sup>46</sup> определить своеобразие данного объединения и понять его значение в общественно-политическом процессе в начале XX века. Э.П. Михеева описывала «Беседу» как руководящий центр земства, имевший собственные программные (антибюрократизм) и тактические (мирное воздействие на власть) установки<sup>47</sup>. Помимо этого, в рамках кружка разрабатывалась идеология либерализма и обдумывались приемы борьбы с существующим режимом<sup>48</sup>. При всем новаторстве этой статьи некоторые ее положения вызывают определенные сомнения. Во-первых, автор делает весьма смелые выводы на основании довольно ограниченного материала: Э.П. Михеева опирается исключительно на отложившиеся в фонде Маклакова протоколы «Беседы» и на ряд воспоминаний «собеседников». При этом, сведения из воспоминаний зачастую принимаются на веру: это, например, относится к вопросу о роли объединения в земском движении, которую Э.П. Михеева вслед за В.А. Маклаковым определяет как ключевую<sup>49</sup>. В некоторых случаях автор не уточняет, на чем базируется та или иная точка зрения. Не совсем ясно, что привело исследовательницу к мысли, что для «собеседников» наиболее важным представлялась разработка программы, нежели практическая деятельность<sup>50</sup>. Или весьма спорным звучит тезис о том, что «Беседа» рассчитывала в своей деятельности на третий элемент. Во-вторых, в столь не большой по объему статье невозможно было более или менее обстоятельно разрешить ключевые проблемы, относящиеся к истории кружка. Например, автор пишет, что «собеседники» рассчитывали на моральное воздействие на самодержца, ожидая от него уступок. Однако, принципиальный вопрос – каковы формы этого воздействия. Э.П. Михеева вычленяет «пункты» программы «Беседы», при этом, не показывая, как они складываются воедино<sup>51</sup>. В-третьих, кружок «Беседа», по сути дела, рассматривается вне исторического контекста. Этим можно объяснить то, что объединение без всяких оговорок объявляется предшественником партии кадетов; «Беседа» определяется как конституционный кружок, а входящая с этими утверждениями в диссонанс умеренность программы объяс-

няется желанием сохранить легальный характер организации<sup>52</sup>. Тем не менее, исследование Э.П. Михеевой имеет значительное преимущество перед многими другими: в данном случае материалы «Беседы» не служат никакой другой задаче, кроме как характеристике самого кружка. Иными словами, история объединения – не «кирпич» в «здании» какой-либо концепции, а самостоятельный объект изучения. Это позволяет рассмотреть «Беседу» как целостное явление, а не выдергивать те или иные характеристики, интересующие исследователя, занимающегося более широкими проблемами.

Наиболее значимое исследование, посвященное непосредственно «Беседе», принадлежит американскому историку Т. Эммонсу. к безусловным достоинствам работы следует отнести детальный анализ состава кружка: автор предлагает портрет «собеседника», характеризуя его по многим позициям – средний возраст, имущественное положение, социальный статус, образование, участие в других организациях, дальнейшая судьба<sup>53</sup>. Т. Эммонс описывает порядок работы объединения<sup>54</sup>. Дает весьма обстоятельный очерк издательской деятельности кружка<sup>55</sup>. Однако, на протяжении всей статьи исследователь как будто уходит от ключевых вопросов: характера организационной структуры «Беседы», своеобразия ее программы и тактической линии. В сущности, он ограничивается пересказом протоколов заседаний кружка, при этом, акцентируя внимание на идеологических противоречиях между участниками объединения и не анализируя конкретные решения, принимаемые «собеседниками»<sup>56</sup>. Таким образом, Т. Эммонс подводит читателя к мысли, что «Беседа» – дискуссионный клуб, чьи материалы могут быть полезны с одной точки зрения: они позволяют характеризовать динамику настроения в земской среде на протяжении пяти лет существования объединения. Затем, в заключении, ему остается лишь ясно обозначить то, что уже стало очевидным для читателя: этот дворянский кружок дает возможность проследить процесс радикализации общественности и налаживания связей между представителями либерального лагеря<sup>57</sup>. Стать организационным центром «освободительного» движения «Беседа» не могла, так как она была не более чем местом общения влиятельных земцев, инструментом вли-

яния на земские и дворянские собрания<sup>58</sup>. Этот вывод весьма показателен. По сути дела, историк отделяет земское движение от «освободительного», считая его малозначимым, очевидно, в сравнении с «Союзом Освобождения» (о котором он, кстати, вспоминает на той же странице<sup>59</sup>). Таким образом, несмотря на то, что статья вроде бы посвящена непосредственно «Беседе», история объединения в данном случае не является самостоятельным объектом изучения. По существу, в центре внимания – настроения общественности в свете «освободительного» движения, иными словами, процесса консолидации конституционалистов. Т. Эммонс опубликовал и вторую статью, посвященную «Беседе». Это была реакция на новые материалы кружка, найденные К.Ф. Шацкило в архиве Пушкинского дома. По мнению американского исследователя, появившиеся источники позволяли уточнить многие моменты в истории объединения, однако, в целом, они лишь подтверждали высказанные им ранее тезисы. В этой статье Т. Эммонс ясно обозначил позицию, которая в прежней его работе только подразумевалась: невозможность преобразования кружка в конституционную организацию в итоге привела к тому, что «Беседа» оказалась на периферии «освободительного» движения<sup>60</sup>. Особый интерес к «Союзу Освобождения», прямому предшественнику партии кадетов, вполне закономерен, учитывая, что эти статьи Т. Эммонса писались в ходе его работы над монографией о формировании политических партий в России в связи с выборами в первую Государственную думу. В этой книге, касаясь проблемы образования партии кадетов, он вспомнил и о «Беседе», по сути дела, повторяя ранее высказанную им точку зрения: на примере объединения прослеживается, как российская общественность постепенно переходила от земских вопросов, отстаивания интересов органов местного самоуправления к политической борьбе<sup>61</sup>.

В значительной мере новаторский и, кажется, весьма продуктивный подход к истории «Беседы» предложил В.Я. Лаврычев. Он считал неверным игнорировать «собеседников» консервативных взглядов и не учитывать их роль в земском движении: ведь «Беседа» формировалась в результате соглашения сторонников либерального и консервативного лагеря<sup>62</sup>. Эта

ситуация явилась следствием того, что в обществе взгляды либералов и консерваторов не были достаточно разграничены<sup>63</sup>. В результате в работе «Беседы» принимали участие представители влиятельнейших аристократических кланов, Бобринских и Шереметевых, имевших большие связи в консервативных кругах<sup>64</sup>. Правда, сведения, приводимые В.Я. Лаверычевым, вызывают многие вопросы. Например, он считал, что «Беседа» находилась в тесной связи с объединением консервативного толка «Патриаршая палата», где ключевую роль играла как раз семья графов Шереметевых<sup>65</sup>. Однако, источники не подтверждают факт существования этого *объединения*, так что можно говорить о слишком вольной интерпретации дневниковых записей Н.П. Барсукова, в доме которого «заседания» «Патриаршей палаты» и проходили<sup>66</sup>. Тем не менее, подход, предложенный В.Я. Лаверычевым, представляется весьма перспективным с точки зрения понимания своеобразия такого явления как «Беседа». Исходя из этой статьи, основная научная проблема – это механизм именно взаимодействия конституционалистов и сторонников сохранения самодержавия, входивших в кружок. И в этом случае важно, что представляла собой «Беседа» как целостность, т. е. что получалось в результате этого взаимодействия. Сам В.Я. Лаверычев не дал развернутого ответа, ограничившись утверждением, что коалиция либералов и консерваторов притормаживала процесс радикализации общества<sup>67</sup>.

Решение этой проблемы предложил К.Ф. Шаццлло в своих последних работах. Он определял «Беседу» как организацию, в целом, консервативного толка, показывая на материале протоколов заседаний кружка, что конституционалисты всякий раз уступали своим коллегам-неославянофилам<sup>68</sup>. Причем, по его мнению, и некоторых конституционалистов можно было отнести к консервативному либерализму<sup>69</sup>. При том, что К.Ф. Шаццлло делал выводы на весьма репрезентативном материале, его точка зрения вызывает некоторые сомнения. Он определяет общее идеологическое направление кружка, фактически не очертив программу объединения, не выделив те позиции, которые разделяли все «собеседники»<sup>70</sup>. В этом случае остается непонятным, в чем заключался консерватизм «Беседы»: или, может быть, только в том, что конституционалисты

предпочитали не спорить со сторонниками самодержавия, вынужденно им поддакивали, желая сохранить полюбившийся им «политический клуб». Незаработанность этого вопроса в значительной мере определяется тем, что К.Ф. Шацилло, задумавшись о новых проблемах, остался верен прежним методам: он рассматривал «Беседу» не как единое целое, а как собрание людей разных взглядов и убеждений.

Таким образом, коренная проблема историографии вопроса – отсутствие интереса к «Беседе» как самоценному явлению. Объединение чаще всего изучается в контексте более широкой темы, и его характеристика подчиняется общей концепции работы. Можно даже сказать, что сама «Беседа» исследователей зачастую интересует меньше, нежели чрезвычайно любопытные материалы кружка, позволяющие характеризовать настроения в обществе в начале XX века.

Основной источник по теме – протоколы «Беседы». Они сохранились в Отделе письменных источников Государственного Исторического Музея (ОПИ ГИМ) в фонде В.А. Маклакова (Ф. 31), выполнявшего роль секретаря и архивариуса объединения. Всего осталось 17 протоколов. Весьма полно представлен период истории кружка с конца августа 1903 по октябрь 1905 года. В большинстве случаев ход дискуссии передан очень подробно<sup>71</sup>. Помимо этого, в фондах В.А. Маклакова и одного из членов «Беседы» Ю.А. Новосильцева (также хранящегося в ОПИ ГИМ (Ф. 385) есть два журнала резолюций объединения, дополняющих материалы протоколов<sup>72</sup>. Отсутствие протоколов «Беседы» за начальный период работы организации восполняют записи Д.И. Шаховского, находящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (РО ИРЛИ. Ф. 334). Шаховской, изучая историю «Союза Освобождения», ознакомился с протоколами совещаний кружка за все время его существования. Он сделал для себя выписки, с разной степенью подробности освещающие заседания «Беседы» с ноября 1899 по 1904 г. В одном случае, определяя ход работы кружка, он ограничивался одной фразой, в другом делал обширные записи. Так или иначе этот материал позволяет судить о предмете дискуссии всех совещаний «собеседников» и часто довольно полно передает текст не дошедших до нас протоколов<sup>73</sup>. Кроме

того, Д.И. Шаховской составил список всех заседаний «Беседы» с 1899 г. по февраль 1904 г.<sup>74</sup>, указал, кто и когда был кооптирован в состав кружка, начиная с января 1900 по февраль 1904 г.<sup>75</sup>, и, наконец, перечислил имена участников заседаний объединения вплоть до совещания 15 февраля 1904 г.<sup>76</sup> В связи с материалами Д.И. Шаховского возникает вопрос: какова судьба не дошедших до нас протоколов, с которыми он работал. Скорее всего, ему их предоставил граф П.С. Шереметев, один из основателей «Беседы». Ведь как писал сам Шереметев в феврале 1907 г. в газете «Новое время», у него как раз хранились материалы кружка за ранний период его существования<sup>77</sup>. Однако, в архивных фондах Шереметевых (в РГАДА, РГИА, ОР РГБ) протоколы, как и другие материалы объединения отсутствуют<sup>78</sup>. Тем не менее, и то, что осталось, представляет большой интерес. Дискуссия в «Беседе» разворачивалась по всем ключевым вопросам функционирования кружка: относительно организационной структуры, программы, тактической линии.

Прочих же материалов «Беседы» сохранилось чрезвычайно мало. Это документы, предполагавшиеся для рассылки участникам объединения, отложившиеся в фонде В.А. Маклакова<sup>79</sup>; хранящаяся там же финансовая документация<sup>80</sup> и незначительная по объему переписка «собеседников» по делам кружка<sup>81</sup>, а также материалы издательской деятельности «Беседы» – они находятся в ОПИ ГИМ (фонды В.А. Маклакова и Ю.А. Новосильцева), в Отделах рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (фонд С.Л. Толстого – Ф. 53) и Российской Государственной Библиотеки – фонд В.И. Герье – Ф. 70)<sup>82</sup>. С их помощью можно с большей или меньшей подробностью восстановить приемы организационной работы, о которых на заседаниях кружка практически не говорили.

К материалам кружка можно причислить и публикации «Беседы»: это сборники по насущным проблемам российской действительности: «Всеобщее образование в России», «Мелкая земская единица», «Нужды деревни по работам комитетов о сельскохозяйственной промышленности», «Аграрный вопрос» и некоторые другие<sup>83</sup>. При том, что нельзя отождествлять точку зрения автора той или иной статьи с позицией всей «Беседы», общее направление сборников, издаваемых «собе-

седниками», в целом, соответствовало взглядам, господствовавшим в объединении.

В связи с деятельностью любой политической организации, вольно или невольно подчиняющейся существующим правилам игры, с неизбежностью возникает проблема воссоздания контекста. к «Беседе» это относится тем более, что кружок задумывался как координационный центр земского движения. Соответственно, основная деятельность «собеседников» протекала не в дни общих заседаний, а на местах, в земских и дворянских собраниях, в работе которых они принимали активное участие. Они также собирались на земских съездах, писали статьи в легальные и нелегальные издания, наконец, общались с представителями власти, пытались повлиять на их решения. Иными словами, «Беседа» – хоть и важный, но все же лишь элемент земского движения. Вырывать ее из исторического контекста значит изучать координационный центр, теряя из виду, что он в действительности координировал. Так что источниковую базу данного исследования невозможно свести лишь к материалам, касающимся непосредственно только самой «Беседы».

С этой точки зрения, наиболее интересны делопроизводственные материалы: журналы заседаний губернских земских собраний, протоколы заседаний земских съездов, съездов губернских дворянских предводителей, материалы Департамента полиции. Во-первых, они позволяют соотнести позицию «Беседы» с настроениями в земской среде. Во-вторых, с их помощью можно проследить, насколько эффективна была деятельность объединения «на местах». ко второй группе источников можно отнести публицистические работы общественных деятелей. Это брошюры (например, Д.И. Шаховского или А.Д. Поленова<sup>84</sup>), статьи в периодических изданиях. Также были использованы материалы газет «Право», «Русское дело», «Московская неделя», а также журналы «Саратовская земская неделя», «Вестник Европы», «Гражданин», «Мирный труд», «Русское обозрение». Особый интерес представляют статьи из журнала «Освобождения», в котором исследователь вправе рассчитывать на откровенность со стороны земцев-конституционалистов.

Так как земское движение существовало вне формальных рамок партий и, следовательно, многие важнейшие факты в его истории не могли быть зафиксированы в делопроизводственных материалах, принципиальное значение приобретают источники личного происхождения: дневники, воспоминания, письма. Помимо этого, большой интерес представляют материалы перлюстрации, хотя далеко не в полном объеме, но все же сохранившиеся в фонде Департамента полиции, а также списки перлюстрированных писем за 1903 год, отложившиеся в личном фонде одного из редакторов журнала «Былое» П.Е. Щеголева (РГИА. Ф. 1093).

Данная источниковая база вполне достаточна для того, чтобы охарактеризовать «Беседу», как и любое другое политическое объединение, по трем параметрам: организационная структура, программа, тактика. При этом несоответствие «Беседы» привычным «партийным стандартам» лишь подчеркивает уместность такого похода. Оно оттеняет уникальность кружка и своеобразие политического пространства, в рамках которого ему приходилось действовать.



## ГЛАВА ПЕРВАЯ

### ОРГАНИЗАЦИЯ «БЕСЕДА»: ОБРАЗОВАНИЕ, СОСТАВ И СТРУКТУРА

#### *§1. О природе «бесмысленных мечтаний»*

Привычно связывать 1890-е годы XIX столетия с бурным экономическим ростом страны<sup>85</sup>. В действительности, колоссальные изменения в русской жизни за это десятилетие измеряются не только рублями валового национального продукта или же километрами построенных железных дорог. 1890-е годы – время динамичного развития общества и укрепления его институтов. За десять лет значительно увеличивается число лиц «интеллигентных профессий»<sup>86</sup>, количество периодических изданий, выпускаемых в России, почти что удваивается. (В 1882 г. – 554 периодических издания, в 1888 г. – 637. Далее рост становится куда более стремительным: в 1895 г. – уже 841 издание, а в 1900 г. – 1002<sup>87</sup>.) Столь же стремительно растет число общественных организаций. Так, А.Д. Степанский приводит информацию о количестве отложившихся во втором делопроизводстве Департамента полиции дел об открытии новых обществ: за 1890 г. насчитывается 182 дела, в 1891 г. таких дел уже 218, в 1892 – 260, в 1893 – 318, в 1895 – 374, в 1896 – 475<sup>88</sup>.

Едва было бы преувеличением сказать, что гражданское общество в России складывается стремительно. Остается неподвижным лишь положенный самодержавием предел влиянию общественности на политическую жизнь страны. Если же быть более точным, в данном случае речь идет даже об обратной динамике: действующая власть всячески стремится свести к минимуму общественную самодеятельность. Причем, правительственное наступление шло по всем направлениям. В 1889 г. по предложению министра юстиции Н.А. Манасеина значительная категория судебных дел исключалась из ведения суда присяжных<sup>89</sup>. Следующий министр Н.В. Муравьев весной 1894 г. инициировал создание комиссии по пересмотру судебных уставов<sup>90</sup>. По замечанию П.А. Зайончковского, с 1889 г. после некоторого затишья усиливаются цензурные ограничения<sup>91</sup>. Правительство пыталось регулировать деятельность общества

в сфере народного просвещения. 15 мая 1890 г. появились специальные правила о порядке работы бесплатных читален<sup>92</sup>. В начале 1894 г. Главное управление по делам печати предписывало цензурным учреждениям «строжайший отбор книг для народного чтения»<sup>93</sup>. В начале 1890-х гг. в Министерстве народного просвещения думали над проблемой «наведения порядка» в университетах, имея в виду усиление административного контроля за профессурой и студенчеством<sup>94</sup>. Чрезвычайно жесткая позиция властей по отношению к участникам студенческих волнений 1894 г. (42 человека были высланы из Москвы) вызвала глухое брожение в университете. «Так как слишком суровые меры университетского начальства и бесцеремонный произвол полиции настолько вызывающи, что уже теперь разгоревшееся негодование едва сдерживается, а если продолжится далее такое положение вещей, нетрудно предугадать трагический его исход», – писали члены одного из студенческих землячеств представителю университетской администрации<sup>95</sup>. По воспоминаниям современника, избиение студентов становилось обычным явлением. Примечателен случай, когда дворники по ошибке избили «белоподкладчиков», студентов правых взглядов, возвращавшихся из ресторана. Среди пострадавших был профессор Чечулин, прошедший вечер со студентами. «Верьте, это было приготовлено не для Вас», утешал профессора градоначальник фон Валь<sup>96</sup>.

Под дамокловым мечом правительственного гнева находились и общественные организации. Например, в 1896 г. фактически были упразднены комитеты грамотности: было решено реорганизовать их в общества грамотности и передать в ведение Министерства народного просвещения, лишив их тем самым статуса общественного объединения<sup>97</sup>. В 1899 г. было закрыто московское Юридическое общество<sup>98</sup>.

Власть была чрезвычайно озабочена особым положением земства в системе власти. На всеподданнейшем отчете олонецкого губернатора за 1887 г. против того параграфа, где говорилось, что земство «строго держится закона и в действиях своих постоянно идет рука об руку с администрацией», Александр III поставил помету: «Утешительное исключение»<sup>99</sup>. С самого возникновения земство оказалось в довольно странном по-

ложении. «Земство есть орган местного государственного управления, отличающийся от органов коронной администрации прежде всего тем, что земство стоит вне иерархической зависимости от центральной администрации, – в том смысле, что вмешательство центральной администрации в действия земства возможно лишь в формах, долженствующих обеспечить самостоятельность земства, и что какие-либо указания и постановления, получаемые от министерств для земств не обязательны», – писал видный правовед Н.И. Лазаревский в «Юбилейном земском сборнике»<sup>100</sup>. Таким образом, земство, вроде бы являясь властным институтом, «выпадала» из сложившейся в России вертикали власти. Более того, модель управления, реализуемая земствами, – антипод привычной бюрократической модели. По сути дела, эту же мысль проводил министр финансов С.Ю. Витте в своей записке 1899 г. Однако, если для Лазаревского этот статус земства – необходимое условие существования местного самоуправления, то для Витте такое положение вещей представлялось неприемлемым. По его мнению, система управления должна быть цельной и внутренне не противоречивой. С ним соглашался другой яркий представитель «высших сфер» – К.П. Победоносцев. 9 сентября 1898 г. он писал С.Ю. Витте: «Земские учреждения в нынешнем виде вносят в отправление государственное безнравственные начала безответственности, разрушая сознание долга и необходимую определенность и способность к учету хозяйственных операций, Следовательно, с таким состоянием – разложения материального и нравственного – государственная мысль не может примириться, следовательно, потребно не только остановить дальнейшее развитие такого учреждения, но необходимо исправить его и поставить на верную почву»<sup>101</sup>.

В 1890-е гг. бюрократия перешла в активное наступление и заметно продвинулась в деле ограничения компетенции органов местного самоуправления. В 1890 г. было утверждено новое, значительно более консервативное по духу, чем прежнее, земское уложение. В 1892 г. начала работать правительственная комиссия, искавшая возможность умалить роль земства в деле народного просвещения. В 1893 г. был издан закон о новых правилах оценки недвижимости при взимании земских

сборов. В том же году был введен новый больничный устав, регламентировавший деятельность земской медицины. В 1894 г. было установлено правило, согласно которому члены училищных советов должны утверждаться администрацией. В 1896 г. в состав училищных советов были введены земские начальники. В 1900 г. были установлены ограничивающие финансовые возможности земства «Временные правила об установлении предельности земского обложения»<sup>102</sup>.

В ответ на это складывалось общественное мнение, отнюдь не благоприятное для правительства. «Из всех петербургских разговоров выносишь тяжелое впечатление. Особенно это ярко заметно теперь. Все чувствуют, что неправильно ведется дело, что назначения на высшие места не заслуживают критики», – 2 ноября 1892 г. занесла в свой дневник хозяйка аристократического салона А.В. Богданович. «Искренно преданных самодержавию очень не много, могу Вас уверить. Народу нечего сказать, ибо движение идет из столиц и городов и либерализм овладевает всеми. Тут крутыми мерами ровно ничего не сделаешь», – писал издатель «Нового времени» А.С. Суворин С.Ю. Витте в апреле 1899 г.<sup>103</sup> «Видел много культурного народа за эти дни, и все в один голос, одни с радостью (слепые дураки), другие с ужасом, констатируют один и тот же факт: современный государственный строй отживает свой век. Мы идем к конституции. Это яснее дня (и не пасмурного петербургского, а ясного кутаисского). Возвращаюсь из города с Победоносцевым, и он тоже самое повторяет. Идем на всех парах к конституции, и ничего, никакого противовеса, какой-либо мысли, какого-либо культурного принципа нет. Слаб еще, не разыгрался поток конституционных идей, но плотина, ему противопоставленная, еще слабее», – такую запись в дневнике 10 октября 1900 г. сделал один из наиболее видных представителей неославянофильского направления мысли генерал А.А. Киреев, человек, чрезвычайно близкий к «высшим сферам»<sup>104</sup>.

Знаменательно, что подобные оценки исходят от людей, в целом, лояльных к правящему режиму, которых скорее можно отнести к консервативному лагерю. Еще более примечателен тот факт, что среди недовольных правительственным курсом были представители высшей бюрократии. Из четырех мини-

стров внутренних дел конца XIX – начала XX в. трое так или иначе высказывались против настоящего бюрократического режима управления. Так, защитником земства и, соответственно, оппонентом С.Ю. Витте, посвятившего собственную записку разоблачению земства как инородного тела в государственном механизме России, оказался министр внутренних дел И.А. Горемыкин. По его мнению, российская государственность, как и прежде, должна иметь в своем основании органы местного самоуправления<sup>105</sup>. 2 апреля 1904 г. В.К. Плеве в беседе с А.А. Киреевым высказался в пользу масштабных реформ, в результате которых общество через своих представителей должно было оказывать серьезное влияние на принятие политических решений<sup>106</sup>. Следующий министр внутренних дел, П.Д. Святополк-Мирский, с самого вступления в должность не скрывал своих оппозиционных взглядов по отношению к прежде проводимому курсу. Еще до назначения, 25 августа 1904 г., во время своего разговора с императором Святополк-Мирский озвучил целую программу реформ. Помимо необходимости установления веротерпимости, новой политики по отношению к окраинам, облегчении положения печати, расширении прав земства, кандидат на пост министра настаивал на призыве выборов в Петербург<sup>107</sup>. Впоследствии была составлена записка П.Д. Святополк-Мирского, в которой намечался целый ряд соответствующих преобразований, реализация которых обозначала бы проведение в жизнь политических идеалов неославянофилов<sup>108</sup>.

Популярность славянофильских идей среди высшей бюрократии есть значимый факт, много говорящий о настроениях правящей элиты. Ведь, по существу, славянофильская концепция оказывалась удобным оформлением реформистских замыслов правительственных чиновников, консервативных хотя бы в силу своего должностного положения. Очевидно, это связано с утверждаемой славянофилами возможностью сочетать серьезные институциональные реформы с сохранением самодержавной формы правления. Под институциональной реформой в данном случае имеется в виду, в первую очередь, развитие принципа общественного самоуправления, в том числе и укрепление позиций земства. Таким образом, оппозиция прави-

тельственному «антиземскому» курсу находит своих сторонников и в самом правительстве, а министр, говорящий на языке славянофилов, – знак того, что недовольство существующим бюрократическим режимом управления становится практически всеобщим<sup>109</sup>.

Неудивительно, что 1890-е гг. стали временем поиска форм консолидации общества, столь раздраженного правительственным курсом. Эти процессы затронули сторонников едва ли не всех существовавших на тот момент направлений общественной мысли. Так, в середине 90-х гг. появились первые неонароднические организации. В 1893 г. в Берне возник Союз русских социалистов-революционеров, в 1895 г. в Саратове – Союз социалистов-революционеров, который в скором времени переехал в Москву. Подобные кружки возникли в это же время в Воронеже, Минске, Одессе, Пензе, Петербурге, Полтаве, Тамбове и Харькове<sup>110</sup>. В 1899 г. в Минске образовалась Рабочая партия политического освобождения России, появились кружки Союза социалистов-революционеров в Петербурге, Томске, Ярославле. В 1900 г. в Париже В.М. Черновым была основана Аграрно-социалистическая лига<sup>111</sup>. В рамках этих организаций шел непрерывный поиск идеологического консенсуса, который позволил бы сплотить сторонников неонароднического направления, порой расходящихся между собой по принципиальным соображениям<sup>112</sup>. Помимо этого, появившаяся, по сути, целая сеть эсеровских кружков, стала той почвой, на которой впоследствии возникла сама Партия социалистов-революционеров.

Среди организаций 1890-х годов особое место принадлежало Партии народного права. По воспоминаниям одного из ее членов О.В. Аптекмана, осознание того, что силы общества, в действительности, ничтожны, привело к мысли, что следует объединить всех сторонников коренного политического преобразования существующего режима<sup>113</sup>. Это одно из первых объединений неонародников и представителей радикального крыла либерализма<sup>114</sup>. Так что его можно считать предвестником «Союза Освобождения». Слово «партия» в названии организации не должно смущать исследователей: в данном случае речь об объединении кружкового типа, не имеющем опре-

деленной организационной структуры<sup>115</sup>. Показательно, что О.В. Аптекман, вспоминая о партийной работе, ограничился рассказом об издательской деятельности, которой, очевидно, и сводилась тактика его соратников<sup>116</sup>. Иными словами, за пределами типографии партии как таковой не было<sup>117</sup>.

Поиск форм консолидации имел место и на «социал-демократическом фланге» русской радикальной общественности. В начале 1890-х гг. в Петербурге возникли марксистские кружки Д. Благоева, П.В. Точисского, М.И. Бруснева и многих других, образуется кружок Н.Е. Федосеева в Казани. В 1895 г. был основан Союз борьбы за освобождение рабочего класса в Петербурге. Схожие организации появились в скором времени в Москве, Иваново-Вознесенске, Киеве, Екатеринославе, Одессе, Харькове, Самаре, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону<sup>118</sup>. «По сравнению с прежними кружками пропагандистов “Союзы борьбы” были довольно крупными организациями. Но это были по-прежнему организации руководителей (курсив мой – К.С.) движения», – писал Ю.О. Мартов, подчеркивая особенности этих объединений, предшествовавших образованию партии<sup>119</sup>.

В поиске организационных форм находились сторонники консервативных взглядов. Еще в 1890 г. Л.А. Тихомиров и К.Н. Леонтьев, перед самой смертью последнего, обсуждали необходимость образовать “штаб” для борьбы с врагами самодержавия под видом научного или благотворительного кружка. У этого проекта, казалось бы, есть свой прототип. Ведь подобная схема была давно уже апробирована представителями либеральной общественности. Так, Вольное Экономическое общество или же Московское Юридическое общество были глубоко политизированы и их задачи далеко не исчерпывались научными. Однако, сравнивать предполагаемое Тихомировым и Леонтьевым объединение было бы правильнее с нелегальными кружками, нежели с официально разрешенными общественными организациями: занимать определенную политическую позицию легальным объединениям не было позволено, а в основании этого «благотворительного кружка» должна была лежать именно политическая идеология. Так что в данном случае речь идет о качественно отличной организа-

ции. Проектируемое Л.А. Тихомировым и К.Н. Леонтьевым объединение относительной определенностью своего политического направления как раз должна была напоминать нелегальные кружки. Но в отличие от них, конспирация в данном случае должна была спасти не только от полицейских облав (Тихомиров и Леонтьев не исключали правительственных репрессий), но и от гнева радикальной общественности. Однако, модель политического поведения, предложенная консервативными мыслителями, имела те же предпосылки, что и тактика противников самодержавия: видные идеологи русского консерватизма исходили из осознания невозможности вести открытую политическую борьбу в настоящих условиях и, соответственно, говорили о приемах закулисной борьбы<sup>120</sup>.

Фактически в соответствии с проектом К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова в 1900 г. образовалось Русское собрание, предтеча всех правомонархических партий в России. Оно учреждалось именно как научно-просветительское общество<sup>121</sup>. Причем, изначально Русское собрание задумывалось как оппозиционное объединение по отношению к правящему режиму. Публицисты «Нового времени», стоявшие у истоков Русского собрания, рассчитывали консолидировать сторонников умеренно-консервативного направления, выступавших в пользу расширения полномочий органов местного самоуправления и ограничения чиновничьего произвола<sup>122</sup>. Много о статусе этого объединения на раннем этапе его существования говорит тот факт, что первоначально заседания Русского собрания происходили на конспиративных квартирах<sup>123</sup>. В итоге проект публициста С.Н. Сыромятникова и других сотрудников «Нового времени» реализован не был. В скором времени после образования в Русском собрании возобладали охранительные настроения. Организация заняла крайне правые позиции, а бывшие основатели объединения были вынуждены его покинуть<sup>124</sup>. Правда, судя по переписке одного из лидеров Русского собрания В.Л. Величко с графом С.Д. Шереметевым, эта организация не была идейно монолитная и в нее также входили сторонники прежнего направления, в свое время предложенного Сыромятниковым<sup>125</sup>.

Земцы не менее других представителей общественности нуждались в консолидации собственных сил, а, учитывая впол-

не реальную угрозу, нависшую над земством, возможно, даже и более остальных. В виду «антиземской» линии правительства казались оправданными опасения, что в скором времени речь пойдет об упразднении земства как такового или, по крайней мере, о низведении его значения к нулю. Губернское земство скоро исчезнет, лучшие независимые люди уйдут из земства – скажет В.И. Вернадскому тамбовский губернский предводитель дворянства К.Н. Чолокаев 19 марта 1900 г.<sup>126</sup> 18 июля того же года председатель московской земской управы Д.Н. Шипов писал своему другу М.В. Челнокову об угрозе самостоятельности земских учреждений и обязанности земства открыто выступить на защиту своих прав и полномочий<sup>127</sup>. Схожие мысли высказывал в письме к сыну И.И. Петрункевич 16 мая 1900 г.: земство на грани гибели; Витте, Сипягин, Победоносцев развернули атаку на органы местного самоуправления, так что теперь вряд ли кто-нибудь сможет им противостоять<sup>128</sup>. Три года спустя, в декабре 1903 г., неизвестный тверич напишет своей знакомой: «Земство замирает. Оно катится по наклонной плоскости, и никакие силы не спасут его от гибели. Внутренней силой оно не обладает, а надеяться на какие бы то ни было реформы в этом отношении нет никаких оснований. Мир праху твоему, русское самоуправление»<sup>129</sup>. Наиболее любопытны в этом контексте слова В.И. Вернадского, занесенные им в дневник 3 ноября 1900 г.: «Действительно, рамки жизни рушатся – рамки общественной жизни. Политическая роль земства постепенно сглаживается, а сама идея самоуправления оказывается несовместимой с государственной бюрократической машиной. Оно и занятно, т.к. ясно проникло [в] огромные слои русской жизни сознание необходимости политической свободы и возможность достигнуть ее путем развития самоуправления. Вероятно, земство должно быть уничтожено, т.к. при таком общественном сознании и настроении не может быть достигнуто устойчивое равновесие, ибо самоуправление должно расширяться или постепенно гибнуть в столкновении с бюрократией»<sup>130</sup>. Все или ничего – говорит Вернадский: торжество бюрократии может предотвратить лишь торжествующее земство. Поэтому «антиземской» программе правительства необходимо противопоставить альтернативную программу, которая предполагала

бы повышение значимости органов местного самоуправления в политической жизни страны.

Катализатором, послужившим оживлению земского и, по сути дела, всего общественного движения, стала кампания помощи голодающим 1891–1892 гг.<sup>131</sup> К ней подключились Вольное экономическое общество и комитет грамотности. Прошли многочисленные собрания, где обсуждались возможные мероприятия по помощи голодающим. Так, 27 октября 1891 г. состоялось совещание у К.К. Арсеньева (как раз тогда один из самых видных русских либералов, наиболее авторитетный публицист «Вестника Европы» Арсеньев познакомился с молодыми единомышленниками, Д.И. Шаховским и В.И. Вернадским)<sup>132</sup>. В 1892 г. прошло совещание у М.И. Свешникова. Оно собрало около ста земских деятелей, обеспокоенных сложившимся положением вещей<sup>133</sup>. Одно из таких собраний имело место в Москве на квартире И.И. Петрункевича 6 января 1893 г. «Столпы» общественного движения сошлись воедино: Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, В.А. Гольцев, И.И. Иванюков, В.И. Вернадский, Д.И. Шаховской, М.Я. Герценштейн, А.А. Корнилов, П.Н. Милюков и многие другие. Более 30 авторитетнейших представителей русской общественности, обсуждавших животрепещущий вопрос современности, – это можно рассматривать как предтечу возобновившегося движения земских съездов<sup>134</sup>. Особенно, если иметь в виду, что земский съезд 1893 г. также состоялся на квартире И.И. Петрункевича и был, в первую очередь, посвящен все тому же продовольственному вопросу.

«Я глубоко убежден, что нынешнее бедствие сыграет роль крымской войны и также явится лучшей критикой и лучшей оценкой нынешнего *regime*'а и направления теперешних реформ», – 1 сентября 1891 г. писал В.И. Вернадский жене<sup>135</sup>. В среде общественных деятелей голод начала 1890-х гг. был воспринят как симптом кризиса всей политической системы страны. «Становилось слишком ясным, что в этой социально-политической обстановке кроется какой-то глубокий порок, который никак нельзя было долее оставлять без внимания, не рискуя разорением крестьянского хозяйства, которое составляло фундамент всей экономической жизни страны», – вспоми-

нал А.А. Кизеветтер<sup>136</sup>. И если на легальных собраниях участников кампании помощи голодающим политический аспект проблемы лишь подразумевался, то в частных беседах об этом говорили вполне определенно и, соответственно, делали практические выводы из современного положения. В настоящее время представлялось «единственно возможным опереться на существующее ныне земское самоуправление и стремиться к соединению наличных земских сил и отдельных земств», говорил Д.И. Шаховской 30 декабря 1891 г. в обществе университетских друзей (В.И. Вернадского, братьев Ольденбургов, А.А. Корнилова). Тогда же А.А. Корнилов прочитал свою записку о «необходимости примирения между собою различных оппозиционных элементов в обществе». Общий вывод собравшихся, на тот момент активных участников кампании помощи голодающим, – надо занять выжидательное положение и вести серьезную подготовительную деятельность по объединению оппозиционной общественности<sup>137</sup>.

Таким образом, русское общество, желая помочь голодной деревне, искало возможности для консолидации своих сил, для координации действий. В результате этого возникли новые знакомства, налаживались контакты между различными кругами общества, система взаимосвязей внутри него становилась более сложной. Помимо всего прочего, события 1891–1892 гг. – важный жизненный опыт для общественного деятеля. Их значимость подтверждается хотя бы одним любопытным фактом: по подсчетам Т. Эммонса, большинство лидеров партии кадетов (52%) родилось между 1865 и 1870 гг.<sup>138</sup> и, соответственно, свою взрослую жизнь они начали в пору кампании помощи голодающим. Показательно, что во главе конституционно-демократической партии окажутся те, для кого борьба с голодом 1891–1892 гг. стал первым этапом общественной деятельности.

В 1893 г. после четырнадцатилетнего перерыва соберется земский съезд, посвященный в первую очередь как раз продовольственному вопросу. Помимо этого, на земских съездах 1893 и 1894 гг. обсуждался целый комплекс проблем, которые неизменно поднимались на всяком совещании деятелей местного самоуправления. Так, в марте 1894 г. земцы будут говорить о необходимости пересмотра недавно утвержденного зем-

ского положения<sup>139</sup>, о мелкой земской единице<sup>140</sup>, о роли органов местного самоуправления в деле народного образования<sup>141</sup>, о важности мелкого кредита<sup>142</sup>.

В начале января 1895 г. произошло событие, серьезно повлиявшее на настроения в земской среде. 17 января 1895 г. молодой государь Николай II на приеме в Зимнем дворце депутатов дворянства, земств и городов произнес известные слова о «бессмысленных мечтаниях» деятелей местного самоуправления, возжелавших участвовать в процессе принятия государственных решений<sup>143</sup>. Выступление царя стало ответом на земские адреса девяти губерний, где земцы осмелились просить государя ограничить власть бюрократии и убрать существующее средостение между тронем и народом, дабы голос общества доходил до престола<sup>144</sup>. Так что связанные с началом нового царствования ожидания принципиального поворота правительственного курса с этого момента потеряли всякое основание. «В Петербурге эти слова всеми комментируются, очень много недовольных. Все разочарованные уезжают домой. Очень немногие восхваляют речь царя, но сожалеют и те, что он это сказал. Теперь все, кто слышал слова царя, говорят, что видно в нем деспота», – записала в дневнике А.В. Богданович<sup>145</sup>. Если нет смысла ждать добровольных уступок сверху, то остается задуматься, как добиться этих уступок снизу – впоследствии рассуждал известный историк и видный представитель либерального движения А.А. Кизеветтер, вспоминая события 1890-х гг. Слова о «бессмысленных мечтаниях» были произнесены вопреки общественному настроению и вызвали чрезвычайное раздражение в стране. «Земская среда с этого именно времени стала серьезно готовиться к политической схватке, окончательно изверившись в возможности согласования правительственной политики с передовыми общественными стремлениями»<sup>146</sup>. По воспоминаниям Д.И. Шаховского, вскоре после речи государя в Москве имело место весьма представительное совещание общественных деятелей. В центре внимания стоял вопрос: как общество должно было реагировать на жесткую позицию власти. Звучали слова о необходимости заявить протест в органах зарубежной печати, присутствовавшие также высказывались в пользу образования собственной организации<sup>147</sup>. И, действительно, по сведениям Департамента полиции,

1895 г. мог бы стать годом основания Земской лиги, политическое объединение оппозиционно настроенных земских деятелей и представителей либеральной интеллигенции<sup>148</sup>. Возникновение кружка, организующего проведение земских съездов и одновременную подачу петиций от различных организаций с требованием свободы слова, расширения сферы деятельности земств и созыва общероссийского совещания «земских людей», предполагалось как ответ императору на его речь от 17 января 1895 г.<sup>149</sup> Задуманная К.К. Арсеньевым организация, по сути дела, была предтечей «Беседы». Да и замысел создания самой «Беседы» возник именно в это время. По воспоминаниям Ф.А. Головина, в самом начале 1896 г., во время коронации нового государя, граф П.С. Шереметев много говорил с ним «о борьбе земского начала с бюрократическим, о ничтожности личности государя. Весь этот разговор вел к приглашению меня в состав Тайного общества под названием “Беседа”»<sup>150</sup>.

Однако, земцы не ограничились только замыслами: в 1895–1896 гг. было созвано не одно весьма представительное общеземское совещание, на котором обсуждались вопросы государственного значения. В декабре 1895 г. состоялся пятый съезд сельских хозяев, который собрал многих видных деятелей местного самоуправления. Один из ключевых вопросов этого совещания – необходимость введения волостного земства, иными словами, учреждение столь необходимой для правильного функционирования местного самоуправления мелкой земской единицы<sup>151</sup>. Многие видные земцы собрались в Москве в мае 1896 г. во время коронации нового императора: 11, 12, 15 и 18 мая присутствовали на банкете, где, воспользовавшись случаем, обсудили злободневные вопросы местной жизни<sup>152</sup>. В августе 1896 г. в Нижнем Новгороде провели совещание председатели губернских земских управ. Основная цель этой «беседы» – найти способ координировать деятельность земств по отстаиванию интересов местного самоуправления. Они рассуждали, что в сложившихся обстоятельствах правительство может игнорировать земские ходатайства, считая их частными пожеланиями, обусловленными местной спецификой. Надо же сделать так, чтобы центральная власть имела дело не с отдельными земствами, а с единым земским движением, с которым уже при-

дятся считаться. А для этого необходимо, чтобы во всех земских собраниях синхронно обсуждались одни и те же вопросы и в результате составлялись схожие резолюции. Для такого рода координации деятельности земств представляется важным регулярно проводить совещания председателей управ. Ради этого собравшиеся избрали бюро, на которое возложили обязанность – подготовку к будущим совещаниям. Следующее же собрание было решено провести через год<sup>153</sup>. Однако, в 1897 г. это собрание не было разрешено властями<sup>154</sup>. Председатели губернских управ встретились в 1898 г.: они съехались на открытие памятника Александру II и провели свою очередную «беседу»<sup>155</sup>.

И все же многолюдные собрания деятелей местного самоуправления, земские съезды оказывались крайне не удобным средством консолидации сил. Земцы были вынуждены либо добиваться разрешения правительства, чрезвычайно настороженного по отношению к подобным инициативам, либо дожидаться благовидного предлога для проведения своего совещания. Отказ И.Л. Горемыкина разрешить проведение очередного совещания председателей губернских земских управ в 1897 г. дал знать общественным деятелям, что рассчитывать на такого рода собрания как на постоянно действующий политический институт, способный консолидировать силы земств, не стоит. И в 1900 г. организация аналогичного собрания представлялась маловероятной одному из инициаторов нижегородского съезда Д.Н. Шипову. В письме к председателю херсонской земской управы В.П. Андреевскому он говорил о необходимости созвать лишь 10–12 губернских председателей, чтобы они обсудили программу реформирования системы управления в России<sup>156</sup>. Андреевский возражал: правительство узнает и об этом собрании<sup>157</sup>. В таком случае надо созвать всех председателей – соглашался Д.Н. Шипов. Дабы совещание не обратило бы на себя внимание полиции, стоит воспользоваться предстоящим в Москве в феврале 1901 г. съездом деятелей по агрономической помощи местному населению<sup>158</sup>.

В феврале 1901 г., действительно, состоялось земское совещание. После официальной части агрономического съезда земцы собрались на обед, где в неформальной обстановке могли обсудить волнующие их проблемы<sup>159</sup>. Д.Н. Шипов не решил

ся рассказать собравшимся о своем плане и ограничился выступлением по поводу антиземской политики правительства в сфере народного просвещения<sup>160</sup>. Тогда как раз было решено, что вообще и в данном случае, в частности, наиболее удобный путь координации усилий земств – это письменные сношения между ними (хотя, конечно, всегда стоит пользоваться случаем, чтобы собраться вместе)<sup>161</sup>. Земцы не верили в перспективность создания каких-либо структур, действующих на постоянной основе и способствующих объединению деятелей местного самоуправления. Председатели земских управ по тем или иным соображениям противились идее формализации взаимоотношений, и, следовательно, было необходимо искать другие механизмы координации общих действий.

Д.Н. Шипов не оставлял идею составить адрес и собрать под ним подписи. Он все же организовал кружок из ближайших друзей и сотрудников по московскому земству. Им предстояло разработать записку, под которой бы подписались видные представители земства от каждой губернии<sup>162</sup>. Таким образом, Д.Н. Шипову показалось наиболее разумным организовать не совещание, состоящее исключительно из председателей управ и, кстати, тем самым неизбежно обращающее на себя внимание властей, а кружок близких знакомых. как будто бы подтверждая правомерность такого организационного решения, министр внутренних дел Д.С. Сипягин в октябре 1901 г., как раз в то время, когда шла работа кружка Д.Н. Шипова по составлению записки на имя императора, послал председателю московской земской управы циркулярное распоряжение, чтобы «общественные установления отнюдь не вступали в взаимные отношения с целью возбуждения одновременных и однообразных ходатайств»<sup>163</sup>.

Действительно, вряд ли авторитарный режим мог бы допустить существование, по сути дела, политической организации, пополнявшейся *ex officio* или же по выбору: ведь это означало бы формирование альтернативного центра власти, обладающего определенной легитимностью и возможностью влиять на ситуацию в стране. И все же именно компактное по численности, но представительное собрание было очевидной альтернативой массовому объединению, о котором тогда и речи не могло быть.

И если оказывалось невозможным, чтобы эта организация формировалась согласно тем или иным формальным критериям, оставалось лишь рассчитывать на неформальное объединение. Любопытно, что примерно в то же время, когда Шипов только задумывал образовать свой кружок, в рамках которого можно было бы обсудить программу неотложных реформ системы управления, в Петербурге возникло очень похожее, по сути, объединение. В феврале 1900 г., когда в столице проходил съезд статистиков, имело место несколько частных совещаний, на которых говорилось о необходимости объединения русской интеллигенции. Ради этой цели было избрано бюро, в состав которого вошел П.Н. Милюков, В.Я. Богучарский, В.И. Чарнолусский, В.Я. Муринов, А.А. Никонов, А.В. Пешехонов, Н.А. Рубакин. Бюро провело несколько заседаний, после чего фактически распалось<sup>164</sup>. Несмотря на столь не похожие задачи, столь различный состав, это объединение все же напоминает шиповский кружок: структура того и другого предполагает, что узкий круг лиц должен принять решение и так или иначе навязать его целой социальной группе (в одном случае – интеллигенции, в другом – земским деятелям).

Существовал еще один способ координации действий общественных сил в условиях авторитарного режима. Печатное слово – один из немногих инструментов, с помощью которого незначительное по численности объединение может оказывать влияние на умы многих, способствовать их консолидации вокруг этого издания и, таким образом, оказываться заметной силой. Проблема создания такого органа печати примерно в одно и то же время обсуждалась сторонниками различных идеологических направлений.

«В настоящее время газета, может быть, – единственная сила; она д[олжна], главным образом, стоять высоко в смысле идейном», – записал в своем дневнике В.И. Вернадский 20 марта 1900 г. В этот день Вернадский встречался с И.И. Петрункевичем. Они обсуждали подготовку к изданию газеты, которая должна была бы объединить лучшие либеральные силы страны. Главным редактором согласился стать К.К. Арсеньев. Уже был сформирован редакционный комитет, были найдены деньги, оставалось лишь добиться разрешения

властей. Благодаря А.Ф.Кони, состоялось свидание одного из инициаторов этого издания Г.Б. Иоллоса с начальником управления по делам печати Н.В. Шаховским. «Значит дело идет о консолидации либеральных сил?» – прямо поставил вопрос Шаховской. «Да», – откровенно ответил Иоллос. Шаховской признал, что считает это вредным и нежелательным, однако, обещал не препятствовать изданию газеты, если на то будет воля министра<sup>165</sup>. Однако, проект создания легального издания, способного, действительно, консолидировать либеральную оппозицию, все же не был реализован.

О периодическом издании славянофилов, способном объединить сторонников консервативного реформизма, мечтал и А.А. Киреев: «План наш был иметь орган совершенно независимый и самостоятельный, орган of His Majesty Opposition (оппозиции Его Величества – К.С.)»<sup>166</sup>. В июле 1896 г. Д.А. Хомяков от имени группы единомышленников представил этот проект на рассмотрение министру внутренних дел И.Н. Дурново. «И так много журналов, – говорил министр, – в новых нужды не ощущается»<sup>167</sup>. Пройдет несколько лет, и в 1900 г. П.В. Жуковский будет говорить о том же самом с новым министром, Сипягиным. «конечно, идея His Majesty Opposition ему (Сипягину – К.С.) и непонятна и не “по нутру”, – подытоживал в дневнике Киреев. – Он инстинктивно ей враждебен. как тут действовать?! как организовать консервативную партию, когда те, которым хочешь служить, к[оторых] хочешь спасти этого не понимают, что для такого служения нужна свобода слова! Что служить молча могут только лакеи, а не верные слуги»<sup>168</sup>.

Издаваемые за рубежом социал-демократическая «Искра», эсеровская «Революционная Россия», конституционалистское «Освобождение» играли роль своего рода организационных центров, способствующих сплочению сторонников различных политических взглядов. На что-то подобное рассчитывали и земцы, желавшие, правда, оставаться в рамках закона. В 1898 г. Д.Н. Шипов рассослал проспект предполагавшегося общеземского издания председателям губернских земских управ<sup>169</sup>. В 1901 г. он вновь призывал председателей управ на предстоявших земских собраниях возбудить вопрос об учреждении газе-

ты, посвященной вопросам местного самоуправления<sup>170</sup>. В сентябре 1902 г. Д.Н. Шипов в письме к М.В. Челнокову уже рассуждал о необходимости издания печатного органа за границей, «в котором спокойно, корректно и с полным достоинством (в отличие от журнала “Освобождение” – К.С.) выяснились бы ошибки нашего правительственного курса и разрешились бы недоразумения, на которых этот курс зиждется»<sup>171</sup>. В начале девятисотых годов идею создания руководящего печатного земского органа вынашивал и председатель екатеринославской губернской земской управы М.В. Родзянко, предполагавший превращение Екатеринослава «в некое подобие земских Афин»<sup>172</sup>. «По его замыслам, это должен был быть орган, вокруг которого могли сплотиться все деловые круги конституционного умонаклонения», – вспоминал работавший в то время в провинциальных редакциях А.Б. Петрищев, которому как раз осенью 1901 г. Родзянко предложил возглавить эту газету<sup>173</sup>. Однако, проект остался проектом, и вместо общеземского печатного органа появилась всего лишь «Екатеринославская земская неделя»<sup>174</sup>.

Интересно, что как раз именно совместная издательская деятельность предшествовала возникновению кружка «Беседа». Судя по переписке П.С. Шереметева и Д.И. Шаховского, еще в 1897 г., за два года до образования кружка, началась работа по составлению первого изданного «Беседой» сборника «Всеобщее образование в России»<sup>175</sup>. «Мы затеем издать сборник по народному образованию, который заключал бы в себе, между прочим, фактические сведения о положении народной школы в различных частях России, а также сведения о всяких предприятиях по внешкольному образованию», – сообщал Д.И. Шаховской своему старому другу А.А. Корнилову<sup>176</sup>. Изначально даже речь шла о периодическом издании, посвященном проблемам народного образования<sup>177</sup>. Однако, школьное дело было не просто темой для будущего сборника. Я «...кажется, было бы возможно в значительной мере объединить деятельность отдельных земств по народному образованию путем составления свода сведения об них и путем некоторого воздействия на самое направление и силу деятельности отдельных земств», – будет писать П.С. Шереметеву Д.И. Шаховской в письме от 3 ноября 1897 г.<sup>178</sup> Иными словами, издательская

деятельность – лишь отправная точка для обсуждения тактики земского движения, а земцы, задумавшиеся об издании сборника, посвященного общественно важным вопросам, неизбежно выходили на проблему консолидации русского общества.

То, что сотрудничество будущих «собеседников» началось с издательского проекта, посвященного школьному делу, представляется вполне закономерным. Народное образование – болевая точка для земства. М.А. Стахович, орловский предводитель дворянства, в записке о местном самоуправлении в России счел нужным процитировать А.Б. Васильчикова, согласно которому, «главными органами самоуправления» являлись народные училища, земские собрания и мировой суд<sup>179</sup>. Примечательно, что школу Васильчиков поставил на первое место. Молодые люди, как сын генерала Д.И. Шаховской, бросили мысли о научной или чиновничьей карьере, дабы заняться постановкой народного просвещения и с головой уйти в земское дело<sup>180</sup>. Санкт-Петербургский комитет грамотности играл значительную роль в общественной жизни в 1890-х гг.<sup>181</sup> На тех немногих земских «беседах» начала 1890-х гг., повестка дня которых была зафиксирована в дневниках К.К. Арсеньева, обсуждали, в первую очередь, проблемы народного образования<sup>182</sup>. Впоследствии многие совещания земцев были посвящены школьному делу (совещание общественных деятелей в Петербурге 13 января 1901 г.<sup>183</sup>, в марте 1901 г.<sup>184</sup>, собрание деятелей местного самоуправления в курске 28–30 июня 1901 г., совещание 13 октября того же года<sup>185</sup>).

В этом смысле чрезвычайно показательны резолюции местных сельскохозяйственных комитетов, созданных по инициативе С.Ю. Витте. Заседавшие там земские деятели воспользовались случаем и попытались напомнить о своих требованиях правительству. В постановлениях ставился вопрос о мелкой земской единице, об организации мелкого кредита, даже о политических правах населения. Но все же чаще всего в резолюциях говорилось о необходимости введения всеобщего образования (этот пункт упомянули 44% уездных комитетов и 61% губернских). Чуть менее популярным был вопрос о развитии внешкольного образования (о нем говорили 30% уездных комитетов и 44% губернских комитетов). Для сравнения, о мел-

кой земской единице сельскохозяйственные комитеты упоминали значительно реже: указание на необходимость ее введения встречается в постановлениях 23% уездных и 11% губернских комитетов<sup>186</sup>. Так что отношение к школьному делу оказывается, в значительной мере, определяющим для характеристики позиции земства как единого целого.

Значение проблем народного образования для земства объяснялся хотя бы тем, что этот один из первостепенных вопросов русской жизни в контексте противостояния администрации и органов местного самоуправления имел на тот момент лишь два решения, «земское» и «неземское»: либо школы будут контролироваться обществом, либо государством. Так что как раз в борьбе за школьное дело могло коваться единство земских сил, которые, естественно, выступали за «земское» решение. Например, Ф.Д. Самарин, человек консервативных убеждений и, что в данном случае наиболее важно, человек, безусловно, церковный, на земском собрании 1894 г. вместе со всеми гласными отстаивал земскую школу и критиковал церковно-приходскую. «Забота о народном образовании вообще, о начальном же в особенности должна быть делом общества, а не государства», – писал он отцу 22 июня 1894 г. Полностью же зависимая от власти церковь не может обеспечить общественный контроль над школой – оправдывался Самарин перед родителем<sup>187</sup>. Представляется любопытным, что в этом случае совпадают не только выводы Самарина и либеральных земцев, но и логика, которая к ним привела: в своих рассуждениях Ф.Д. Самарин, подобно радикальным коллегам, исходил из представлений об общественной самостоятельности как о необходимом элементе системы управления и не принимал ее ограничение со стороны администрации. О том же самом свидетельствовало и совещание земцев в марте 1901 г., посвященное народному образованию. как впоследствии вспоминал А.А. Савельев, проблемы школьного дела сплотили людей совершенно разных взглядов. Не только земцы-либералы (а к ним он причислял Петра Д. Долгоорукова, М.А. Стаховича, А.А. Стаховича и П.С. Шереметева), но и самые консервативные элементы отстаивали земскую школу и отказывались согласиться с ее возможным переподчинением правительству или

Синоду<sup>188</sup>. Отношение к школьному делу объединяло земцев вне зависимости от их идеологических пристрастий.

Народное просвещение стало точкой соприкосновения для будущих «собеседников». Причем, работа над частными проблемами общественной жизни неизбежно выводила молодых земцев на общеполитические сюжеты, следствием чего и стало собрание в Москве в Знаменском переулке 17 ноября 1899 г.

1899 г. был чрезвычайно напряженным, с точки зрения взаимоотношений власти и общества. В этом году как раз была составлена «антиземская» записка С.Ю. Витте, в октябре был уволен вроде бы сочувствовавший земству И.А. Горемыкин и вместо него назначена креатура Витте Д.С. Сипягин. «Итог пятилетнего царствования все больший и больший раскол между правительством и народом, Между Петербургом и Россией. какое-то особенное преобладание двора, придворной сферы в правительственной деятельности и в общем строе дела», – так 22 ноября 1899 г. писал в своем дневнике московский голова князь В.М. Голицын о назначении министром внутренних дел Д.С. Сипягина<sup>189</sup>. Попутно он жалел «доброего» Горемыкина, сетовал на всеилие петербургских кружков<sup>190</sup> и указывал на растерянность общества, готового сравнивать нового министра с одиозной фигурой Д.А. Толстого и, соответственно, ничего хорошего для себя не ожидавшего<sup>191</sup>. Но более всего встревожили общество университетские беспорядки и избранные правительством меры борьбы с ними. 29 июня 1899 г. были изданы Временные правила, предполагавшие «отбывание воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков»<sup>192</sup>. «...Преобразованная русская армия снова превращается в арестантские роты. Мы возвращаемся к худшим преданиям дореформенного времени, – констатирует Б.Н. Чичерин в письме к преобразователю русской армии Д.А. Милютину. – И в то время это делалось в исключительных случаях, всякий раз по особому Высочайшему повелению. Теперь же это возводится в правило...»<sup>193</sup> Естественно, еще более тревожные настроения были в самом университете. «Может быть, вообще мы присутствуем при окончательной гибели университетов в России, и они заменятся... политехниками, как больше подходящи-

ми к грубой и некультурной форме русского государства», – писал жене В.И. Вернадский 27 августа 1899 г.<sup>194</sup> Как вспоминал историк земского движения И.П. Белоконский, 1899 г., с точки зрения общественного настроения, очень напоминал 1889 г., когда все ожидали, что земство вот-вот прекратит свое существование<sup>195</sup>.

Именно в такой атмосфере собрались хорошо знавшие друг друга земские деятели на московской квартире князей Долгоруковых<sup>196</sup>. Кто был инициатором этого совещания – вопрос спорный. Согласно выпискам Д.И. Шаховского из протоколов этого заседания, инициатива принадлежала самому Павлу Долгорукому<sup>197</sup>. Этот факт оспаривал П.С. Шереметев, правда, не уточняя, кто именно был инициатором совещания<sup>198</sup>. Другой «собеседник» В.А. Бобринский упрекал Шереметева в излишней скромности, так как, по его сведениям, именно графу П.С. Шереметеву принадлежала идея организации этого собрания<sup>199</sup>.

Чугунная ограда, раскидистые деревья тенистого сада, приходящая с парадной лестницей, белый зал, кабинет – так много лет спустя, уже в эмиграции, будет описывать долгоруковский особняк Н.Н. Львов<sup>200</sup>. Именно там собрались шесть человек, земцев, недовольных настоящим положением вещей: это будут хозяева, братья Долгоруковы, князья Петр и Павел, граф П.С. Шереметев, граф Д.А. Олсуфьев, Ю.А. Новосильцев и В.М. Петрово-Соловово<sup>201</sup>. Они стали первыми «собеседниками», а тот ноябрьский день стал датой возникновения нового кружка. По всей видимости, объединение еще не имело своего имени. По замечанию Павла Шереметева, название было предложено Н.А. Хомяковым<sup>202</sup>, который был кооптирован в «Беседу» лишь в 1901 г.<sup>203</sup>

## *§2. Состав объединения*

В 1905 г. в составе «Беседы» числилось уже 56 человек<sup>204</sup>. Кружок пополнялся посредством кооптирования, причем для утверждения кандидата требовалось согласие абсолютного большинства присутствующих. Согласно воспоминаниям М.В. Голицына, изначально для кооптации требовалось единогласное решение. Впоследствии было достаточно боль-

шинства в две трети<sup>205</sup>. Однако, далеко не всегда это «правило» соблюдалось. Так, на заседании кружка 30 октября 1904 г. П.П. Булыгин был избран одиннадцатью голосами против одного, а против князя И.А. Куракина уже было подано два голоса, в результате чего сомневавшиеся «собеседники» поручили бюро «справиться в постановлениях “Беседы” и выяснить вопрос о том, считать ли его избранным или нет». Очевидно, бывшие постановления кружка говорили не в пользу избрания И.А. Куракина, так как «собеседником» князь все-таки не стал<sup>206</sup>. Не раз «Беседа» не собиралась в полном составе. Однажды в особняке Долгоруковых одновременно заседали 23 «собеседника» – это было самое многочисленное собрание кружка<sup>207</sup>. Лишь пять раз количество присутствующих достигало двадцати человек или же превышало это число<sup>208</sup>. В среднем же количество участников заседания составляло 13 человек<sup>209</sup>. При этом, надо иметь в виду, что далеко не все члены «Беседы» хотя бы раз принимали участие в работе объединения. Из 56 «собеседников» 11 скорее всего вовсе не посещали заседания кружка, шесть участвовали в работе «Беседы» лишь один-два раза<sup>210</sup>. Вместе с тем, выделяется группа (21–24 человека) наиболее активных «собеседников», составляющих ядро объединения<sup>211</sup>. При анализе состава кружка будут учитываться лишь те, кто хотя бы раз посетил заседание объединения.

Сразу бросается в глаза, что «Беседа» – элитарное объединение, в которое входили практически исключительно представители высшей русской аристократии. «Палата лордов» – так, по воспоминаниям Петра Долгорукова, в некоторых кругах в шутку именовали «Беседу»<sup>212</sup>. Действительно, из 42 человек, принимавших участие в работе кружка, – 9 князей и 5 графов<sup>213</sup>. Подавляющее большинство «собеседников» принадлежало к дворянскому сословию. Исключение лишь составил известный промышленник и общественный деятель, член земской управы М.В. Челноков<sup>214</sup>. При этом почти что все члены объединения были землевладельцами. Были среди них и очень богатые люди. Так, Н.Н. Львову принадлежало около 29 тыс. десятин земли. 11 тысяч десятин находились в собственности В.М. Петрово-Соловова, 10 тысяч принадлежало Д.А. Олсуфьеву. Примерно столько же его брату, М.А. Олсуфьеву.

9 тысяч десятин принадлежали В.А. Бобринскому. 7 тысячами десятин владел Павел Долгоруков, около 2 тысяч – в собственности его брата, Петра Долгорукова. Более 6 тысяч принадлежало П.А. Гейдену<sup>215</sup>. Один из основателей «Беседы» П.С. Шереметев был сыном одного из богатейших людей страны С.Д. Шереметева, который владел 151 000 десятин, разбросанных по 22 губерниям России. Также большую прибыль приносили ценные бумаги и дома в столице. Ежегодный доход графа составлял 1 миллион рублей<sup>216</sup>. «Мы... все более или менее крупные помещики, с определенным положением по нашему имени, люди исключительно одной среды», – охарактеризовал состав объединения Петр Долгоруков на заседании кружка 25 августа 1903 г.<sup>217</sup>

Среди членов «Беседы», участвовавших в работе объединения, было 2 губернских предводителя дворянства и 16 уездных, 7 председателей губернских земских управ и 2 председателя уездных управ<sup>218</sup>. Учитывая, что предводители дворянства ex officio возглавляли земские собрания, можно сделать вывод, что около 62% «собеседников» принадлежали к высшему руководящему звену органов местного самоуправления<sup>219</sup>. При этом, практически все члены объединения за редким исключением были связаны с земской деятельностью<sup>220</sup>.

Средний возраст членов объединения к 1899 г., моменту образования кружка, был 35 с половиной лет<sup>221</sup>. Как пишет Т.Эммонс, в основном, это были люди, начавшие земскую деятельность в конце 80-х – начале 1890-х годов<sup>222</sup>.

В «Беседу» были представлены преимущественно центральные нечерноземные губернии. Из 43 «собеседников» 27 работали в земствах Московской, Тульской, Орловской, Курской, Владимирской, Ярославской, Тамбовской, Рязанской, Тверской губерний. Больше всего было земцев из Московской (7 членов «Беседы»), Тульской (8) и Орловской (4) губерний. Столь же многочисленны были представители Саратовской губернии (5 человек). Правда, это исключение из правила: отдаленные от Москвы губернии были, в целом, представлены относительно скромно (не считая «саратовцев»). Так, «Беседу» посещали земцы Псковской, Харьковской, Полтавской, Самарской,

Смоленской губерний<sup>223</sup>. Однако, эти сведения, безусловно, характеризующие кружок, не отражают всей полноты картины. Например, одним единственным представителем Псковской губернии был авторитетнейший земский деятель П.А. Гейден, фактически определявший позицию губернского земского собрания и, будучи президентом Вольного экономического общества, игравший заметную роль в общественном движении<sup>224</sup>. Самарский земец Н.А. Шишков был одним из наиболее активных «собеседников», регулярно посещавших заседания и принимавших участие в прениях.

Таким образом, о «среднерусской» направленности кружка говорить не стоит: весомость представительства от той или иной губернии определялось не количеством «собеседников». А если же учитывать всех членов объединения, даже не посещавших заседания объединения, география «Беседы» значительно расширится<sup>225</sup>. Но все же существовавшее распределение участников кружка по губерниям представляется показательным, так как характеризует условия существования «Беседы». Во-первых, в Москву на заседания объединения приезжали, в первую очередь, из близлежащей округи, и во время обсуждения организационных вопросов члены кружка оценивали это как неизбежный недостаток настоящего положения «Беседы». Во-вторых, надо учитывать, что в состав объединения кооптировали по рекомендации одного из «собеседников», который, естественно, предлагал того, кого он лично знал. И довольно часто рекомендовали сослуживцев, работавших в том же земстве<sup>226</sup>. Это объясняет многочисленность «делегаций» «собеседников» от отдельных губерний. В этом в т. ч. сказывался неформальный характер объединения: членами кружка становятся не *ex officio*, а в силу личного знакомства и родства.

При самом поверхностном изучении списка участников «Беседы» можно отметить близкие родственные связи многих «собеседников»: так, если обратиться к полному списку членов объединения, то окажется, что шесть пар родных братьев и одна пара троюродных состояли в кружке<sup>227</sup>. Однако, этим картина не исчерпывается. Например, два «собеседника», два ученика Б.Н. Чичерина Ю.А. Новосильцев и В.М. Петрово-

Соловово, вместе со своим учителем работавшие в Тамбовском земстве, оба были женаты на дочерях князя А.А. Щербатова. Его третью дочь взял в жены еще один «собеседник» (правда, ни разу не посетивший заседания кружка) Е.Н. Трубецкой<sup>228</sup>. Председатель тульской губернской земской управы князь Г.Е. Львов был женат на сестре одного из активнейших участников объединения В.А. Бобринского, которая в то же время была племянницей другого члена «Беседы», лидера «прогрессивной» партии тульского земства Р.А. Писарева<sup>229</sup>.

Таким образом, «Беседа» – объединение, сформированное из личных друзей и родственников, а не по какому-либо формальному принципу. По сути дела, единственным формальным требованием к будущим «собеседникам» было их участие в земском деле. Правда, и влияние такой организации могло быть обеспечено лишь вещами, не поддававшимися формализации: авторитетом участников кружка, их вовлеченностью в земское движение. Конечно, многие члены объединения занимали руководящие посты в органах местного самоуправления и могли хотя бы в силу должностного положения оказывать влияние на работу земств. В качестве примера можно привести довольно живописную картину, описывающую степень влияния князя Павла Долгорукова в Рузском уезде. Ее в октябре 1902 г. представил в отчете начальник московского жандармского управления: «...Рузское уездное земство, постепенно уклоняясь от своего нормального управления в сторону народничества, приняло довольно яркий оттенок. Такое направление задается в уезде благодаря, главным образом, чрезвычайному влиянию предводителя дворянства князя Долгорукова, который, пользуясь своим служебным положением, в связи с большими материальными средствами и связями, постоянно устранял с своего пути всех лиц, не пользующимися его симпатиями, и захватил исключительное влияние на население (так в тексте – *К.С.*), не исключая и лиц, служащих в административных учреждениях»<sup>230</sup>. Схожую картину рисовало жандармское управление Тульской губернии: согласно сведениям полиции, там безраздельно господствовал князь Г.Е. Львов<sup>231</sup>.

Но здесь надо иметь в виду, что, во-первых, далеко не все «собеседники» были предводителями дворянства или же

председателями земских управ. Во-вторых, в большинстве случаев (18 из 28) члены кружка возглавляли уездные, а не губернские земские учреждения, так что их непосредственное влияние зачастую было ограничено географически чрезвычайно малыми территориями. В-третьих, «политический вес» той или иной фигуры не всегда определялся ее должностным положением. Так, например, фактический лидер псковского земства П.А.Гейден был предводителем не губернского, а опочецкого уездного дворянства<sup>232</sup>. Очень влиятельный в Тульской губернии Р.А.Писарев также был только лишь уездным предводителем<sup>233</sup>.

При всем при том, авторитетность земцев имеет и определенное математическое выражение: речь идет об участии в земских съездах, куда старались приглашать наиболее влиятельных деятелей местного самоуправления. Списки участников земских съездов – как раз важный аргумент в пользу утверждения о влиятельности «собеседников» в земской среде. В данном случае не имеет значение входили ли те или иные земцы в кружок на момент очередного съезда: ведь интерес представляет индивидуальная роль в общественном движении отдельных лиц, рано или поздно вступивших в «Беседу». В мае 1902 г. на съезде присутствовало 16 настоящих или будущих членов объединения (из них 15 хотя бы раз посетили заседания кружка), и это составило около 30% участников того совещания<sup>234</sup>. На апрельском съезде 1903 г. из 28 земцев, собравшихся в Петербурге, 10 уже входили или же в ближайшем будущем войдут в состав «Беседы» (правда, один из них будет лишь номинальным членом кружка)<sup>235</sup>. В процентном отношении число «собеседников» опять же колебалось в районе 30%. На ноябрьском съезде 1904 г., чрезвычайно важном для развития земского движения и, в целом, политического процесса в России, присутствовало 25 «собеседников» (лишь 4 из них ни разу не посетили заседания «Беседы»)<sup>236</sup>. Всего же на съезд приехало 96 человек: т. е. около 25% присутствующих – члены кружка. Следующий земский съезд состоялся в апреле 1905 г. Отсутствует список участников этого совещания, однако, есть сведения о том, кто был, в принципе, приглашен на съезд. Этот список столь велик, что подсчитывать процентное соотношение числа «собеседников» ко всем присутствующим представляется излишним. Но членов

«Беседы» на этом земском форуме было не мало: 30 номинальных участников объединения или же 25 человек, действительно посещавших заседания кружка<sup>237</sup>. В любом случае на этом съезде должно было присутствовать более половины всех «собеседников».

Если иметь в виду выше перечисленные съезды, то окажется, что 37 членов «Беседы» принимали участие хотя бы в одном из них: иными словами, около 70% от общего числа «собеседников». Если же учитывать только тех членов кружка, кто действительно приезжал на заседания «Беседы», цифры будут несколько иными: из 42 участников объединения в съездах принимал участие 31 (т. е. те же 70%)<sup>238</sup>.

Примечательна роль «собеседников» в подготовке ноябрьского земского съезда 1904 г. В фонде Департамента полиции сохранились сведения об участниках совещаний, предварявших заседания самого съезда. Так, 30 октября в Москве состоялось три таких совещания, на которых неизменно присутствовали Петр Д. Долгоруков и Д.И. Шаховской: учитывая, что на этих собраниях всего присутствовало 3–4 человека, «собеседники» составляли от половины до двух третей от общего числа участников. 31 октября на квартире П.Д. Долгорукова, где обычно собиралась «Беседа», имело место уже довольно многочисленное совещание, и из 19 присутствующих большинство (14 человек) составили как раз члены кружка. На следующий день, 1 ноября 1904 г., вновь собрание на квартире Долгорукова, и опять абсолютное большинство участвовавших в нем – «собеседники» (8 из 10). В тот же день земцы собирались у С.А. Щербатова: из 10 присутствовавших – 6 членов «Беседы». 2 ноября совещание вновь состоялось на квартире Щербатова. 31 человек участвовал в обсуждении предстоящего съезда. Из них 10 (т.е. около 30%) входили в кружок. 3 ноября земцы сошлись у председателя московской губернской земской управы Ф.А. Головина: из 5 участников этого совещания все состояли в «Беседе». В тот же день имело собрание на квартире С.Т. Морозова: «собеседники» составили треть присутствовавших (9 из 28). 4 ноября совещание происходило у П.Д. Долгорукова: из четырех человек трое были членами «Беседы». Собрание на квартире Ф.А. Головина произошло в тот же день: из 7 присутствовавших – лишь один

В.И. Вернадский не входил в «Беседу»<sup>239</sup>.

Согласно воспоминаниям Д.И. Шаховского, аналогичные совещания имели место в Санкт-Петербурге, и организация этих собраний принадлежала опять же членам «Беседы», вступившим в соглашение со столичными общественными деятелями<sup>240</sup>. Таким образом, роль «собеседников» едва ли не была решающей в деле подготовки земского съезда: в Петербурге они были инициаторами подобных собраний, а в Москве на большинстве предварительных совещаний члены кружка численно преобладали, а на двух самых многолюдных собраниях составляли треть присутствующих. «кружок этот (“Беседа” – К.С.)... не имел прямой организационной связи со съездами, и тем не менее влиял на ход работ и физиономию съездов», – писал Петр Долгоруков в воспоминаниях, посвященных П.А. Гейдену<sup>241</sup>.

Авторитет и влияние участников объединения пройдут проверку на земском съезде 24–25 мая 1905 г. Тогда был поставлен вопрос об избрании делегации к императору для поднесения обращения монарху. Больше всех голосов набрал П.А. Гейден (161), затем следовал Г.Е. Львов (141 голос), потом – Н.Н. Львов (113 голосов). 106 голосов получил И.И. Петрункевич, 103 – Д.Н. Шипов, 92 – Петр Д. Долгоруков, 91 – Ф.А. Головин, 84 – Павел Д. Долгоруков, 81 – Н.Н. Ковалевский, 78 – Ю.А. Новосильцев, 72 – Ф.И. Родичев, 68 – Д.И. Шаховской<sup>242</sup>. В этом своеобразном «рейтинге» земских деятелей десять позиций из двенадцати принадлежали членам «Беседы» (лишь И.И. Петрункевич и Ф.И. Родичев не входили в кружок).

Значимая роль многих «собеседников» в общественно-политическом процессе подтверждается и тем фактом, что большинство членов кружка впоследствии окажутся во главе различных партий. Членами ЦК партии кадетов были 13 участников «Беседы»<sup>243</sup>. 10 бывших «собеседников» вошли в ЦК «Союза 17 Октября»<sup>244</sup>. В 1906 г. некоторые из них (П.А. Гейден, М.А. Стахович, Д.Н. Шипов), недовольные политикой партийного руководства, вышли из октябристской партии и основали собственную, Партию мирного обновления<sup>245</sup>. к ним присоединились еще два члена «Беседы»: Н.Н. Львов, Е.Н. Трубецкой. Эти пять человек и составили руководящее ядро партии<sup>246</sup>. В 1912 г. на базе Партии мирного обновления

образовалась партия прогрессистов<sup>247</sup>. В состав Цк этого объединения входило семь бывших «собеседников»<sup>248</sup>. Т. о., после 1905 г. именно члены «Беседы» определяли лицо русского либерализма. Если же еще учитывать основавшего Союз русских людей П.С. Шереметева<sup>249</sup>, числившегося в «Беседе» председателя Совета объединенного дворянства А.А. Бобринского<sup>250</sup>, одного из руководителей фракции умеренных правых и националистов в III и IV Думе В.А. Бобринского<sup>251</sup>, то окажется, что 30 «собеседников» (т. е. более половины) находились во главе тех или иных партийных организаций.

При этом бросается в глаза, что бывшие члены «Беседы» разошлись в разные стороны: одни оказались на левом фланге либерального движение, другие заняли куда более консервативную позицию «Союза 17 октября», третьи защищали центристское направление русского либерализма, а некоторые «собеседники» (П.С. Шереметев, А.А. Бобринский, В.А. Бобринский) стали во главе правых политических организаций. В действительности, разногласия среди участников кружка имели место и до 1905 г.: в кружке до поры до времени уживались два направления, конституционное и неославянофильское. Судя по сохранившимся протоколам «Беседы», четыре члена кружка (П.С. Шереметев, М.А. Стахович, А.Д. Поленов, Д.Н. Шипов) так или иначе высказывались в пользу славянофильского идеала государственного устройства, подразумевающего единение самодержавного монарха и самоуправляющегося народа<sup>252</sup>. Помимо этого, Д.А. Олсуфьев, по собственному признанию, принадлежал в это время к неославянофильскому направлению<sup>253</sup>. Наличие такого рода противоречий для «собеседников» было очевидным фактом: никто не скрывал своих взглядов на заседаниях кружка. «Приезжай. А то совсем не ездишь. Нужно давать отпор, когда слишком зарываются в море “либерализма”»<sup>254</sup>. Так, накануне очередного собрания «Беседы» 22 августа 1902 г. П.С. Шереметев писал Д.А. Олсуфьеву, призывая того участвовать в намечавшейся «схватке» между конституционалистами и неославянофилами.

Малочисленность «собеседников» неославянофильского направления не должна смущать. Ведь из этих пяти человек двое (П.С. Шереметев и Д.А. Олсуфьев) были одними из осно-

вателей «Беседы»<sup>255</sup>. Двое других, председатель московской губернской земской управы Д.Н. Шипов и предводитель орловского дворянства М.А. Стахович, были столь авторитетны в земской среде, что не считаться с их мнением было невозможно.

Помимо этого, формальный подход в данном случае совершенно не приемлем. Жесткой грани, отделяющей позицию «собеседников»-конституционалистов от позиции их коллег неославянофилов, зачастую не было. Так, один из основателей «Союза Освобождения», конституционалист Н.Н. Львов определял свои политические взгляды следующим образом: «*Que c'est l'invasion des idées liberales dans une tête feodale*» (что это вторжение либеральных идей в феодальную голову – фр.). В университете Н.Н. Львов, по собственному признанию, был «белоподкладчиком» (т.е., будучи студентом, он подчеркивал свою «благонадежность», враждебность ко всякой оппозиции). Львов стал либералом со времен событий на Ходынском поле. Но и после 1896 г. об Александре III он отзывался с почтением, а не любимых либералами земских начальников считал «идущими от народа»<sup>256</sup>. На съезде же «Союза Освобождения» в Шаффгаузене в 1903 г. Н.Н. Львов убежденным демократом доказывал недопустимость «прямолинейного применения демократических принципов»: «Все для народа, но не все через народ»<sup>257</sup>.

В то же время славянофил Д.А. Олсуфьев в студенческие годы был либералом радикального толка, позитивистом. После окончания университета он уже склоняется в пользу славянофильства<sup>258</sup>. При чем, такой серьезный перелом в мировоззрении Олсуфьева произошел, в значительной мере, под влиянием Г.Е. Львова, в недалеком будущем члена «Союза Освобождения»<sup>259</sup>. Но славянофильство Д.А. Олсуфьева имело своеобразные черты. Сам он аттестовывал свои взгляды как «славянофильски-народнические». В священной триаде (православие, самодержавие, народность) он заменил третий элемент, народность на народничество<sup>260</sup>. «Прогрессивное монархическое народничество – вот было наше тогдашнее направление: деревня, хозяйство и общественная деятельность около народа, разделяя политические и духовные идеалы; а таковыми мы считали тогда православие и самодержавие на ми-

стической его основе»<sup>261</sup>, – так Д.А. Олсуфьев характеризовал свои и Г.Е. Львова взгляды в 1890-е гг. На тот момент монархизм Олсуфьева, по сути дела, имел глубоко демократические основания. Но со временем он отошел и от этих убеждений и, будучи уже членом Государственного Совета, стал сторонником конституционной монархии<sup>262</sup>.

В саратовском земстве существовали две партии: одну, консервативную, возглавлял демократ по убеждению и в силу семейной традиции<sup>263</sup>, в прошлом убежденный либерал радикального направления, в будущем конституционалист Д.А. Олсуфьев; во главе прогрессивной партии стоял, по выражению А.А. Корнилова, «старозаветный русский дворянин»<sup>264</sup>, в прошлом «белоподкладочник», а ныне либерал с «феодалной головой» Н.Н. Львов<sup>265</sup>. Подобное противостояние представляется символичным: между позицией Львова и Олсуфьева пропасти не было. «Политическая философия» каждого из них представляла собой открытую систему, подверженную внешним влияниям и способную интегрировать разнородные элементы. Она во многом страдала эклектикой, но при этом была гибкой и не догматичной. Поэтому жестко разграничивать две «фракции», имевшие место в «Беседе», представляется ошибочным, так как «политическая философия» многих «собеседников» не имела четко очерченных контуров.

И все же, помимо выше названных пяти членов «Беседы», к конституционалистам в той или иной степени можно отнести всех остальных «собеседников», о которых сохранились сведения, позволяющие реконструировать их взгляды. Многие участники «Беседы» входили в «Союз Освобождения», объединявший представителей радикального либерализма. По подсчетам американского исследователя Т. Эммонс, как минимум, 18 членов кружка были «освобожденцами». По всей видимости, еще большее число «собеседников» участвовало в работе съездов земцев-конституционалистов<sup>266</sup>.

Было бы чрезвычайно соблазнительным представить «Беседу» в качестве связующего звена между организациями либерального и консервативного толка. В действительности, в Русском собрании, единственном объединении правых сил, которое можно было бы сопоставить с «Беседой», «собеседни-

ков» не было<sup>267</sup>. В историографии также встречаются упоминания о такой организации как «Патриаршая палата», которая будто бы служила центром консолидации консерваторов<sup>268</sup>. Обойти этот вопрос в данном случае невозможно, так как некоторые члены «Беседы» (П.С. Шереметев<sup>269</sup>, А.А. Бобринский<sup>270</sup>, Н.А. Хомяков<sup>271</sup>) действительно посещали «Патриаршую палату». Имя же П.С. Шереметева встречается в списке присутствующих довольно часто, что вполне закономерно, учитывая характер этого «объединения».

В Петербурге в доме Барсуковых на Большой Морской часто бывали именитые гости. Они собирались в зале, увешанном портретами православных иерархов. Именно поэтому хозяева дома, историки Н.П. Барсуков и А.П. Барсуков, в шутку его называли «Патриаршей палатой»<sup>272</sup>. Сюда приезжали Шереметевы, Гудовичи, Воронцовы-Дашковы, Сабуровы, Бобринские, Сипягины, Святополк-Мирские, Шуваловы. Гостями «Патриаршей палаты» были также историки И. Хрущов, К. Губастов, писатель И. Горбунов, поэт В. Величко<sup>273</sup>. Все выше названные лица (и к тому же, естественно, братья Барсуковы) еще часто собирались в Фонтанном доме, принадлежащем семейству Шереметевых<sup>274</sup>. Такое совпадение вполне объяснимо: речь идет о ближайших родственниках<sup>275</sup> или же сотрудиках<sup>276</sup> С.Д. Шереметева, вхожих в семью графа. Назвать этот круг знакомых и родственников объединением можно лишь с большой долей иронии, учитывая характер подобных собраний. Судя по дневникам А.П. Барсукова, заседания «Патриаршей палаты» – это, в первую очередь, трапеза, а, во вторую, вист или же другая карточная игра<sup>277</sup>. Иногда в доме Барсуковых проводились литературные вечера<sup>278</sup>. Политические вопросы обсуждаются не часто, и к единству мнений прибавившиеся приходили редко<sup>279</sup>. «Политическую позицию» «Патриаршей палаты» хорошо характеризует тот факт, что деятельность в качестве министра внутренних дел завсегдагая ее заседаний П.Д. Святополк-Мирского вызывала отторжение у большинства гостей дома Барсуковых<sup>280</sup>.

Тем не менее, сам факт принадлежности П.С. Шереметева к этому кругу нельзя игнорировать. «Беседа» – не объединение государственных должностных лиц, которое могло бы

в силу своего состава получить полуофициальный статус и таким образом обрести определенный вес в политической сфере. «Беседа» не могла похвастаться многочисленностью своих членов. Так что единственным ресурсом «Беседы» были личные знакомства и влияние ее членов. Поэтому представляется важным, что связи «собеседников» простирались от представителей революционных партий, с которыми искал соглашение «Союз Освобождения», до посещавшего «Патриаршую палату» редактора консервативной газеты «Московские ведомости» В.А. Грингмута<sup>281</sup> и «гонителя земства» Д.С. Сипягина.

### *§3. Организационная структура*

«Беседа» собиралась 3–5 раз в году<sup>282</sup>. Писанного устава у кружка не было<sup>283</sup>. Однако, сложились традиции, определявшие ход заседаний объединения. Так, по воспоминаниям В.А. Маклакова, «беседы» начинались с того, «что шутивно называлось “собираением сплетен”, т.е. информирования о том, что не всем было доступно, что делалось и предполагалось за кулисами власти». Затем «собеседники» переходили к обсуждению злободневных вопросов общественной жизни<sup>284</sup>. Обязанности председательствующего<sup>285</sup>, как и секретаря, который вел протокол заседания, «собеседники» выполняли по очереди<sup>286</sup>. В 1904 г. у кружка появился постоянный секретарь и архивариус: он должен был вести документацию «Беседы». Эти обязанности взял на себя В.А. Маклаков<sup>287</sup>. У кружка было свое организационное бюро, состоявшее из московских членов объединения<sup>288</sup>, в задачи которого входило исполнение казначейских и секретарских обязанностей<sup>289</sup>, а также рассылка интересных материалов членам объединения<sup>290</sup>. То, что «москвичи» составляли ядро организации и скорее всего в совокупности и входили в бюро «Беседы», подтверждается хотя бы тем фактом, что на заседании 14 мая 1904 г. было «признано желательным, чтобы независимо от общих собраний “Беседы” московские ее участники собирались не менее одного раза в месяц для обсуждения текущих дел и подготовки материала к общим собраниям»<sup>291</sup>. Введение в 1904 г. должности постоянного секретаря кружка было частью реформы организационной структуры объединения. Тогда же, 1 сентября 1904 г., было реше-

но, что обязанности бюро должны быть распределены между его членами, чтобы каждый из них отвечал за отдельное направление работы. В.А. Маклаков взялся за секретарские обязанности<sup>292</sup>. казначеем же «Беседы» стал сын А.Н. Толстого С.А. Толстой<sup>293</sup>. В соответствии с этим же постановлением «Беседы», бюро должно было избрать своего председателя, который, по возможности, ежемесячно созывал его для решения текущих дел. Помимо этого, «собеседники» согласились на наем платного секретаря, который, по всей видимости, должен был выполнять обязанности стенографиста<sup>294</sup>. Платить ему могли из средств «Беседы», которые накапливались благодаря членским взносам участников объединения<sup>295</sup>. Правда, пройдет немало времени, прежде чем этот секретарь приступит к работе. Об этом можно судить по косвенным данным: лишь с 20 февраля 1905 г. в протоколах заседаний «Беседы» не обозначались «собеседники», выполнявшие секретарские обязанности<sup>296</sup>.

Очевидно, структура столь малочисленного объединения не могла быть слишком сложной. Однако, такой принцип организации «Беседы» объясняется не только количеством участников кружка: его члены всячески противились попыткам формализации тех начал, на которых строилось объединение. В этом смысле показательно заседание «Беседы» 25 августа 1903 г. В тот день А.А. Стахович выступил с проектом реорганизации кружка. Во-первых, он предложил организовать «Харьковскую беседу», которая бы способствовала консолидации земцев южных губерний. На «Московскую беседу» издали не едут, рассуждал Стахович, так что необходимо создавать аналогичные «Беседе» организации на окраинах империи. Во-вторых, А.А. Стахович считал важным определить критерии подбора новых «собеседников»: по его мнению, следовало «увеличить состав «Беседы» и притом, по возможности, равномерно по губерниям, чтобы все примосковские губернии были бы в ней представлены ввиду практического направления, составляющего главный смысл такой организации, как «Беседа», и требующего присутствия гласных от различных губерний для проведения принятых здесь решений, по возможности, во всех земствах»<sup>297</sup>.

Первый пункт «программы» Стаховича поддержал В.М. Петрово-Соловово. Он признал необходимость расши-

ритель состава кружка. Соглашаясь с тем, что сама «Беседа» не может принимать новых членов со всех концов страны, Петрово-Соловово говорил о том, что следует «покрыть Россию сетью отдельных кружков, находящихся между собою в сношениях (через почту и «делегатов»); этот путь децентрализации и есть самый подходящий, по которому мы должны идти». Он аргументировал свою позицию весьма противоречиво. «Беседа» есть партия, утверждал В.М.Петрово-Соловово. Расширение ее состава неизбежно. Но все же перед этим стоит задуматься об общих целях объединения<sup>298</sup>. (Хотя, казалось бы, если «собеседники» уже в сложившихся обстоятельствах составляют политическую партию, то солидарность по ключевым проблемам государственной и общественной жизни не может стоять под вопросом.)

Оппонировал А.А.Стаховичу Петр Долгоруков. Он не отрицал необходимости консолидации всех земских сил, но при этом не считал, что именно «Беседа» объединит земскую Россию. «Это не наше дело, а дело организации в более широких размерах, из земских людей, в самом широком смысле слова, с участием так называемого третьего элемента; мы для этого слишком тесный кружок, слишком одностороннего, так сказать, состава...» Однако, по мнению П.Д.Долгорукова, объединение, подобное «Беседе», – сам по себе «знаменательный факт общественной жизни». Аристократический кружок, в который входят лидеры земского движения, имеет огромное значение, по крайней мере, в глазах правительства. Придумывать же какие-либо критерии подбора новых «собеседников» (например, «географический», предложенный А.А.Стаховичем) П.Д.Долгорукову казалось неправильным: ведь влияние кружка определяется вовсе не какими-либо формальными параметрами<sup>299</sup>.

П.Д.Долгоруков одержал верх по этому вопросу: голоса «собеседников» разделились поровну и предложение А.А.Стаховича осталось без последствий. Мысль же о создании кружков, подобных «Беседе», наоборот, встретила полное одобрение присутствующих<sup>300</sup>. Это обращает на себя внимание в связи с дискуссией, развернувшейся относительно настоящего и будущего кружка. А.А.Стахович настаивал на организации более сложного по своей структуре объединения, которая

бы позволила более эффективно проводить свою линию в земстве; В.М. Петрово-Соловово говорил о неизбежном перерастании «Беседы» в партию и, соответственно, намекал на необходимость придать этому объединению массовый характер; П.Д. Долгоруков считал, что кружок как раз в том виде, в котором он существовал, обладал исключительными возможностями влиять на политическую ситуацию в стране. И при всем при том, что мнения «собеседников» по этому вопросу значительно расходились, в одном они были абсолютно солидарны: не может быть и речи о преобразовании организационной структуры «Беседы» в соответствии с образцами европейской партийной системы. «Беседа» в любом случае должна была остаться кружком, ни о какой коренной реформе организационной структуры «собеседники» не говорили. Единственное, на что еще могли пойти члены «Беседы», – так это согласиться на образование нескольких подобных кружков, которые вовсе не должны быть подотчетны московским коллегам.

Такая позиция «собеседников» объяснялась, в первую очередь, репрессивным характером существовавшего режима. В этой ситуации земским лидерам, не желавшим уходить в подполье, приходилось выбирать наименее громоздкие организационные формы. В соответствии с этой установкой и рассуждал А.А. Стахович: он говорил о создании новых кружков как о возможной альтернативе созыву «всероссийских» земских съездов, столь печально порой заканчивавшихся для их участников<sup>301</sup>. П.Д. Долгоруков, сравнивая «Беседу» с пока не существовавшим оппозиционным объединением «в более широких размерах», видел очевидное преимущество «Беседы» в том факте, что правительство ее, по крайней мере, терпело<sup>302</sup>.

Действительно, в «высших сферах» знали о существовании кружка. Так, согласно сообщению, по всей видимости, председателя московского дворянства П.Н. Трубецкого Павлу Долгорукову, министр внутренних дел В.К. Плеве был информирован о собраниях объединения и косо смотрел на них, так как считал, что этот кружок, очевидно, принадлежал к конституционному направлению<sup>303</sup>. Павел Долгоруков в письме к П.Н. Трубецкому от 25 января 1903 г. пытался развеять ложные представления Плеве о подпольном, нелегальном характере

организации. «Беседа», писал П.Д. Долгоруков, – кружок близких друзей и хороших знакомых. «Единственная задача наша – обмен мнений относительно способов пробуждения в самих себе и в окружающих общественной деятельности и развитии самодеятельности на местах. Так как мы все земские деятели, то на первом плане у нас стоит земское самоуправление, так как, – ты, я уверен, и сам в этом не сомневался, – никакой политической агитационной деятельности у нас нет, то я совершенно недоумеваю, к чему можно было бы на законном основании к нам придрататься, хотя бы наши взгляды на земство и общественность и расходились со взглядами Плеве и других лиц, власть имеющих»<sup>304</sup>. Столь пространное письмо П.Д. Долгорукова с рассуждениями об организации, деятельность которой не была санкционирована правительством, можно объяснить лишь тем, что послание адресовывалась не только П.Н. Трубецкому, но и большому ценителю эпистолярного жанра В.К. Плеве<sup>305</sup>. Так что для реконструкции тактики и программы «Беседы» этот источник представляется сомнительным. Однако, способ защиты, выбранный П.Д. Долгоруковым, наглядно демонстрирует преимущества такой организационной формы как кружок в условиях чрезвычайно ограниченного политического плюрализма. «Беседа» – частное объединение, настаивал П.Д. Долгоруков. Здесь ведутся «интимные разговоры» и более ничего. Попытка же каким-либо образом ограничить возможность собираться и мирно беседовать есть вмешательство в личную жизнь. «Если бы, паче чаяния, пришлось прекратить наши невинные частные собрания у меня на квартире, то стали собираться у другого, у третьего. Нельзя же серьезно думать, что можно полицейскими мерами воспрепятствовать всякому общению между собою знакомых»<sup>306</sup>.

И, действительно, В.К. Плеве смотрел на собрания «Беседы» сквозь пальцы, даже несмотря на то, что из Департамента полиции поступала порой угрожающая информация о характере совещаний на квартире Долгоруковых. Так, по словам председателя тульской губернской земской управы князя Г.Е. Львова, В.К. Плеве считал, что «Беседа» была образована с целью книгоиздательства за границей<sup>307</sup>. как раз в тот день, 11 января 1904 г., когда Г.Е. Львов рассказывал «собеседни-

кам» о своей недавней встрече с министром внутренних дел, за домом Долгоруковых было установлено наблюдение. Согласно агентурным сведениям, на заседании кружка 11 января 1904 г. якобы обсуждались вопросы, касавшиеся организации «Союза объединенной интеллигенции во имя освобождения», который должен был бы «связать в одно целое оппозиционные элементы всех крупных культурных центров России для совместной борьбы с самодержавием, причем к этому союзу предполагается привлечь и представителей плутократии»<sup>308</sup>. Имея в распоряжении протоколы как утреннего, так и вечернего заседания «Беседы», можно с уверенностью утверждать, что в Департаменте полиции не знали того, что, на самом деле, происходило на собраниях в особняке Долгоруковых<sup>309</sup>. Однако, и этот воображаемый заговор, как будто бы плетущийся во дворце в Малом Знаменском переулке, не стал причиной решительных действий властей по отношению к «собеседникам».

Так что, в конечном счете, встречающееся в историографии определение «Беседы» как легального объединения не столь уж ошибочно, как это может показаться<sup>310</sup>. Впрочем, иногда и сами «собеседники» относили свой кружок к легальным организациям. Например, С.Л. Толстой, сравнивая «Беседу» с гипотетически возможным конституционным кружком, к недостаткам последнего относил то, что подобное объединение «на легальной почве не мыслимо», тем самым давая понять, что «Беседа» как раз стояла на легальной почве. Толстому, по существу, вторил А.А. Стахович: «В организации более радикальной, чем настоящая “Беседа”, организации чисто конституционного направления, земские люди, не решившиеся положить крест на свою общественную деятельность, не примут участия, и “Беседа” потеряет в таком случае очень много членов, безусловно полезных “собеседников”, в виду их опытности и преданности делу при обсуждении вопросов земской жизни»<sup>311</sup>. Иначе говоря, по мнению Стаховича, участие в кружке, подобном «Беседе», в самодержавной России не было чревато какими-либо преследованиями.

Сколь спорным не казалось это утверждение, все же можно согласиться, что власть, естественно, не одобряя такого рода собрания, все же не стремилась карать их участников. Учитывая это

двойственное отношение «высших сфер» к факту существования кружка, было бы наиболее верным отнести «Беседу» к полуправильным организациям, официально не санкционированным и все же не стесненным особым вниманием полиции.

Предложенный же А.А. Стаховичем путь расширения «Беседы» (образование новых кружков) был именно потому и приемлем для участников объединения, что он вовсе не предполагал коренной ломки структуры организации и позволял сохранить ее настоящее положение. к вопросу о создании кружков в других городах России «собеседники» обращались неоднократно. Например, подобное предложение обсуждалось на заседании 15 февраля 1904 г. Правда, о проекте создания «Харьковской беседы» забыли – речь шла об образовании кружка в Петербурге. Однако, к положительному решению «собеседники» все же не пришли. «Беседа» постановила, «не образовывая отдельной организации предоставить тем настоящим и будущим членам “Беседы”, которые проживают или часто бывают в Петербурге, устраивать там особые собрания»<sup>312</sup>. На заседаниях кружка 31 августа и 1 сентября 1904 г. «собеседники» решили иначе. Было поручено «Н.Н. Львову во время его поездки в Петербург в октябре подготовить почву вместе с членами “Московской беседы”, живущими в Петербурге, бароном Мейендорфом, Поленовым и графом Павлом Михайловичем Толстым, для группировки членов будущей “Петербургской беседы” из петербуржцев, преимущественно»<sup>313</sup>.

В письме к В.А. Маклакову от 25 сентября 1904 г. П.М. Толстой, активно взявшийся за организацию кружка в столице, просил секретаря «Беседы» выслать ему список «собеседников», живущих в Петербурге. Согласно письму Толстого, работа по формированию этого объединения успешно продвигалась. По этому поводу П.М. Толстой уже встречался с Д.И. Шаховским, П.А. Гейденом и, по всей видимости, с А.А. Бобринским<sup>314</sup>. Как писал А.А. Стахович П.Д. Долгорукову, принимавшие участие в организации нового объединения П.М. Толстой и не входивший в «Беседу» А.Н. Рутцен планировали начать работу петербургского кружка уже 25 октября 1904 г.<sup>315</sup>. На заседании «Беседы» 30 октября 1904 г. Толстой сделал подробное сообщение о возникшем в последние дни

«Совещании в Петербурге». По его словам, этот кружок – вовсе не отделение «Беседы». Однако, многие «собеседники», докладывая Толстой, выразили желание войти в новое объединение; в настоящий же момент недавно образованное бюро «Совещания» разрабатывало правила приема новых членов<sup>316</sup>. Дальнейшая история «Петербургской беседы» остается практически неизвестной<sup>317</sup>.

Столь удобная земским деятелям организационная форма кружка определяла не только порядок формирования объединения, но и его роль в общественном движении. Объединение, выстроенное на основе неформальных связей, с неизбежностью функционировало иначе, нежели организация, образованная вокруг определенных формализованных начал. Многое в этом отношении проясняет дискуссия среди «собеседников» о возможности превращения «Беседы» в партию<sup>318</sup>.

Большинство участников объединения поддерживало в этом вопросе Петра Д. Долгорукого, считавшего, что «Беседа» представляет собой «межпартийный» кружок, так что говорить о его перерастании в некую партию было бы неправильным<sup>319</sup>. «...В ней (в “Беседе” – К.С.) участвуют люди разного направления, – говорил Петр Долгоруков на собрании кружка 11 января 1904 г., – и “Беседе” можно быть мостом между разными передовыми партиями»<sup>320</sup>. Присутствовавший на том заседании И.П. Демидов понял слова П.Д. Долгорукова слишком буквально и предложил, чтобы «члены “Беседы”, при междупартийной роли ее, должны быть выбраны из тех партий, к которым они принадлежат»<sup>321</sup>. Петр Долгоруков был вынужден выступить вновь, и, возражая И.П. Демидову, он как будто бы противоречил сам себе: «...Надо перекинуть мост чрез пропасть, отделяющую земскую оппозицию от других, но это должно быть сделано вне “Беседы”, довольно разнообразной по своему составу на местах, “Беседа” же не есть центральный орган таких партий, а может быть только косвенным отражением этих движений настолько, насколько участники “Беседы” будут членами оппозиционных организаций»<sup>322</sup>.

Противоречие между этими двумя высказываниями Петра Долгорукова, в действительности, мнимое. Обращает на себя внимание любопытная фраза о «косвенном отражении» оп-

позиционных движений в объединении. Один из основателей кружка считал вторичным тот факт, что в «Беседе» состояли лидеры различных «партий»; для него «межпартийное» положение кружка – далеко не самая важная характеристика организации. Тем более для него неприемлемо превращение «Беседы» в форум представителей различных политических направлений. Для П.Д. Долгорукова «Беседа» – «знаменательный факт современной действительности», интересный благодаря исключительности состава объединения<sup>323</sup>. С его точки зрения, этот кружок имел вес в общественной жизни как некоторая целостность, единство, пускай, даже очень разнородных элементов.

Итак, П.Д. Долгоруков одновременно утверждал целостность кружка и разнородность его состава. По сути дела, подобную же двойственность позиции демонстрировал и В.М. Петрово-Соловово на заседании «Беседы» 25 августа 1903 г. Называя кружок партией и, таким образом, утверждая его в качестве определенной целостности, он акцентировал внимание на отсутствие солидарности в «Беседе» по некоторым ключевым вопросам, тем самым признав наличие серьезных разногласий среди «собеседников»<sup>324</sup>.

Эта двойственность была неизбежной, учитывая принцип формирования объединения. С одной стороны, «Беседа» – союз друзей, близких знакомых и родственников, участвовавших в земской деятельности. Они принадлежали к одному социальному кругу и жили общими интересами, так что очень многое должно было их объединять. С другой стороны, «Беседа» формировалась не вокруг определенной, хорошо разработанной программы, так что о строгом (sic!) соответствии взглядов кандидата в «собеседники» позициям всего объединения говорить не приходилось.

Это была политическая организация, в высшей степени характерная для самодержавной России. Земцы в условиях репрессивной политики властей были вынуждены искать организационные формы, способные консолидировать их усилия, которые одновременно не провоцировали бы карательные действия полиции. При этом, многие деятели местного самоуправления, не желавшие рисковать своей карьерой, абсолютно

не стремились уходить в подполье и рассчитывали заниматься, по сути дела, политической работой в рамках хотя бы полулегального объединения. В этом случае наиболее удачной организационной формой становился кружок, не слишком большой по численности и не столь представительный по составу, чтобы претендовать на статус альтернативного центра власти (именно поэтому объединение председателей губернских земских управ, действующее на постоянной основе, оказалось неприемлемым для земцев), как раз таким кружком и была «Беседа». На частные совещания близких друзей и родственников власть смотрела сквозь пальцы, практически не замечая, что в доме Долгоруковых собираются наиболее видные представители земского движения в России.

Не только личные отношения связывали «собеседников», но и общее земское дело, в которое были так или иначе вовлечены почти все члены «Беседы». Однако, кружок – объединение, строящееся не вокруг каких-либо формальных принципов. Так что будущие участники «Беседы» перед вступлением в организацию вовсе не должны были знакомиться с программой кружка, хотя бы по той простой причине, что детально разработанной программы у объединения не было. «Беседу» составляли люди разных взглядов и убеждений. Но при всех противоречиях они ощущали, что кружок представляет собой некоторую целостность, и, более того, в полемическом задоре они готовы были назвать его партией.

## ГЛАВА ВТОРАЯ

### ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Разногласия среди членов кружка давали хороший повод исследователям обходить вопрос о программе этой организации и рассматривать «Беседу» лишь как дискуссионный кружок, объединявший едва ли не идеологических противников<sup>325</sup>. На первый взгляд может показаться, что подобная точка зрения вполне оправдана. Об этом может говорить, например, то, что в кружке собирались как сторонники сохранения самодержавия, так и убежденные конституционалисты. Следовательно, по такому коренному вопросу как форма правления «собеседники» не могли прийти к принципиальному соглашению. А исследователь при этом еще невольно держит в уме, что «в действительности» думали члены «Союза Освобождения», состоявшие одновременно и в «Беседе».

«Беседе» нельзя иметь политической программы, и ее дело – отрицательное отношение к бюрократии, которое делает из «Беседы» прогрессивную земскую партию», – утверждал Павел Долгоруков на заседании кружка 11 января 1904 г.<sup>326</sup> Исследователи цитировали первую часть фразы и не хотели замечать вторую<sup>327</sup>, хотя само это высказывание заключает в себе внутреннее противоречие. Ведь у «прогрессивной земской партии» по определению должно быть общее направление, а, соответственно, общие цели и задачи. Очевидно, утверждая невозможность прийти к единой программе, князь П.Д. Долгоруков имел в виду программу в западноевропейском смысле этого слова, предполагавшую лишь минимальные разногласия членов партии относительно самых значимых проблем государственной жизни, но он ни в коей мере не отрицал существование солидарности «собеседников» по многим коренным вопросам и, следовательно, общих целей объединения. Такое единство могло возникнуть лишь как результат компромисса между конституционалистами и неославянофилами, составлявшими «Беседу».

## *§1. В поиске компромисса*

Существующее в историографии противопоставление идеологии позднего славянофильства и конституционализма коренится в том, что исследователи сравнивают не две системы представлений, а конечные выводы, к которым приходили те и другие. В значительной мере это объясняется малой изученностью позднего славянофильства, в отличие от классического этапа этого направления мысли<sup>328</sup>. Наиболее же продуктивным представляется сопоставление элементов теории неославянофилов и конституционалистов. Ведь определить общее и отличное значит очертить пространство для диалога представителей этих двух направлений.

*Право.* Пожалуй, в отношении к праву и правовым механизмам кроется основное отличие в идеологии неославянофильства и конституционализма. По крайней мере, дискуссия между сторонниками этих течений шла именно вокруг этого вопроса. «коренная черта этого политического учения (славянофильства – К.С.) состоит именно в отрицании необходимости всяких юридических форм, создаваемых для обеспечения разных личных и общественных прав», – «разоблачал» славянофилов А.Д. Градовский еще в 1881 г.<sup>329</sup> Эта формулировка возмутила И.С. Аксакова. Ухватившись за довольно размытое определение, данное оппонентом, он возражал, что славянофилы никогда не отрицали необходимость государства и его институтов. По мнению И.С. Аксакова, сущность славянофильского учения – вовсе не в «теории о бесформенности государства, а наоборот: с одной стороны, в признании государства именно внешнею только формою общежития – именно внешним законом, внешнею силою; с другой, – в сопоставлении с государством внутренней жизни духа, высших начал, высших требований нравственной правды и свободы». И не прав А.Д. Градовский, «для которого имеют смысл только одни внешние юридические формы, как нечто существующее само по себе и для себя... который вне их и за ними ничего не видит и не признает, поклоняется только форме, только в ней одной видит спасение»<sup>330</sup>.

Дискуссия продолжалась и двадцать лет спустя, и оппоненты по-прежнему акцентировали внимание читателя на своем от-

ношении к праву и правовым механизмам. 18 сентября 1902 г. конституционалист П.Б. Струве в редактируемом им журнале «Освобождение» поместил свою статью «Либерализм и так называемое “революционное” направление», где, рассуждая о тактических приемах своих единомышленников, коснулся вопроса о сущности правовой системы. «Право как явление жизни общественного организма требует по своей идее свободы преобразования, в основе которой не может не лежать свободное изъяснение мысли и воли». Право, по мнению Струве, в самом себе должно заключать возможности и пути своего изменения. В противном случае, оно не сможет во всякий момент времени соответствовать идее права, т. е. современному правосознанию населения. А сложившаяся правовая система России не предполагала законных путей для своего развития. Это ставило под угрозу возможность движения вперед самого общества и государства<sup>331</sup>. Как писал П.Б. Струве в предисловии к изданной им записке С.Ю. Витте, «не баррикады, не бомбы, не крестьянские бунты угрожают современному русскому правительству и существующему политическому строю, – главный враг правительства оно само, его собственная задача, та бессмысленная задача сохранения существующей государственной формы, которым оно, правительство, подменило всякую творческую работу и ради которой оно должно пресекать эту последнюю. Эта охранительная по форме, разрушительная по существу деятельность самого правительства создала и поддерживает ту душную предгрозовую атмосферу, в которой живет современная Россия, она растит и готовит русскую революцию»<sup>332</sup>.

Иными словами, именно форма определяет содержание, а механизмы правообразования очень заметно влияют на характер утверждаемых законодательных норм. Гибкая правовая система способна реагировать на вызовы времени, и она всякий раз будет адекватна сложившимся обстоятельствам, так как находится в состоянии постоянного становления. Жесткая, застывшая правовая система в какой-то момент обязательно перестанет соответствовать существующим условиям и будет тратить значительную часть своей энергии на сохранения самой себя. Соответственно, именно гибкая правовая система дает возможность постоянного реформирования в соответ-

ствии с требованиями момента; жесткая же правовая система при определенных условиях становится врагом любых реформ и преобразований.

Конституционалисты предлагали установить такую систему правообразования, которая бы постоянно обеспечивала соответствие действующих правовых норм правосознанию, как утверждал Ф.Ф. Кокоскин в «Лекциях по общему государственному праву»: «Прежде всего, необходимо гарантировать, чтобы право, созданное государством (закон) находилось в соответствии с первоисточником всякого права, народным правосознанием. Этой цели служит участие народа (совокупности активных граждан) или народного представительства в законодательстве»<sup>333</sup>. Именно поэтому, с точки зрения сторонников коренных преобразований российской политической системы, только конституционное государство могло на современном этапе адекватно отвечать на вызовы времени: только оно предполагало механизм воплощения общественного мнения в правовые нормы.

Следовательно, все ключевые проблемы современности могли быть разрешены лишь при условии учреждения конституционной формы правления. «...Самодержавие является главным препятствием аграрного прогресса в России, и аграрный вопрос не разрешим вне общего политического освобождения России. Поэтому в данный момент борьба за освобождение есть самый верный и единственный путь к разрешению аграрного вопроса» – утверждал С.Н. Булгаков в июле 1903 г. на съезде в Шаффгаузене, предварявшем образование «Союза Освобождение»<sup>334</sup>. По мнению докладчика, представители действующей власти ощущали постоянный страх за свое будущее и, соответственно, панически боялись каких-либо изменений, в том числе, и преобразования правового строя деревни. Без решения этого вопроса говорить об аграрной реформе бессмысленно<sup>335</sup>. Аграрная реформа не могла иметь место без преобразования органов местного управления, непосредственно отвечавших за состояние деревни. Но и на это бюрократическое самодержавие не пошло. Так что прогресс сельского хозяйства при сохранении самодержавия немыслим<sup>336</sup>. Напрашивался вывод: аграрная реформа естественно

вытекала из правовой реформы всей системы общественно-политических отношений в России.

По сути дела, о том же самом писал и Д.И. Шаховской в статье «Политика либеральной партии», опубликованной в «Освобождении» в марте 1904 г.: «...Самодержавной власти для того, чтобы вступить на путь действительных реформ не остается другого исхода, как отвергнуть самое себя. Полагать, что эти реформы, без которых нет спасения русскому народу, могут быть выполнены на почве самодержавия и в союзе с ним, значит обрекать их не только на частичную, но и на полную и безусловную неудачу»<sup>337</sup>. «Всякие уступки и колебания гибельны для существующего режима: он держится и может еще некоторое время держаться только насилием, внушающим страх», – писал Петр Долгоруков в октябре 1904 г.<sup>338</sup> Впоследствии, в начале 1905 г., С.Н. Трубецкой для создаваемой им газеты «Московская неделя» подготовил статью, в которой доказывал неосуществимость ни одной серьезной реформы (обеспечение личных прав человека, аграрной, рабочей реформы) при сохранении самодержавия<sup>339</sup>.

Логика неославянофилов была принципиально иной. Для них ценность государства определялась значимостью идей, лежащих в его основании. Соответственно, правовые формы должны способствовать реализации этих идей, сами по себе они имеют вторичное значение, и введение того или иного правового механизма не станет однозначным решением стоящих перед страной проблем. Государство и все его институты сами по себе – вынужденное зло, вызванное несовершенством человеческой природы, утверждал Д.Н. Шипов. Генетически связанное с государством право – важнейший факт общественно-политической жизни, но, как и государство, право нельзя абсолютизировать. В действительности, согласно Шипову, государство и право – лишь очень не совершенные средства для достижения высших целей, и в сложившихся обстоятельствах главная из них – утверждение христианских этических принципов в повседневной жизни<sup>340</sup>. На Западе человек, более склонный к рациональному видению мира, чем в России, часто забывает об этом. «Различие наше с Западом, представляется мне, заключается, главным образом, в том, что там область права при-

знается как нечто абсолютно существующее, как нечто отдельное и даже противоположное области нравственности, а у нас народный православный дух не придает области права такого самостоятельного значения, а ищет в нем и желает в нем видеть выражение и осуществление нравственного закона, основы учения Христа»<sup>341</sup>.

Для неославянофилов фетишизация права представлялась очевидным недоразумением. Более того, в некоторых в случаях они считали возможным и даже должным поступать вопреки правовым нормам. Рассуждая об этом, А.А. Киреев приходил к выводу, что народ в некоторых случаях вправе выступить против собственного правительства, и в такой ситуации восстание будет вполне оправданным. «...В случае столкновения различных, противоречащих друг другу прав, очевидно, право высшее имеет преимущество перед низшим. кто же представитель высшего права? Церковь как носитель “Воли Божьей” (по-новому, представительница этических идеалов высшего разряда)... Стало быть во всех вопросах нравственности, когда оно попирается правительством, восстание законно»<sup>342</sup>. И, наоборот, правительство будет легитимным, всякое его решение, пускай даже самое спорное, будет вполне законным, если эта власть будет «носителем нравственного прогресса»<sup>343</sup>. Таким образом, по мнению А.А. Киреева, власть правителя зиждется не на правовых установлениях, а на этико-религиозных нормах, признаваемых всем обществом. «...Правовой порядок – ложь, неудержимо понижающая этические идеалы народов и государств. Да, правовой порядок есть не что иное, как узаконенный эгоизм, кощунственно возведенный в этическое начало, и этому началу мы должны противопоставить наше христианское начало, твердо его отстаивая, твердо проводя его в нашу общественную жизнь», – писал Киреев в своей работе «Россия в начале XX столетия»<sup>344</sup>.

Исходя из разных посылок, конституционалисты и неославянофилы приходили и к разным выводам относительно желательного государственного устройства: сторонники неославянофильства искали не идеальный правовой механизм, а модель управления, в наибольшей степени соответствующую их этическим представлениям. Так, по мнению Д.Н. Шипова,

власть, вынужденное зло в несовершенном мире, развращает. И чем больше людей обладают ею, тем больше отравы она несет. Соответственно, «народоправство» чревато развращением всего народа. При демократии на первое место неизбежно выдвигаются частные интересы, которые те или иные группы населения стараются реализовать посредством государственной власти, и народ в погоне за материальными благами забывает о нравственном долге и обязанностях. «Принцип народоправства положит в основу государственного строя личную волю, личные права граждан, тогда как необходимое условие государственной жизни, представляется мне, должно заключаться в подчинении личной воли иным, высшим идеалам»<sup>345</sup>. При представительной форме правления частные интересы будут неизбежно сталкиваться, и подобная политическая и социальная борьба неизбежно станет содержанием истории любого демократического государства<sup>346</sup>.

По этим причинам Д.Н. Шипов считал более верным передачу высшей власти одному лицу, стоявшему выше разнообразных частных, классовых интересов. Таким человеком мог быть лишь наследственный монарх, ибо только наследственная монархия позволяет избежать выборов и связанную с ними политическую борьбу. Победивший на выборах всегда будет зависеть от поддерживавшей его группы лиц и никогда не сможет быть по-настоящему беспристрастным при рассмотрении тех или иных вопросов. По мнению Д.Н. Шипова, мало убедительны аргументы против единоличной власти наследственного монарха, основанные на фактах злоупотребления им неограниченными полномочиями, несомненно, имевших место в истории. Если власть монарха обратится в произвол, подавление прав и свобод человека, то это обозначает лишь искажение самого характера монархической власти, которая должна зиждиться на тесном общении государя и народа<sup>347</sup>.

Один из идеологов неославянофильства Д.А. Хомяков, исходя из той же посылки, что оптимальная форма правления есть реализация в политической сфере высоких нравственных идеалов, давал другое обоснование самодержавию: «Самодержавная форма правления возможна только у того народа, который почитает наиценнейшими не могущество, не

утонченность политической системы, не принцип “обогащения”, а свободу быта и веры, свободы жизни, для достижения которой государство – только орудие ...Раз же оно сделалось целью, то, конечно, поработит себе человека и отвлечет его от той свободы которая дорога человеку неизврращенному и которая есть прирожденная его потребность»<sup>348</sup>. Иными словами, русский народ сделал свой выбор не в пользу каких-либо материальных благ, а в пользу настоящей свободы и, соответственно, самодержавия, которое может эту свободу обеспечить, избавив народ от политических забот и тем самым устранив предопределенность поведения общества политикой.

*Задача государственной власти.* Для неославянофилов вопросы о форме правления и о задачах государственной власти были неотделимы: ведь самодержавная монархия оправдывалась целью, лежащей в ее основании, – воплотить в жизнь нравственные принципы русского православия. И это далеко не общая фраза, лишенная какого-либо конкретного содержания. У неославянофилов были определенные требования к общественному строю самодержавной России. «Возможно более широкая свобода верующей совести, некоторое обеспечение личной неприкосновенности и свободы, ограждение частных лиц от административного и судебного произвола – вот в чем теперь особенно нуждается русское общество», – писал А.А. Кирееву Ф.Д. Самарин 16 июня 1904 г.<sup>349</sup> По его мнению, свобода личности и совести не только не противоречит самодержавию, но и способствует укреплению этой формы правления, основанной на взаимодействии царя и общества<sup>350</sup>. Того же взгляда придерживался и его корреспондент А.А. Киреев. Помимо ряда важных политических преобразований, он настаивал на гарантии неприкосновенности личности, обеспечении свободы слова, законности «всюду и для всех»<sup>351</sup>. Полицейское же государство, строящее свою политику на произволе, для него было несовместимо с самой идеей самодержавия.

«В свободе личности мы признаем альфу и омегу нашего политического символа веры; в нашей программе это вместе [с тем] и исходное начало, на котором все строится, и конечная цель, к которой все направляется», – говорил конститу-

ционалист Д.И. Шаховской на учредительном съезде «Союза Освобождения» в январе 1904 г.<sup>352</sup> С некоторыми оговорками эти слова могли быть приняты и неославнофилами. Более того, неославнофилы в данном случае были даже последовательнее конституционалистов, так как последним, отстаивая права человека как краеугольный камень будущей политической системы, приходилось отступать от своей логики. Для конституционалистов права человека – базовая ценность, обеспеченная в отличие от всего остального не системой управления и технологией принятия решений, а общественной культурой. В контексте правовой модели конституционализма эта идея была выражена следующим образом. «Массовое признание со стороны населения государства так или иначе организованной власти, обыкновенно бывает не безусловным. Обязанность повиновения власти признается под условием соблюдения самой властью известных обязанностей», – писал Ф.Ф. Кокошкин. Следовательно, подобные обязанности связывают власть некоторыми условиями<sup>353</sup>. В прошлом власть вынуждена была следовать религиозным предписаниям. Теперь же она должна учитывать современные культурные ценности, выработанные человечеством. к их числу как раз относятся основные права гражданина и человека. «Но нельзя утверждать, что они (права человека – К.С.) установлены конституцией и могут быть отменены в порядке ее пересмотра. При современном состоянии правосознания культурного человечества они неприкосновенны для законодательной и даже для учредительной власти государства. конституционные законы не устанавливают, а только провозглашают и формулируют их»<sup>354</sup>.

Иными словами, права человека предзаданы, они должны стать аксиомой, не подлежащей обсуждению. Это положение нарушает целостность логической конструкции конституционалистов. Оказывается, есть важный элемент желательной политической системы, который не может быть гарантирован вроде бы лучшим из ныне существующих механизмов принятия решений. Это вынуждает конституционалистов внести поправку в их политическую философию: им приходится говорить о двух взаимообусловленных основополагающих элементах собственной идеологии – права человека и конституционная

модель управления. В программе «Союза Освобождения» эта мысль была выражена так: «Но, как никакое народное представительство не может быть признано выражающим мысль и волю страны, если законом страны неизбежно не утверждены равенство всех граждан перед законом, неприкосновенность личности и жилища, свобода совести, свобода печати, свобода собраний и союзов, точно так же никакие права человека и гражданина не будут обеспечены до тех пор, пока закон не будет выражением воли народа и пока исполнительная власть не будет подчинена контролю народного представительства»<sup>355</sup>.

Осуществление прав отдельного человека было связано с вопросом о месте общества, в целом, в политической системе России. В данном случае позиции неославянофилов и конституционалистов сходились: и те, и другие говорили о необходимости его самоорганизации. Так, президент Вольного экономического общества, конституционалист П.А. Гейден в письме к министру внутренних дел В.К. Плеве от 26 августа 1902 г. отстаивал возможность проведения общеземских съездов, которых очень опасались власть предержащие: «Если люди, заинтересованные в порядке, не будут частною и общественною деятельностью работать на пользу родины, то кто же будет содействовать делу? Не имеем же мы возможность, представители земельной собственности, отстраняться от дела, атрофировать свои силы и быть только свидетелями того, как правительственная власть станет лицом к лицу с крайними элементами, стремящимися к социальному перевороту самыми опасными мерами»<sup>356</sup>. По мнению Гейдена, земство, как форма организации общества, должно стать основанием для всей политической системы.

Схожие мысли высказывал неославянофил А.Д. Оболенский. По его мнению, развитие принципа самоуправления должно было стать залогом стабильного и поступательного развития страны<sup>357</sup>. «Местное самоуправление, правильно поставленное, начатое снизу и доведенное до губернского центра, есть основной рычаг общественной организации, главный фактор группировки общественных элементов. Без местного самоуправления группировка общественных элементов всегда случайна, общество не организовано, это толпа». Ведь в толпе

торжествуют крайности: консервативное большинство не может их сдержать. Организованное же общество может противостоять существующему внутри него брожения, тем самым обеспечивая государству необходимую устойчивость<sup>358</sup>.

Так что, по мнению как конституционалистов, так и неославянофилов, возникновение структурированного общества как базиса всей политической системы обозначало бы переход российского государства в новое качество. В этом случае власть оказывалась не внешней силой по отношению ко всем подданным, а, пользуясь поддержкой общества, выступала в качестве его партнера. Это в корне меняло бы политическую ситуацию: конфронтационная обстановка обратилась бы в стабильное развитие. Так об этом писал П.А. Гейден своему другу А.Ф. Кони 18 августа 1903 г.: «Я думаю, что физические и математические законы в общем применимы и к общественному организму... равновесие лишь тогда устойчиво, когда центр тяжести ниже центра фигуры»<sup>359</sup>.

Таким образом, в сфере практической политики конституционалисты и неославянофилы примерно одинаково определяли основные цели государственной власти:

- гарантия прав человека;
- содействие общественной самодеятельности и самоорганизации;
- обеспечение стабильного развития страны.

*Пути реформирования государственного строя.* Конституционалисты в данном случае решали вопрос однозначно: России нужна конституция – только она позволит решить множество социальных и политических проблем. Перед неославянофилами стояла значительно более сложная задача разработать программу реформ, которая бы в корне изменила нынешнее положение вещей, при этом оставив неизменным сам принцип самодержавия.

Ведь, по мнению неославянофилов, глубочайшая ошибка – отождествлять самодержавие с бюрократическими ведомствами, его искажившими. «Самодержавие в своей свободной, нравственной и просвещенной форме, найдя надлежащие и здоровые органы для своего осуществления, может явиться

самой могущественной, самой живой и свободолюбивой формой государственной власти, которая когда-либо доставалась в удел великому народу», – писал один из наиболее видных публицистов славянофильского направления С.Ф. Шарапов князю М.М. Андроникову 15 августа 1904 г.<sup>360</sup>

Соответственно, государственные преобразования должны быть нацелены на воплощение в жизнь истинного, а не бюрократического самодержавия. Согласно проекту С.Ф. Шарапова, основная составляющая будущей государственной реформы – замена бюрократического аппарата «государственно-земским». Только дела общегосударственного значения должны решаться непосредственно самодержцем и центральными правительственными органами. Причем, активное участие в разработке тех или иных законопроектов должны принимать Земские соборы<sup>361</sup>. Роль всенародного представительства с законосовещательными функциями мог бы выполнять реформированный Государственный Совет, в который следовало было бы приглашать выборных представителей от земских областей<sup>362</sup>. «Все же внутреннее управление должно идти в областях посредством излюбленных земских людей на точном основании самодержавно царем даваемых законов при действительной и серьезной ответственности местных выборных людей перед верховной властью и государством»<sup>363</sup>.

Рассуждения С.Ф. Шарапова о необходимости предоставить особую роль органам местного самоуправления были общим местом в интеллектуальных построениях неославянофилов. Их позиция по этому вопросу была четко обозначена в письме товарища министра внутренних дел А.Д. Оболенского С.Ю. Витте, посланного в августе 1899 г. Это был ответ публициста славянофильского направления на «антиземскую» записку министра финансов. По мнению Оболенского, в самодержавии и заключалась русская национальная идея, и только благодаря этому сложившаяся форма правления и держалась. «По этому взгляду самодержавие не есть лишь вершина бюрократической пирамиды, он (самодержец – К.С.) есть глава всего народа, солидарный с этим народом, в котором бюрократия лишь один из элементов...» Соответственно, царь должен иметь возможность личного общения с народом, а не быть

окончательно заслоненным чиновничеством. Поэтому, продолжал А.Д. Оболенский, необходимо укреплять земство, ибо лишь оно может в нынешний момент служить некоторым противовесом бюрократии<sup>364</sup>. «Самодержавие нам необходимо, но основанное на местном самоуправлении. Поэтому для меня земство есть основа самодержавия. Если же угнетать земство, вообще местных людей, то мы неизбежно придем к конституции в России» – было сказано П.С. Шереметевым в разговоре с В.К. Плеве 2 мая 1903 г.<sup>365</sup>

О возможности преобразования самодержавия думал и А.А. Киреев. В ответ на работу Б.Н. Чичерина «Россия накануне двадцатого столетия» он опубликовал собственную брошюру с очень похожим названием: «Россия в начале двадцатого столетия». Киреев соглашался с диагнозом, поставленным Чичериним современному государственному строю, но отрицал рецепт, выписанный «больному». Если Чичерин видел спасение от беззакония и произвола бюрократии в конституции, то, согласно Кирееву, бюрократ – главный враг исторических устоев и самого самодержавия. как раз во имя самодержавия необходимо провести целый ряд реформ, которые будут способствовать обузданию произвола чиновников.

По мнению Киреева, необходимо было установить различные формы контроля над бюрократией. Для этого, во-первых, необходимо было упразднить личный доклад министров императору, с помощью которого высшая бюрократия навязывала государю свою волю, избегая при этом какого-либо обсуждения в Государственном Совете. А.А. Киреева считал, что во время доклада любого министра должны присутствовать те или иные эксперты, способные дать квалифицированную оценку сказанному<sup>366</sup>. Во-вторых, Киреев предлагал смягчить контроль цензуры над печатью<sup>367</sup>. В-третьих, полноценную государственную реформу невозможно в полной мере осуществить без известной административной децентрализации и, соответственно, укреплении позиций земства<sup>368</sup>. Киреев также предполагал более активное привлечение «сведущих людей» к разработке тех или иных решений<sup>369</sup>. Наконец, ключевой пункт его программы – учреждение Земского собора, законосовещательного органа<sup>370</sup>. Принципы, которые легли бы в основание подобного пред-

ставительства, также были обозначены А.А. Киреевым: в своем дневнике в октябре 1903 г. он определил требования к создаваемому В.К. Плеве Совету по делам местного хозяйства<sup>371</sup>, который воспринимался Киреевым уже как некая форма представительства. Представители «земли», по мнению Киреева, должны быть выбраны из среды земства и дворянства, а не назначены правительством. Причем, власти должны гарантировать свободу выражения мнения при обсуждении государственных вопросов в «Земском соборе» и право печати публиковать протоколы заседаний, «но не иначе как целиком и безо всяких изъятий»<sup>372</sup>.

Сохранилась любопытная переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина. Предметом обсуждения стала как раз программа реформ, предложенная Киреевым. Ф.Д. Самарин – славянофил не в одном поколении, сын видного публициста Д.Ф. Самарина, племянник классика славянофильской мысли Ю.Ф. Самарина и, наконец, сам известный и авторитетный мыслитель и общественный деятель – оказался принципиальным противником подобного проекта преобразований. По сути дела, Ф.Д. Самарин предлагал свой, альтернативный вариант реформирования государственного строя в согласии с идеями классиков славянофильства. контраргументы Самарина фактически можно свести к двум пунктам.

Во-первых, он не верил, что политический кризис можно преодолеть путем институциональных реформ. Политическая практика в Европе, согласно Ф.Д. Самарину, свидетельствовала, что тот или иной механизм обеспечения подконтрольности министров и других представителей высшей бюрократии не работает. Ответственность министров – в действительности лишь мираж, мало чем влияющий на работу бюрократической машины. Более того, современная ситуация в странах Западной Европы говорила о неосуществимости и самого принципа разделения властей, подразумевающего как раз взаимный контроль одной ветви власти над другой<sup>373</sup>. Политическая история европейских стран давала примеры парламентского абсолютизма, попирающего свободы граждан и нарушающего сложившиеся правовые нормы<sup>374</sup>. При самодержавии же вообще не может иметь место тотальный контроль над министром со сто-

роны верховной власти, так как «вмешательство самодержца в текущие дела, – я (Ф.Д. Самарин – К.С.) говорю о вмешательстве по личному почину и ради проведения личных взглядов или ради прикрытия авторитетом самой верховной власти распоряжений министерских, должно бы быть явлением чрезвычайным, исключительным, в интересах самой власти». Таким образом, самодержец должен несколько дистанцироваться от бюрократии: «Сущностью самодержавия вовсе не требуется отождествление самодержца с правительством, напротив, нет ничего вреднее и опаснее для идеи самодержавия, как подобное отождествление»<sup>375</sup>. При таком подходе говорить об ответственности министра перед самодержцем как об ответственности подчиненного перед главой администрации было бы неправомерным.

Во-вторых, Самарин не верил в русское общество. Он был согласен с определением, данным ему И.Л. Горемыкиным: «людская пыль». Общества как «бытового, свободного и органического союза» в России, по мнению Ф.Д. Самарина, не было. Его отсутствие в значительной мере и предопределяло столь вредное направление, которое приняла деятельность бюрократии. Поэтому возлагать на русское общество определенные надежды было бы ошибочным<sup>376</sup>. Оно не может в полной мере справиться и с настоящими своими обязанностями: Самарин крайне критически оценивал ход земского дела<sup>377</sup>. Подобная «людская пыль» не могла, очевидно, объединиться вокруг некоторых идей, общих положительных начал, так как ее как раз и отличала разногласица. Зато это «общество» могло сплотиться вокруг отрицательного отношения к исторически сложившемуся общественному и государственному строю<sup>378</sup>. Поэтому, согласно Самарину, такое общество не могло быть созидательной, конструктивной силой. Помимо этого, он не видел большой разницы между представителями общества и бюрократии, так как они принадлежат одному кругу людей и все недостатки чиновничества суть недостатки самого общества<sup>379</sup>.

Скептически Самарин относился и к идее созыва Земского собора. Современное общество, столь враждебное верховной власти, забыло «земский характер» самодержавия, а соответственно, в Земском соборе, где тон будут задавать как раз пред-

ставители общества, будут господствовать совершенно иные настроения, нежели это представлялось А.А. Кирееву. А именно они и должны были определять характер взаимодействия самодержца и Земского собора<sup>380</sup>. Ф.Д. Самарин видел прямую опасность в созыве хотя бы законосовещательного органа, вокруг которого объединились бы далеко не только славянофилы, но и конституционалисты, увидевшие в нем «первый шаг по пути к парламентаризму»<sup>381</sup>.

Впрочем, Ф.Д. Самарин не ограничился только критикой: он предложил и свой проект выхода из настоящего кризиса. По его мнению, коренная причина современных проблем – серьезное недовольство общества властью: «Действительно, как бы ни была сильна и тверда верховная власть, она может оказаться неспособной управлять страной и пасть жертвой внутреннего бессилия, если тот общественный класс, который служит ей орудием, без которого она не может обойтись, ибо через него она правит, если этот класс относится к ней враждебно или хотя бы отрицательно и все лучшие свои надежды связывает с переменной режима»<sup>382</sup>.

Чтобы нормализовать отношения между обществом и властью, Ф.Д. Самарин считал важным провести следующие реформы. Во-первых, необходимо, чтобы все действия правительства свободно обсуждались на страницах печати<sup>383</sup>. Во-вторых, в целях установления большего контроля над деятельностью высшей бюрократии требовалось, чтобы министры как ежегодно составляли программу своих будущих действий<sup>384</sup>, так и ежегодно отчитывались за проделанную работу<sup>385</sup>. В-третьих, печать должна контролироваться не администрацией, а особыми административными судами<sup>386</sup>. В-четвертых, административным судам во главе с первым департаментом Сената должна быть подотчетна и вся администрация<sup>387</sup>. В-пятых, необходимо упорядочить работу приглашавшихся экспертов, «сведущих людей» при выработке того или иного решения. Лучше всего было бы, по мнению Самарина, использовать английский опыт «производства местного опроса и исследования особыми комиссиями смешанного состава или особыми лицами, специально на то уполномоченными от верховной власти, с тем, чтобы эти комиссии или лица имели право опрашивать, кого они

найдут нужным, собирать те сведения, которые они признают полезными, и чтобы они были обязаны на основании всего виденного и слышанного выработать предположения о желательных законодательных мерах»<sup>388</sup>. В-шестых, дабы ходатайства земств более не игнорировались администрацией, необходимо поручить их рассмотрение какому-нибудь конкретному ведомству, например, Государственному Совету. При этом представители ходатайствующей стороны должны приглашаться к участию в обсуждении их прошения<sup>389</sup>. В 1905 г., рассуждая о необходимости преобразования настоящего государственного строя, он так определил свою программу реформ: «Нам говорят: что же, по вашему, преобразовать и как? Мы отвечаем: нет такого преобразования, которое одно обещало бы полное излечение. Требуется целый ряд мер. Нужно преобразование Государственного Совета, Сената, министерств, местного управления. Нужно освободить государя от массы мелких дел, которые теперь до него не доходят. Нужно дать возможность частным лицам привлекать к ответственности должностных лиц и т. д.»<sup>390</sup>

Так, Ф.Д. Самарин, казалось бы, противник институциональных преобразований, в своей программе выхода из кризиса значительное внимание уделил именно формированию и укреплению институтов, способных контролировать бюрократию: это было бы целью введения административных судов, упрочения позиций печати, предоставления новых полномочий Государственному Совету и усиления позиций такого института как земства. В этом смысле проект Самарина, как и проект Киреева или же С.Ф. Шарапова, является собой пример программы именно институциональных реформ, альтернативных конституционной. Согласно всем трем проектам, общественное мнение и правовая ответственность должны были сдерживать административный произвол. Примечательно, что многие правоведы видели природу как раз конституционализма в силе организованного общественного мнения<sup>391</sup>. Кроме того, в юридической науке общим местом было утверждение, что один из ключевых признаков правового государства, к которому и стремились конституционалисты, – наличие независимой от администрации судебной системы<sup>392</sup>. Так что по многим по-

зициям проектируемая неославянофилами модель управления и конституционный режим сходились. Единственное, что оставалось для неославянофилов абсолютно неприемлемым, так это учреждение законодательного органа власти в стране.

Однако, и это расхождение можно считать условным. Логика неославянофилов, не признававших самодержавие формой абсолютной монархии, неизбежно приводила их к мысли о необходимости существования того или иного ограничителя власти императора. Отталкиваясь от представлений о господстве определенных этических норм, которое не должно было допустить проявлений деспотизма со стороны верховной власти, они, часто сами того не осознавая, высказывались в пользу юридических ограничений полномочий государя. Пожалуй, наиболее показательна в этом отношении позиция Д.Н. Шипова. Он в качестве примера реализации, по существу, неославянофильских концепций приводил английскую политическую систему. Именно там власть государя ограничивается не конституцией, а лишь сознанием необходимости единения короля и народа перед лицом стоящих перед страной проблем. По мнению Д.Н. Шипова, солидарность народа и монарха в Англии является основой государственного строя. «...И я считал вероятным и возможным, что если идея русского самодержавия сохранится непоколебимой в своей основе, то при постепенном развитии нашей государственной жизни эта идея могла бы получить в более или менее близком будущем выражение и осуществление в формах и порядке, аналогичных государственному строю в Англии», – писал Д.Н. Шипов<sup>393</sup>.

Славянофильский идеал Шипова имел фактическое конституционное выражение. Или, по крайней мере, мнение неославянофила Д.Н. Шипова о лучшем из современных европейских государств полностью совпадало с мнением убежденных конституционалистов, восхищавшихся Англией<sup>394</sup>. В действительности, сама логика рассуждений Шипова вела его подчас к выводам, противоположным тому, что утверждали отцы-основатели славянофильства. Например, в письме своему близкому другу М.В. Челнокову от 9 июля 1903 г. Д.Н. Шипов, настаивая на необходимости солидарности земских сил, утверждал, что только такое единение «приведет, несомненно, абсолютизм и бюрокра-

тизм к капитуляции, и только таким путем возможно установление государственного порядка, прочного, надежного и обеспечивающего возможность дальнейшего прогресса и осуществления общественной правды». Эта фраза довольно странно звучит в устах славянофила. Шипов не только требовал упразднения бюрократической формы правления, исказившей суть самодержавия, но и был недоволен неограниченным характером власти царя. Иначе говоря, он считал необходимым поставить предел произволу верховной власти<sup>395</sup>. Весьма оригинальные мысли о российском абсолютизме были высказаны Шиповым в письме к Ф.Д. Самарину от 18 января 1900 г. По мнению Шипова, коренная ошибка правления Александра III заключалась в том, что были забыты различия между самодержавием и самовластием. «Будучи человеком сильного характера и крепкой воли, он (Александр III – К.С.) рассчитывал сам всем управлять и во всех членах государственного управления сверху донизу видел только исполнителей своей воли». Далее говорилось о неверной ограничительной политике императора по отношению к обществу<sup>396</sup>. Таким образом, утверждалась мысль о необходимости для самодержавной власти сотрудничать с обществом. Если же монарх этого не делает, он перестает быть истинным самодержцем, а последствия тому могут быть очень печальные. Соответственно, подобное сотрудничество – не просто акт доброй воли царя, но его долг перед страной и народом. Если же при этом иметь в виду предложенные Д.Н. Шиповым формы «общения» монарха и народа, то выходит, что с мнением новообразованного Земского собора император будет обязан считаться. Иными словами, поставлен вопрос о фактическом ограничении власти монарха. В этом как раз проявляются особенности логики Д.Н. Шипова: не считая возможным правовым образом ограничивать полномочия императора, он верит в нравственные ограничители, которые у него, по сути дела, мало чем отличаются от правовых: они безусловны, унифицированы для всех и, главное, предполагают единственный правильный выбор в любой ситуации<sup>397</sup>. Игнорирование же нравственных ограничителей, согласно Шипову, чревато крахом политической системы. Восхищенный английским опытом он верит в неписаную конституцию, которая на самом деле действует также, как и писаная.

Анализируя же роль Земских соборов в истории России, Д.Н. Шипов писал: «Сила и авторитет Земских соборов определялась ни законом, а народным сознанием, что призвание самодержавных государей состоит в том, чтобы творить не свою волю, а быть лишь выразителями соборной совести народа»<sup>398</sup>. В данном высказывании, очевидно, «спряталась» несколько видоизмененная теория народного суверенитета. Источник власти в средневековой Руси, согласно Шипову, – соборная совесть народа, имеющая свое институциональное выражение – Земский собор. Решения же самодержца не должны входить в противоречие с народной совестью, из чего вытекает, что сама политика государя не может идти вразрез с мнением Земского собора, представляющего народные нужды и чаяния. Соответственно, настоящий (sic!) самодержец – вовсе не абсолютный монарх, более того, самодержец – не источник власти. Источник власти, по мнению Шипова, – народная совесть, явление, которое пускай иначе называется, но схожим образом описывается многими государствоведами. Так, Ф.Ф. Кокошкин в своих опубликованных лекциях по общему государственному праву именно поддержку населения, может быть, даже и не осознанную, называл одним из источников власти (под «поддержкой» Кокошкин имел в виду признание населением действующей власти в той или иной мере соответствующей представлениям о «хорошем» правлении)<sup>399</sup>. Естественно, мысли Д.Н. Шипова нельзя наложить на какую-либо правовую концепцию, и все же указанное совпадение чрезвычайно показательное: осуществление шиповского идеала взаимодействия власти и народа на практике значило бы установление, по сути дела, конституционного порядка.

Причем, теоретические построения Д.Н. Шипова не представляли собой исключительное явление для неославянофильской мысли: по существу, очень схожие вещи говорил и А.А. Киреев. В своем дневнике он приводил любопытное рассуждение о возможной роли общественного мнения в политической жизни страны. Согласно Кирееву, общественное мнение настолько влиятельно, насколько значимы идеи, которые оно отстаивало. Если общественное мнение будет защищать нравственные идеалы, а не уводящие в сторону от них некие народ-

ные «права», ситуация в корне изменится: «Если общество будет иметь в виду служение этим идеалам, оно будет так сильно, голос его будет столь авторитетен, что никакое правительство не подумает сметь делать что-либо безнравственное»<sup>400</sup>. Соответственно, у общественного мнения могла быть очень серьезная роль, но только в том случае, если бы оно было «правильным», т.е. отражало взгляды самого Киреева. Общественному мнению предоставляются большие возможности, но его лишают свободы воли. Только в этом случае могущество общественного мнения Киреева не смущает. Таким образом, с одной стороны, предполагается ввести регулирующий механизм гражданского общества, с другой, этот механизм должен функционировать принципиально иначе, чем в Европе. Общественное мнение, инструмент диалога общества с властью, согласно Кирееву, должно обратиться в хор, подпевающий солисту. И все же при всех оговорках А.А.Киреев признавал за общественным мнением право контролировать правительство. Соответственно, все предложенные им способы трансляции общественного мнения (в том числе, и Земский собор) должны рассматриваться в этом контексте: их цель – обеспечить обществу возможность влиять на политический процесс.

Противоречия А.А.Киреева типичны для любой неославянофильской концепции, когда так или иначе ставился вопрос об ограничениях императорской власти и вместе с тем эти ограничители не описывались как элементы политической системы. Неославянофилы не уточняли, каковы механизмы взаимодействия между верховной властью и тем, что по идее должно ее сдерживать, вероятно, рассчитывая, что истинное самодержавие будет находиться в постоянной гармонии с общественным мнением или же народным мировоззрением. «Царь есть отрицание “абсолютизма” именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной», – писал Д.А.Хомяков<sup>401</sup>. Иначе говоря, народное мировоззрение есть важный политический фактор, но он не в силах способствовать изменению формы правления. Или же, если быть более точным, Хомяков даже не может предположить, что самодержавие когда-либо будет противоречить миро-

воззрению русского народа<sup>402</sup>. Он настолько убежден в гармоничном соотношении воли самодержца и народного мировоззрения, что даже готов признать последнее своего рода ограничением власти императора. Это внутреннее противоречие неославянофильства – следствие коренной проблемы, стоявшей перед этим направлением мысли: как совместить сохранение самодержавие с развитием начала общественной самостоятельности, предполагающей участие общества в управлении страной. каждая неославянофильская концепция – решение этой задачи; неочевидность же решение стало причиной разнообразия подобных построений. Записка одного из «собеседников» А.Д. Поленова – пример того, насколько неославянофильский текст может походить на конституционалистский<sup>403</sup>.

А.Д. Поленов, орловский земец, брат известного художника, исходил из тех же посылок, что и любой неославянофил. Русская цивилизация уникальна и очень далеко отстоит от западноевропейской<sup>404</sup>. Самодержавие не есть абсолютизм. Это есть особенная русская форма правления, которая заключается в осуществлении «правды» народной<sup>405</sup>. Но из этого следовали выводы, которые А.А. Киреев или Ф.Д. Самарин принять никак не могли. Ведь если самодержавие нельзя считать абсолютизмом, то конституционная монархия куда ближе стоит к самодержавию, нежели это принято думать – утверждал А.Д. Поленов. к тому же, конституционный монарх сохраняет за собой все основные прерогативы: право помилования, право назначения руководителей исполнительных органов власти, руководство вооруженными силами<sup>406</sup>. У него нет лишь тех полномочий, которыми русский царь, в действительности, и не располагает: они уже давно перешли в руки бюрократии<sup>407</sup>. Поэтому не стоит бояться самоограничения власти царя, которое может быть лишь полезно для существующего режима.

Согласно Поленову, коренное основание любого государственного строя – его соответствие ожиданиям народа. Если в сознании населения произошли серьезные подвижки, а власть сохранила свои прежние формы, то неизбежным станет отчуждение между народом и властью. Подобная ситуация чрезвычайно опасна для любого режима и для самодержавного, в частности. Если народ перестанет ждать «правду» от

царя, монархия лишится главной своей опоры, «признания народной совести»<sup>408</sup>. Дабы этого не случилось, современный государственный строй должен приравниваться к требованиям настоящего момента. Соответственно, необходимо, чтобы развивалась и русская монархия. Естественным результатом такого развития станет формальное самоограничение власти императора. И представители власти должны помнить, что «не самоограничение опасно монархизму, ему опасно закрепление в неподвижной форме, которое равносильно его смерти»<sup>409</sup>. Почву для будущего ограничения власти царя готовит земство: именно оно «постепенно вырастет до народного представительства»<sup>410</sup>.

Конечно, записка Поленова – явление исключительное для неославянофильской мысли. И тем не менее это знаменательный факт, демонстрирующий, что неославянофильство не являлось прямой противоположностью конституционализма. В действительности, неославянофильство не есть набор конкретных требований, положений, а совокупность целого ряда концепций. Но любая из них содержит два обязательных элемента: сочувствие самодержавию как исконно русской форме правления и неприятие бюрократической модели управления. При этом ключевым пунктом планируемых ими преобразований всякий раз становилась институциональная реформа, которая позволила бы принципиальным образом изменить сложившиеся отношения между властью и обществом<sup>411</sup>. И здесь коренное противоречие, лежащее в основании любой неославянофильской концепции: неославянофил желал ограничить власть вообще, дабы не допускать произвол, но вместе с тем не желал ограничивать верховную власть, дабы сохранить самодержавие. Фактически каждая концепция есть одно из решений этой дилеммы. Но в любом случае неославянофилы мечтали о трансформации самого режима, так что их консерватизм – вовсе не консерватизм К.П. Победоносцева<sup>412</sup>, и у них, по сути дела, было много точек соприкосновений с конституционалистами.

Таким образом, неославянофилы и конституционалисты, будто бы расходясь в изначальных посылах, сходились во

многих конечных выводах: и те, и другие, считая необходимым ограничить бюрократический произвол, обдумывали возможность институциональных реформ, которые бы позволили установить диалог между властью и обществом. По существу, и конституционалисты, и неославянофилы говорили о привлечении общества в той или иной к участию в управлении страной. Однако, при ближайшем рассмотрении оказывается, что и исходные посылки у этих, казалось бы, идеологических оппонентов не столь уж отличаются. конституционалисты, вроде бы абсолютно убежденные во всеисии правовых механизмов, все же не стали бы им полностью доверять, когда бы вопрос встал об установлении краеугольного камня желательной политической системы – принципа защиты прав человека. В этом случае, подобно неославянофилам, конституционалисты исходили из понимания превосходства содержания над формой, а ценность отстаиваемого ими политического режима объясняли идеей, которой он должен был служить. Эта позиция вкралась в политическую теорию конституционалистов, предопределив ее двойственность и даже противоречивость. Неославянофилы же, принципиальные противники «фетишизации» правовых механизмов, предлагали ничто иное как учреждение новых политических институтов или же укрепление позиций прежних с целью установления контроля над правительством. Это с трудом вписывалось в общие теоретические построения неославянофильства, и тем не менее оказывалось, что сторонники нравственного воздействия на власть на практике не видели отличия этой формы контроля и правовой модели взаимодействия власти и общества. Так что принципиальное отличие между конституционализмом и неославянофильством лежало не в сфере политической теории: оно зиждилось на очень далеких друг от друга исходных мировоззренческих установках. И здесь вопрос не в том, что говорили неославянофилы и конституционалисты, а как они воспринимали собственные слова.

Сторонники конституционализма культивировали рационалистический элемент своего учения. «Политический идеал, – писал Ф.Ф.Кокошкин, – заключается в том, чтобы осмыслить, подчинить разуму стихийную общественную силу, родящуюся в темных, не освещенных сознанием областях нашей душев-

ной жизни, превратить ее в силу сознательную и разумную»<sup>413</sup>. Д.Н. Шипову такой подход представлялся ложным. Здесь, по его мнению, сказывалось противоречие между сущностью исторического процесса и развитием общественной мысли. Если движение в мире идей (что, согласно Шипову, и составляло суть человеческой истории) определялось как работой разума, так и, в первую очередь, религиозным сознанием, то осмысление этого процесса со временем становилось все более рационалистичным, упуская из вида духовную жизнь человека. В итоге критикуемый Шиповым ученый-позитивист видел лишь материальную сторону общественной жизни, что не давало всей полноты картины<sup>414</sup>. Фактически о том же писал и А.А. Киреев. Для него было неприемлемо рационалистическое понимание исторического процесса как борьбы частных интересов; Киреев смотрел на историю как на движение религиозных идей и именно с этих позиций предлагал оценивать то или иное событие<sup>415</sup>.

При этом, отсылка к историческому опыту как лучший аргумент – прием, часто используемый неославянофилами. История помогает указать на традицию, которой надо следовать, чтобы не разрушать органику народной жизни. «Не сверху вниз, однако, растет все живое на земле, а снизу вверх, – писал П.С. Шереметев в 1902 г. – казалось бы, что нужно и начинать снизу, на местах, вызывая к жизни таящиеся зародыши, применяясь к созданным историческою жизнью народа, а потому крепким и готовым формам, а не заимствовать и насаждать такие “учреждения”, которые выходят мертворожденными»<sup>416</sup>. Апелляция к историческому опыту не как объекту для размышления, а скорее как к источнику откровений была общим местом в рассуждениях неославянофилов<sup>417</sup>. Традиционализм их философии отмечался и людьми, не причислявшими себя к этому направлению. «Сам, не будучи славянофилом, я всегда имел с ними общую почву – историческую школу, одной из ветвей которой всегда было славянофильство. Точка зрения этой школы составляет как раз причину разлада между нашими правыми и левыми. Последние с поразительной наивностью повторяют старинные ошибки западного рационализма», – так 18 июля 1905 г. писал Ф.Д. Самарину хозяин известного столичного салона, собиравшего людей преимуще-

ственно консервативных взглядов, и сам видный публицист и писатель К.Ф. Головин<sup>418</sup>.

Значимый элемент идеологии неославянофильства – антиурбанизм, вытекавший из общих традиционалистских установок. «Город есть давно предсказанный Антихрист, который жаждет захватить в свои лапы весь мир, развратить человечество, исказить в нем природу. Вытравить из него лучшие божественные черты. Русский национализм заключается в борьбе с городом, с городскими представлениями и интересами в области права, религии, искусства, философии, в изучении восточных деревенских идей и проведении их в жизнь», – считал один из основателей Русского собрания С.Н. Сыромятников<sup>419</sup>. С меньшим пафосом, но с тем же ужасом писал и П.С. Шереметев о влиянии города на деревенский образ жизни: «Послушайте, что поет молодежь в деревне. Вместо старых народных песен господствуют кабацкие или фабричные прибаутки. Вместо прежних игр – лапты, городков или бабок – вы часто встретите на задворках кучки подростков, играющих в карты». Шереметев предлагал отнестись к этому со всей серьезностью, так как в этих фактах он видел признаки общего падения нравственности<sup>420</sup>. Другой представитель неославянофильской мысли, князь А.Г. Щербатов, столь же четко расставлял свои приоритеты: «Деревня живет историческим прошлым, уверенностью в устойчивость русской гражданственности, верой в величие своего будущего; город живет временным, показным, погоней за кажущимся блеском иностранной культуры...»<sup>421</sup>. То, что Россия зиждется на деревенском укладе жизни народа, было убеждением и Ф.Д. Самарина, считавшего, что самодержавие должно искать социальную поддержку именно в крестьянстве<sup>422</sup>, и С.Ф. Шарапова, предполагавшего, что в будущем страна будет строиться вокруг сельской приходской церкви<sup>423</sup>. Но примечательно, что это глубокое неприятие городской жизни, довольно важный элемент мировоззрения многих неославянофилов, не было отчетливо выражено в их политической философии. Такое несоответствие идеалов и их конкретного выражение говорит о неославянофильстве как об идеологии «трагического утопизма», когда сами сторонники этого направления мысли ясно осознавали, что в действительности мог

быть реализован лишь суррогат, палиатив того, чего они на самом деле желали. Неославянофильство, по сути дела, изначально предполагало компромисс желаемого и реализуемого, и, соответственно, соотношение между общими установками и конкретными проектами их воплощения весьма заключало в себе неизбежный конфликт.

Так что общая тональность, пафос конституционалистских и неославянофильских текстов серьезно отличаются. По сути дела, они предлагали различные гносеологические модели. Однако, когда речь заходила о конкретных проблемах политики или государственного устройства, они сами же от них отходили. Поэтому с содержательной точки зрения, эти, казалось бы, противоположные концепции имели много общего.

Через «недоговоренности» к единству. Идеология «земской партии» стала предметом обсуждения уже на первом заседании «Беседы». С самого возникновения кружка были определены позиции, с которыми соглашались как консервативные, так и радикальные земцы. Еще 17 ноября 1899 г. «собеседники» решили, что общим лозунгом «Беседы» должно стать требование развития общественной самодеятельности, а членами объединения могли лишь стать лица, «сочувствующие широкому развитию местного самоуправления в смысле движения вперед на законных основаниях»<sup>424</sup>. Подобная позиция объединения, судя по кратким выпискам Д.И. Шаховского из протоколов заседания «Беседы», не вызывала споров вплоть до мая 1902 г., когда П.Д. Долгоруковым был поставлен вопрос о возможности поддержки кружком готовившегося к изданию журнала «Освобождения». Таким образом, в первые годы существования «Беседы» общая цель объединения была вполне характерна для группы земских лидеров: отстаивание принципа самоуправления как одного из оснований политической системы в России. И частные проблемы, обсуждавшиеся в этот период на заседаниях кружка, – мелкая земская единица, роль земства в школьном деле, крестьянский вопрос – ключевые вопросы земской жизни<sup>425</sup>.

1902 г. стал поворотным в истории «Беседы»: в этом году на заседаниях кружка были поставлены не обсуждавшиеся до того

общетеоретические вопросы и, соответственно, актуальным стал пересмотр платформы объединения. «...На заседаниях “Беседе” следует вносить вопросы общего характера, так сказать, вопросы политические», – утверждал Н.Н. Львов на заседании «Беседы» 8 января 1902 г. Подобную точку зрения отстаивал П.Д. Долгоруков: «...Вопросы земского дела не должны быть предложениями настоящей беседы. Такие вопросы должны подлежать обсуждению земских собраний и различных съездов». Эти заявления предвещали обсуждение возможности издания печатного органа объединения. С этой инициативой выступил Петр Долгоруков. Его поддержали «собеседники» – неославянофилы, П.С. Шереметев и Д.Н. Шипов<sup>426</sup>. В это время П.Д. Долгоруков, как и некоторые другие «собеседники», участвовал в создании журнала «Освобождение». И 27 мая 1902 г. П.Д. Долгоруков выступил с предложением признать именно этот журнал органом «Беседы»<sup>427</sup>, и, как было уже отмечено, эта идея была отвергнута консервативным крылом объединения<sup>428</sup>.

В этот день как раз и развернулась первая дискуссия среди «собеседников» на «общеполитические» темы. «Должна быть общая идея, – говорил В.М. Петрово-Соловово. – Такой идеей может быть только представительство и, следовательно, ограничение самодержавия. Теперь ясно, что при самодержавии никакая самостоятельность земств немыслима, почему «Беседе» и предстоит категорически высказаться, солидарна ли она с конституционалистами или нет». В том же духе говорил и Д.И. Шаховской: «Надо, наконец, признать, что отечественное сознание уже пережило наши современные политические формы, и пока в этом отношении не произойдет соответствие, все попытки действовать в общественном смысле будут только напрасной тратой денег и даже времени». Не отмалчивались и консерваторы. Так, по мнению П.С. Шереметева, «нам нужно творческое созидательное течение, основанное на исконных началах народных, на твердом знании прежних судеб в России и глубоком изучении настоящего ...Является вопрос: возможно ли рассчитывать на успех такого течения, на совместимость создания правового порядка (sic! – К.С.) при существовании самодержавия. Я не сомневаюсь, что это возможно»<sup>429</sup>.

Таким образом, объединение оказалось в кризисной ситуации. «Собеседники»-конституционалисты четко обозначили свою позицию, которая была абсолютно неприемлема для неославянофилов. Не могло быть и речи, чтобы «Беседа» как единое целое однозначно поддержала «Освобождение». Открытый конфликт между «собеседниками» ставил под сомнение возможность дальнейшего существования «Беседы». Возникла потребность в компромиссе, который мог бы примирить оппонентов.

Путь к примирению был намечен на том же заседании, 27 мая 1902 г.: «собеседники»-конституционалисты не стали настаивать на признании всем объединением программных требований «Освобождения», подразумевая возможность для «Беседы» оставаться на прежних позициях. Так, по мнению Павла Долгорукова, «удел “Беседы” – бороться против произвола, выработать форму самодеятельности», а от обсуждения острых политических вопросов надо уходить. Схожую позицию занял П.А.Гейден. Он считал, что «самодержавие также несовместимо со свободой, как солнце с ночью»; «самодержавие есть путь к революции» и «для сохранения династии и монарха необходимо его (монарха – К.С.) ограничить». Вместе с тем, Гейден активно возражал против присоединения «Беседы» к конституционалистской организации<sup>430</sup>.

Позиция Долгорукова и Гейдена впоследствии станет типичной для представителей «левого» крыла «Беседы». Так, на следующем заседании кружка, 22 августа 1902 г., обсуждение «общеполитических» вопросов к конфликту не привело. Дискуссия в тот день развернулась вокруг доклада Н.Н. Львова, посвященного реформе государственного строя России. Не вдаваясь в подробности (так как речь об этом пойдет ниже), лишь замечу, что участник «Союза Освобождения» Н.Н. Львов вовсе не настаивал на упразднении самодержавия, и его выступление нашло понимание у консервативного крыла «Беседы». За издание записки Львова за рубежом или в России высказались как конституционалисты (П.Д. Долгоруков, В.М. Петрово-Соловово), так и куда более консервативные «собеседники» (А.Д. Поленов, П.С. Шереметев). Положения доклада особых возражений не вызвали. Лишь предводитель орловского

дворянства М.А. Стахович оценил программу Н.Н. Львова как неопределенную. Стахович, славянофил по своим убеждениям, не находил в записке четко обозначенную позицию относительно «борьбы с бюрократизмом во имя поднятия принципа самодержавия». А «если бы в конечном результате наших суждений оказалась бы угроза идее самодержавия, то мы были бы преступниками и нарушили бы программу (sic! – К.С.) нашего кружка». Н.Н. Львов оправдывался, что он ни в коей мере не высказывался против принципа самодержавия<sup>431</sup>. Львова поддержал князь Д.И. Шаховской, не находя в записке даже намек на ограничение самодержавия<sup>432</sup>. Тон дальнейшей дискуссии был задан выступлениями А.Д. Поленова и П.С. Шереметева, высказавшимися в пользу сохранения самодержавия<sup>433</sup>. конституционалисты старательно обходили вопрос о форме правления. Д.И. Шаховской «находил поднятие этого вопроса преждевременным». В.М. Петрово-Соловово предлагал вовсе не касаться вопроса о самодержавии<sup>434</sup>. Аналогичную позицию занял и Петр Д. Долгоруков. Единственный «собеседник», допустивший своего рода бестактность, отстаивая свои взгляды, был Ю.А. Новосильцев. Он также не считал необходимым определенно высказаться в записке о самодержавии. Правда, аргументация Новосильцева отличалась от того, что утверждали его более осторожные коллеги: о самодержавии не стоит говорить, дабы не впасть в противоречие. «Бороться с произволом во имя самодержавия немислимо. Свобода совести, личности, печати – несовместимы с самодержавием»<sup>435</sup>. Но радикализм Новосильцева никто не поддержал. И вполне закономерно, что итог этой дискуссии подвел консерватор, убежденный сторонник сохранения самодержавия Павел Шереметев: он «отметил общее признание, что самодержавие в настоящее, по крайней мере, время, должно оставаться во всей своей силе»<sup>436</sup>.

И в дальнейшем конституционалисты будут всякий раз стараться избегать на заседаниях «Беседы» конфликтов с консервативно настроенными «собеседниками», по возможности обходя острые углы и не настаивая на принятии всеми членами объединения своих взглядов. В этом смысле показательно заседание 25 августа 1903 г. Во время обсуждения вопроса

о возможной новой форме организации «Беседы» было также указано на существующую среди «собеседников» «недоговоренность» относительно принципиальных вопросов государственной жизни России. Так, Н.Н. Львов, в целом, соглашаясь с В.М. Петрово-Соловово о необходимости создания организации «с ясной политической задачей и умелым проведением в жизнь требований из нее вытекающих», выразил сомнение в возможности превратить «Беседу» в такое объединение. «...Не является ли желательным, чтобы во всяком случае продолжала существовать “Беседа” с той недоговоренностью, которая теперь в ней имеется между ее членами для объединения с теми оппозиционными течениями, которые бояться договаривать», – вопрошал Н.Н. Львов<sup>437</sup>. Ту же позицию защищали братья Долгоруковы, Петр<sup>438</sup> и Павел<sup>439</sup>, А.А. Стахович<sup>440</sup>, И.П. Демидов<sup>441</sup>. Ее можно выразить словами Петра Долгорукова: «Во всяком случае нельзя считать лишним мост между славянофилами и революционерами, и такой мост мы в “Беседе” как раз призваны представлять»<sup>442</sup>. Принципиально возражал против этого лишь В.М. Петрово-Соловово<sup>443</sup>. В итоге его предложение «о реорганизации “Беседы” на началах устранения недоговоренности в виду несочувствия присутствующих осталось без практических последствий»<sup>444</sup>.

Существование таких «недоговоренностей» в историографии толковалось как свидетельство отсутствия у «Беседы» какой-либо общей программы. В действительности, понятие «недоговоренность» находит в данном случае довольно странную трактовку: будто бы «собеседники» уходили от решения наиболее принципиальных вопросов, а, соответственно, «Беседа» – не более, чем дискуссионный клуб. Если же обратиться к материалам протоколов заседаний кружка, возникнет несколько другая картина. На самом деле существование противоречий внутри кружка было очевидным фактом для всех «собеседников», и братья Долгорукие, Д.И. Шаховской или В.М. Петрово-Соловово не скрывали своих взглядов. И на заседаниях кружка, о чем пойдет речь в дальнейшем, все не избегали принципиальных вопросов русской общественной жизни. Более того, приходили к общим решениям.

Очевидно, исследователи исходили в данном случае из того, что «недоговоренность», а, по сути дела, скрытые разногласия, по такому ключевому вопросу как форма правления лишает нас права говорить о существовании единой организации «Беседа», имеющую собственную политическую программу. В действительности, судя по уже цитируемым высказываниям П.Д. Долгорукова и Н.Н. Львова, подобная «недоговоренность» имела целью сохранения единства кружка, обладающего общими задачами и программой действий. Ради того, чтобы как раз не превратиться в дискуссионный клуб, а ограничиться вопросами, по которым можно было прийти к общему мнению, «собеседники»-конституционалисты считали необходимым избегать вопросы, по которым было невозможно прийти к какому-либо соглашению. Как говорил на заседании 25 августа 1903 г. Павел Долгоруков: «Пускай мы в “Беседе” расходимся во мнениях о необходимости борьбы с самодержавием, лишь бы мы сходились во мнениях о необходимости борьбы с административным произволом: слишком уже чувствуется необходимость объединения всех оппозиционных партий, необходимость сговора между ними»<sup>445</sup>. Иначе говоря, «недоговоренность» говорит как раз в пользу существования общей программы кружка. «Беседа» действительно была бы дискуссионным клубом, если бы члены объединения настаивали на том, что их разъединяло, а не исходили бы из начал, вокруг которых могла бы консолидироваться группа активных земских деятелей.

Тактика «недоговоренностей» подразумевала уступки в первую очередь со стороны конституционалистов: умеренные и радикальные элементы могут сговориться лишь в том случае, если радикалы согласятся на какое-то время умерить свои требования. Иными словами, политическая платформа кружка неизбежно должна быть ближе к неославянофильской, нежели конституционной идеологии. Но это не снимает вопрос о характере платформы «Беседы»: идеологические установки, предложенные в записке Н.Н. Львова, при том, что они могли вполне устраивать «собеседников»-неославянофилов, все же отличались от того, что могли бы предложить сами неославянофилы. Программная записка Н.Н. Львова, зачитанная на за-

седании «Беседы» в августе 1902 г., интересна в данном случае как раз тем, что составленная представителем радикального крыла объединения она была рассчитана на поддержку консервативных «собеседников».

Доклад Львова был зачитан на заседании «Беседы» 22 августа 1902 г. О необходимости программной записки, которую можно было подать правительству, было сказано еще на прошлом заседании, 27 мая того же года, когда обсуждался вопрос о возможной поддержке журнала «Освобождение». ключевая проблема записки – соотношение начала власти и свободы. По мнению Н.Н. Львова, необходимо «суметь примирить два начала, начало власти и начало свободы, суметь их соединить в такое гармоническое целое, где бы оба начала не пожрали бы друг друга»<sup>446</sup>. Торжество же одного из них неизбежно ведет к гибели государства. Так, безудержное развитие принципа свободы имеет своим следствием анархию<sup>447</sup>. В России, согласно Львову, имела место обратная ситуация: начало свободы полностью подавлено, вся власть – в руках бюрократов, которые верят исключительно в силу приказа. Подобная ситуация грозит гибелью такому государственному устройству. Режиму остается лишь надеется на традицию, в силу которой общество продолжает подчиняться власти, на бюрократию, да на пушки. Но и то, и другое, и третье не может служить серьезной опорой для нынешнего строя. «Всеобщая история свидетельствует, что основы давнего государственного строя рушатся, раз является непонимание правительством нужд народа», – так сила традиции рушится под давлением обстоятельств. Чиновничество же не является самостоятельной силой – это лишь орудие для того, кто платит. Соответственно, бюрократия не может быть опорой для верховной власти. У бюрократа, по мнению Н.Н. Львова, нет никаких четких ориентиров поведения, так как по самой своей природе он не в силах понять общегосударственных проблем, ибо многолетней службой был приучен исходить из интересов ведомства, департамента, а не государства как единого целого. «В минуту катастрофы, общего замешательства бюрократы теряют головы и мечаются из стороны в сторону». И, наконец, армия. По мнению Львова, весь ход мировой истории доказывал всю тщетность надежды власти

на вооруженную силу: армия никогда не будет стрелять в народ. А в государстве, где человек лишен всяческих прав и свобод, весь народ настроен оппозиционно по отношению к правительству. В этом случае революция кажется Н.Н. Львову неизбежной<sup>448</sup>.

Революция же, по мнению докладчика, – безусловное зло. Во-первых, «революционное движение имеет целью дать обществу все реформы в государственном строе сразу, а поэтому дает их всегда скомканными, недостаточно продуманными, слишком теоретичными». Иными словами, в результате столь радикального переворота общество получает не совсем то, что оно ожидало; жизненные потребности населения неадекватно реализуются революционерами. Во-вторых, «когда вспыхнет революция со всеми ее ужасами и несправедливостями, то естественно, что вся благомыслящая часть общества, ныне враждебно относящаяся к правительству, бросится за помощью к этому же правительству, ища в нем средства к спасению общественного спокойствия и безопасности». В итоге вполне возможным представляется поражение революции и, соответственно, установление реакции, которая может нанести стране серьезнейший ущерб.

Предвидя такое развитие событий, Н.Н. Львов считал наилучшим выходом из кризиса, переживаемого Россией, согласие власти пойти на добровольные уступки обществу, иначе говоря. На практике это означало бы целый цикл либеральных реформ. «Нужны – свобода личности, свобода совести, свободное выражение общественного мнения, свободное развитие земских и городских учреждений, наконец, выборное представительство общества в законодательных учреждениях страны»<sup>449</sup>. Но это перечисление не дает полного ответа, что в реальной жизни есть это гармоничное соотношение власти и свободы.

Н.Н. Львов предлагает две модели. Первая реализована в Англии. Но, как утверждал докладчик, в России подобных английским «легальных форм для сдержек этих двух начал нет». В записке предлагалась альтернативная модель. Ее краеугольный камень – возможность для общества нравственного воздействия на совесть самодержца. В Московской Руси инструментом такого воздействия была церковь. Ныне же монарх окружен полчищем чиновников и не слышит голос общества<sup>450</sup>.

Непосредственно в своем выступлении Н.Н. Львов не уточнял, каким мог быть механизм трансляции общественного мнения на данном этапе, но все же нельзя сказать, что его слушатели оказывались в полном неведении. Во-первых, в записке, упоминалось о необходимости призвать представителей общества к законодательной работе<sup>451</sup>. Во-вторых, в ходе дискуссии Н.Н. Львов произнес слова, магические для любого славянофила. «Н.Н. Львов указал, что он в своей речи ни слова не говорил об умалении самодержавной власти Государя. В России самодержавие было более могуче, чем теперь, при существовании Земских соборов. Говоря о представительстве Н.Н.[Львов] подразумевал не заключение договора Царя с народом, а добровольную жертву Царя во имя блага народа»<sup>452</sup>. Не говоря о том, что докладчик, подобно многим славянофилам, предложил обратиться к опыту Земских соборов Московской Руси, стоит особенное внимание уделить последней фразе, в значительной мере дающей ответ, о какой форме народного представительства шла речь в записке. Рассуждения о незыблемости самодержавия в этом смысле нам мало чего дают, учитывая многозначность самого термина «самодержавие». Зато замечания Н.Н. Львова о «добровольной жертве» царя звучит куда определеннее. По сути дела, оно означает, что источником власти в стране должен оставаться монарх, все же остальные институты управления обладают теми полномочиями, которые делегированы им верховной властью. В этой ситуации объем полномочий, переданных народному представительству, – лишь частность, так как дарованное может быть на полных основаниях и отнято. Новый механизм принятия решения, безусловно ограничивающий власть монарха, все же не упраздняет системообразующий элемент прежней правовой системы, неограниченную, по крайней мере, в теории, власть государя. Поэтому русские правоведы-конституционалисты были столь непримиримыми противниками теории монархического суверенитета<sup>453</sup>.

Интересно, что один из будущих лидеров «Союза Освобождения» выступает с предложениями, довольно близко стоявшими к требованиям неославянофилов. Такие уступки со стороны конституционалистов предполагали куда более определенную программу объединенной земской оппози-

ции, нежели просто борьбу с административным произволом. И Н.Н. Львов вовсе не был одинок в своем желании заручиться поддержкой консервативных элементов земства в общей борьбе. В этом отношении очень любопытно высказывания В.М. Петрово-Соловова во время обсуждения доклада Львова. Он предложил не касаться в записке вопроса о самодержавии: «Надо стоять за свободу совести, за свободу личности, за свободу печати, за развитие самоуправления. Для достижения этого необходимо представительство общества в законодательных учреждениях. Все это необходимо, а какие последствия от того произойдут в государственном строе, вопрос второстепенный, которого лучше теперь и не касаться»<sup>454</sup>.

Фактически В.М. Петрово-Соловова следует в данном случае логике записки Львова. Он акцентирует внимание на необходимости серьезных реформ, гарантирующих права и свободы человека. Далее следует замечание о неизбежности в таком случае и институциональных реформ, но о них говорится в более туманных выражениях.

Записка Н.Н. Львова позволяет выделить ключевые характеристики общей идеологической платформы организации «Беседа».

- Признается, что нынешняя бюрократическая система управления подлежит серьезному реформированию.
- Будущий государственный строй должен быть основан на более активном, нежели теперь, участии общества в принятии политических решений.
- Поэтому обществу должны быть гарантированы определенные права и свободы.
- А также его представители должны в той или иной форме участвовать в законодательной работе. При этом Н.Н. Львов уходил от вопроса о возможных полномочиях будущих депутатов, и все же давал понять неославнофилам, что речь идет о представительном органе по общим чертам напоминающим желанный ими Земский собор.

При этом докладчик следует логике, противоположной славянофильской. Если славянофил смотрит в прошлое, воспевая исторические начала и издавна присущие народу политические

формы, Н.Н. Львов верит в политический прогресс, которому необходимо соответствовать: власть должна следить за динамикой изменения нужд народа, в противном случае, ее сменит другая власть. Поэтому в докладе вопрос о такой «русской исторической форме» как самодержавие остается «подвешенным». Н.Н. Львов был вынужден говорить в очень туманных выражениях о будущем народном представительстве, место которого в преобразованной системе управления вызывало серьезнейшие разногласия среди «собеседников», в то же время четко проговаривал те вопросы, которые не вызывали споров между конституционалистами и неославянофилами. Н.Н. Львов лишь определенно говорил о самой необходимости привлечения выборных к законодательной работе: это крайняя точка совпадения позиций членов кружка, принадлежащих к разным идеологическим направлениям. Далее видение политического будущего России у конституционалистов и неославянофилов отличалось, но Львов, не желая провоцировать конфликт, при упоминании будущего народного представительства не прибегал к конституционной интерпретации данного института, тем самым неизбежно потакая неославянофилам.

Причина подобной уступчивости конституционалистов кроется в их оценке соотношения сил в земстве. Говорит о многом сама мысль о том, что идеологическая платформа, основанная на «недоговоренности», подразумевает широкое объединение, а более идейно консолидированные кружки – организации других масштабов, куда более скромных<sup>455</sup>. Соответственно, «прогрессивная земская партия» может сплотиться не вокруг идей конституционализма, а вокруг значительно более умеренных идеалов по причине сравнительной консервативности земских кругов. «Во всяком случае в земских собраниях еще нельзя заговаривать о конституции или почти нельзя». Эти слова были произнесены П.Д. Долгоруковым на заседании 26 мая 1903 г. А перед этим выступал В.М. Петрово-Соловово, который говорил о важности учитывать, что даже среди участников земских съездов есть противники конституции и с ними необходимо договариваться<sup>456</sup>. На заседании “Беседы” 11 января 1904 г. Петр Долгоруков, желая объяснить коллегам современное политическое положение, утверждал, что шиповская земская организация, отстаивавшая

неославянофильские взгляды, – реальная политическая сила со своей программой и тактикой, в то время как конституционная организация вовсе отсутствовала. В соответствии с этой расстановкой силой, утверждал П.Д. Долгоруков, необходимо определять ближайшие цели общественного движения<sup>457</sup>.

В 1896 г. в Женеве под псевдонимом «С. Мирный» была издана брошюра «Адресы земств 1894–1895 гг. и их политическая программа». В действительности, автором этой работы был князь Д.И. Шаховской, впоследствии ставший одним из основателей «Беседы». В данном случае интересна сама постановка вопроса, предложенная Шаховским. Работа была посвящена анализу земских адресов, которые были поданы верховной власти в скором времени после вступления на престол Николая II. В обращении целого ряда земств к верховной власти можно было усмотреть намек о возможной реформе государственного устройства, иначе говоря, о введении в той или иной форме представительного органа власти. Именно на этот счет и были произнесены известные слова Николая II о «бессмысленных мечтаниях»<sup>458</sup>. Предварительно дав обзор содержания земских адресов, Д.И. Шаховской посчитал необходимым развить идеи, заложенные в земских обращениях<sup>459</sup>. По сути, автор предложил целую программу реформ государственного устройства.

Но это была общеземская программа, способная объединить земских деятелей, принадлежавших к различным идеологическим направлениям. Соответственно, в своих рассуждениях он пытался следовать логике составителей обращений к верховной власти, так как адреса земств – источник, позволяющий судить о господствующих настроениях в земских собраниях. А между тем «адресы писались и подписывались людьми всех направлений, солидарных только в одном, в наличности у них общественного чувства. И выразилась в адресах мысль одинаково дорогая и важная как для конституционалистов, так и для приверженцев самодержавия, как для решительных прогрессистов, так и для крайних, но искренних представителей консервативных взглядов, а именно мысль о необходимости ослабить гнет административной опеки и действий крупных и мелких чиновных лиц»<sup>460</sup>. Иначе говоря, развивая идеи, заложенные

в земских адресах, Д.И. Шаховской старался выразить позицию общества как единого целого, настроенного оппозиционно по отношению к действовавшему режиму. Любопытно, что эта программа по своим положениям оказывается куда ближе к тому, на чем настаивали славянофилы, нежели либералы вроде самого Д.И. Шаховского или И.И. Петрункевича.

Причем, никто и никогда не замечал близости воззрений Д.И. Шаховского к идеям славянофилов<sup>461</sup>. Еще в 1890 г. в переписке со своим старым другом А.А. Корниловым Д.И. Шаховской довольно отчетливо определил свои общественно-политические взгляды. Не вдаваясь в подробности, стоит заметить, что он считал себя одновременно социалистом и либералом. По мнению Шаховского, «либерализм – необходимое условие проведения регулярных социальных реформ». В понятие «социальные реформы» в данном случае входила национализация земли, отчуждение орудий труда в общественную пользу, ограничение кредитования под проценты, упразднение постоянной армии<sup>462</sup>. Д.И. Шаховской в переписке упоминал и о возможных политических реформах. Так, в письме к И.М. Гревсу в том же 1890 г. он отметил, что «во всяком случае, самый первый пункт – это вопрос о разделении власти в государстве между главой и народом»<sup>463</sup>.

Д.И. Шаховской так и остался на левом фланге либерального движения. В 1902 г. он писал редактору только что зарождавшегося журнала «Освобождение» П.Б. Струве, что земство в силу своей консервативности не может вести за собой освободительное движение и активно принять участие в предстоящем политическом перевороте<sup>464</sup>. Струве пришлось в ответ написать длинное письмо, в котором он защищал земство от критических выпадов Шаховского и убеждал последнего не идеализировать революционное движение<sup>465</sup>. Два года спустя, в марте 1904 г., в журнале «Освобождение» вышла статья «Политика либеральной партии», автором которой был Д.И. Шаховской. Он призывал «освобожденцев» «прежде всего... определить себя и резко отмежеваться от того мечтательного славянофильского либерализма, который считает возможным осуществить реформу русской жизни в союзе с самодержавием»<sup>466</sup>.

Эти штрихи к политическому портрету Д.И. Шаховского даны лишь для того, чтобы оттенить особенности политической программы, предложенной им в брошюре 1896 г. Согласно «Адресам земств...», в России необходимо, во-первых, гарантировать основные права человека (свободу слова, свободу совести, равенство всех перед законом независимо от национальности и сословной принадлежности)<sup>467</sup>. В тесной связи с этим стоят такие предполагаемые реформы как усиление Сената как органа «высшего надзора в порядке управления и исполнения»<sup>468</sup>, восстановление мирового суда в деревне<sup>469</sup>, введение судебного контроля за действиями администрации,<sup>470</sup> отмена положения об усиленной охране<sup>471</sup>. Во-вторых, Д.И. Шаховской перечислил некоторые реформы, необходимые в сфере земской деятельности: пересмотр Земского положения 1890 г. в смысле расширения прав органов местного самоуправления и демократизации выборов в них, распространение Земского положения на всю Россию<sup>472</sup>, введение мелкой земской единицы (всесословной волости), возможность проведения областных или всероссийских земских съездов<sup>473</sup>.

Наконец, ключевой пункт – реформа системы государственного управления. «Как мы видели, единодушнее всего земские адреса высказываются относительно необходимости более деятельного общения земства с царем; и, действительно, именно в самодержавном государстве знакомство представителя верховной власти с потребностями страны и с различными общественными течениями особенно важно для правильного хода государственной деятельности»<sup>474</sup>. За этими рассуждениями следовало изложение предполагавшегося Д.И. Шаховским нового порядка подачи земских ходатайств, в результате которого они обязательно так или иначе должны оказываться на столе государя. Не вдаваясь в подробности описанной им технологии решения данного вопроса, стоит перейти к основной проблеме, к введению в России выборного представительства: «И действительное улучшение законодательного дела возможно лишь при введении в Государственный Совет в качестве равноправных его членов избираемых на трехлетие представителей от губернских земских собраний по одному от каждого»<sup>475</sup>. Фактически Д.И. Шаховской в данном случае не идет даль-

ше «конституций» Валуева, Шувалова, Лорис-Меликова. «Советательный характер постановлений Государственного Совета, вовсе не обязательный для монарха, мог бы быть при этом сохранен в совершенной неприкосновенности», – говорят не убежденные неославянофилы, как Д.Н. Шипов и М.А. Стахович, а довольно радикальный по своим убеждениям либерал князь Д.И. Шаховской<sup>476</sup>.

Таким образом, ориентируясь на позицию земских собраний, Д.И. Шаховской составил программу реформ, тяготеющую к идеям неославянофильства. Представление о господстве умеренного направления в земских кругах вынуждало его считаться со сторонниками сохранения самодержавия. Примечательно, что схожим образом рассуждал близкий друг Шаховского А.А. Корнилов. «Я думаю, ничего не будет до тех пор, пока правительство не сознает... что нельзя выработать коренные реформы и надеяться на успокоение общества, пока не откажутся совершенно от бюрократического способа действий и не призовут представителей общества хотя бы к советательному (sic! – К.С.) участию в таких делах», – писал он жене весной 1901 г.<sup>477</sup> И вплоть до конца 1904 г. конституционалисты готовы идти на уступки своим консервативным союзникам ради сохранения единства оппозиционной общественности.

Так, в 1901 г. в Москве по инициативе председателя московской губернской земской управы Д.Н. Шипова возник один, по сути дела, неославянофильский кружок, в работе которого приняли участие некоторые «собеседники»-конституционалисты. Согласно воспоминаниям Шипова, в обществе с момента воцарения Николая II шли толки о необходимости серьезных реформ, дабы предотвратить возможные потрясения. Возникла идея составить записку для императора, которую бы подписали известные общественные деятели<sup>478</sup>. Еще 18 июля 1900 г. Д.Н. Шипов писал своему другу и коллеге по работе в московском земстве М.В. Челнокову о необходимости инициировать подачу земских адресов на высочайшее имя, в которых было бы разъяснено, что принцип самоуправления не противоречит принципу самодержавия<sup>479</sup>. Десять дней спустя, 29 июля, Шипов писал уже о новом тактическом плане: после разговора с Н.А. Хомяковым он пришел к выводу, что «нужно составить

записку-петицию скорее конфиденциального характера, разобрать в ней записку Витте, так как она является выражением взглядов и тенденций нашей бюрократии, устанавливающих положение, что самодержавие будто немислимо без неизбежного при нем бюрократического центра...»<sup>480</sup> Эту записку, по замыслу Д.Н. Шипова, должны были подписать самые видные общественные деятели каждой губернии. По мнению Шипова, ее должен был составить Ф.Д. Самарин. Но составлению неизбежно предшествовало бы совещание земцев, на котором был разработан общий план действий<sup>481</sup>.

По воспоминаниям одного из участников работы этого кружка, Ф.Д. Самарина, в мае 1901 г. в доме предводителя московского дворянства П.Н. Трубецкого на Знаменке, кроме самого Трубецкого и Шипова, собрались Ф.Д. Самарин, Р.А. Писарев, Павел Долгоруков. Самарин также не исключал, что С.Н. Трубецкой и Г.Е. Львов присутствовали на том собрании<sup>482</sup>. Из семи собравшихся – пять настоящие или будущие члены «Беседы». Правда, предложенный Шиповым список участников того заседания несколько отличается: это П.Н. Трубецкой, Н.А. Хомяков, М.А. Стахович, Ф.Д. Самарин, С.Н. Трубецкой, Павел Д. Долгоруков, Р.А. Писарев, Н.В. Давыдов, В.О. Ключевский и сам Д.Н. Шипов<sup>483</sup>. В данном случае из десяти присутствующих шесть человек либо уже вошли в «Беседу», либо еще войдут в нее.

Говорил в тот день в основном Шипов. Речь была посвящена любимой им теме, взаимному недоверию власти и общества. Его мысли не были для присутствующих новостью. В частности, Шипов еще осенью 1900 г. заезжал в самаринское имение Измалково, высказывал схожие идеи и просил Ф.Д. Самарина взять на себя работу по составлению «декларации». Поводом к ней, по мнению председателя московской управы, могла служить записка С.Ю. Витте о местном самоуправлении, возмущившая земцев самых разных убеждений. Но Самарин взять на себя такую обязанность не мог<sup>484</sup> (хотя в самом начале согласился<sup>485</sup>), так как во многом его взгляды и взгляды Шипова в корне расходились. И на этот раз Ф.Д. Самарин выступил его основным оппонентом. По мнению Самарина, современное русское общество доверия власти не заслуживало. как может прави-

тельство прислушиваться к мнению общества, если у последнего нет никакой положительной программы, а объединяет его лишь отрицание исторических начал русской государственности. Необходимо как раз предварительно выработать положительную программу, которая легла бы в основание предполагаемой записки. В противном случае, под текстом, обличающим современное положение вещей, подпишутся оппозиционные элементы разных направлений: не только сторонники сохранения самодержавия, но и конституционалисты<sup>486</sup>. Большинство собравшихся поддержали Шипова. как писал в письме к жене М.В. Челноков: «...Удивил всех Ф.Д. Самарин. Говорил такую ерунду, что Дмитрий Николаевич (Шипов – К.С.) ничего не понял. Поддерживали Шипова философ Трубецкой (Сергей Николаевич – К.С.) и кн. Долгоруков. П.Н. Трубецкой растерянно говорил: “Я подпишу, если все подпишут, а только все понапрасну, ничего не выйдет, а подписавшие пострадают”»<sup>487</sup>. Было решено, что сам Шипов составит записку, которая и будет рассмотрена на следующем заседании кружка<sup>488</sup>.

Следующее заседание состоялось 16 июля того же года в Измакове, в имении Ф.Д. Самарина. Кроме самого хозяина, на нем присутствовали Д.Н. Шипов, Р.А. Писарев, Павел Долгоруков, Н.А. Хомяков, П.Н. Трубецкой<sup>489</sup>. Шипов приехал уже с проектом записки. В ней указывалось на то, что ненормальность современного положения связана с недоверием власти к обществу, которое выражается в ограничении развития «общественной самодеятельности» и участия общества в управлении государством. Это, в свою очередь, приводило к тому, что «самодержавие царской власти теряет свое идейное значение и заменяется самодержавием министров и бюрократии, с которым русское общество никогда примирится не может», так как сама природа самодержавия требует тесного общения царя и народа. Доверие между властью и обществом может быть восстановлено, если обществу будет предоставлена свобода совести, слова, право участвовать в местном самоуправлении, возможность доводить сведения до императора о положении вещей на местах. И, наконец, необходимо проивлекать выборных представителей общества к участию в обсуждении законопроектов в комиссиях при Государственном Совете. к тому же, порядок привле-

чения выборов должен разрабатываться правительством совместно с представителями общества<sup>490</sup>.

Как вспоминал Самарин, только он и возражал против шиповских тезисов. Все остальные либо отмалчивались, как П.Н. Трубецкой, либо присоединились к точке зрения автора записки<sup>491</sup>. Схожим образом описал случившееся и Д.Н. Шипов в письме к М.В. Челнокову: «В результате мы спелись более или менее окончательно вчетвером: Хомяков, Писарев, Долгоруков и я; Трубецкой относится довольно индифферентно, но надемся от нас не отобьется, но с Самариним мы по этому поводу разошлись окончательно...»<sup>492</sup>

Очевидно, после 16 июля 1901 г. имели место дальнейшие консультации, которые впоследствии позволили Д.Н. Шипову детально разобрать различные точки зрения, высказанные в связи с его запиской. Согласно его воспоминаниям, кроме Самарина, С.Н. Трубецкой выражал принципиальное несогласие с предложенными тезисами. Правда, он критиковал записку с других позиций: «Он находил мысль о восстановлении идейного самодержавия утопичной, не считая возможным устранить произвол власти без ее ограничения определенным правовым порядком, видел единственный выход из переживаемого страной тяжелого положения в решительной замене приказного строя строем конституционным и, исходя из этих положений, признавал подачу предполагавшейся записки бесцельной и бесполезной». Другие конституционалисты – П.Д. Долгоруков и Р.А. Писарев – в целом, соглашаясь с Трубецким, не занимали столь принципиальную позицию. Они не возражали против подачи записки. По их мнению, «осуществление высказанных в ней (в записке – К.С.) положений, хотя и не даст надлежащего разрешения вопросу, но может облегчить и подготовить преобразование нашего государственного строя в конституционное государство»<sup>493</sup>. Эта позиция Д.Н. Шипова удовлетворить не могла: в виду того, что Ф.Д. Самарин и С.Н. Трубецкой отказались присоединиться к записке, а Р.А. Писарев и П.Д. Долгоруков не высказали «необходимой солидарности с остальными членами совещания», остальными членами объединения было решено отложить вопрос<sup>494</sup>. Так, осенью 1901 г. недавно образованный кружок перестал существовать.

И все же история этого недолговечного союза представляется показательной. В первую очередь, привлекает внимание тот факт, что, в отличие от «Беседы», в шиповском кружке был выработан документ, являющийся, по существу, программой объединения, с которой соглашалось большинство участников совещаний. Эта программа была написана неославянофилом, что несомненным образом отразилось на ее содержании. И тем не менее убежденные конституционалисты, не скрывая ни от кого своих взглядов, все же посчитали возможным присоединиться к славянофильской программе, воспринимая ее как некий минимальный набор реформ, необходимых в настоящее время.

Конституционалистам постоянно приходилось адаптировать выражение своих идей к стереотипам мышления консервативного большинства дворянских и земских собраний. Так, 26 января 1902 г. гласный звенигородского земского собрания, в недалеком будущем член кружка «Беседа», а потом один из лидеров партии кадетов Ф.Ф. Кокошкин произнес приветственное слово в честь повторного избрания предводителем звенигородского дворянства П.С. Шереметева. Речь Кокошкина замечательна тем, что в ней отразилось как желание конституционалиста выразить свою принципиальную позицию по отношению к сложившейся политической ситуации, так и готовность соответствовать ожиданиям аудитории, представителей дворянского собрания, часто очень далеких по своим убеждениям от либералов радикального крыла. «Вы (П.С. Шереметев – К.С.) ставите ему (дворянству – К.С.) более широкую цель – радение и представительство о нуждах всего народа. Ибо в этом смысл и оправдание всякого привилегированного положения, всякой аристократии. когда в XIII в. английские бароны, распоряжаясь судьбами государства, выговорили определенные права не только себе, но и всем свободным людям Британского королевства – в этом была известная доля самоотвержения. И, по свидетельству историков, она принесла плод сторицей, обеспечив на многие века любовь и уважение народа к высшему сословию»<sup>495</sup>. Таким образом, Ф.Ф. Кокошкин, с одной стороны, говорит об особой политической роли аристократии, отечески опекающей остальные сословия. С другой, примером для русского дворянства должны были служить английские бароны

XIII века, настоявшие на принятии Великой хартии вольностей. Намекая на необходимость конституции, Ф.Ф. Кокошкин произносит ключевые слова для политической философии аристократической оппозиции: особая миссия высшего сословия, сопряженная с политическими правами; ограничение верховной власти; достойный тщательного изучения и использования английский политический опыт. В данном случае Ф.Ф. Кокошкин поступает ровно так, как год спустя на заграничном съезде «Союза Освобождения» П.Д. Долгоруков рекомендовал агитировать среди дворян-землевладельцев: последним надо указать на приниженное положение высшего сословия в России, на его обнищание, на богатство земельной аристократии в конституционной Англии и на возможность особой роли дворянства в политической жизни страны<sup>496</sup>.

20–22 июля 1903 г., в Швейцарии, в местечке Шаффгаузен, на заграничном съезде «Союза Освобождения» был поставлен вопрос об отношении конституционалистов к возможным союзникам справа и слева, в том числе, и к неославянофилам. Среди выступавших на эту тему как раз был один из организаторов «Беседы» Петр Долгоруков. Его доклады тем замечательны, что их автор открыто и ясно определял основания для компромисса между неославянофилами и конституционалистами. П.Д. Долгоруков был сторонником широкого альянса всех недовольных, от неославянофилов до социалистов-революционеров и социал-демократов. Такой союз мог зиждиться на общей убежденности «в необходимости раньше всего политической свободы и уничтожение власти бюрократии». Ради этого, по мнению Долгорукова, важно координировать действия и составлять временные союзы<sup>497</sup>. Вместе с тем П.Д. Долгоруков считал, что «освобожденцы» не должны спешить с провозглашением требования созыва Земского собора, тем самым подыгрывая неославянофилам и прочим сторонникам сохранения самодержавия. Надо понять расстановку сил в обществе и реальные возможности конституционалистов перед тем, как выставлять подобные требования. Долгорукову казалась на данный момент преждевременной поддержка «освобожденцами» лозунга об учреждении Земского собора<sup>498</sup>. Таким образом, на первом съезде «Союза Освобождения» было четко сказано, какой

компромисс со славянофилами для конституционалистов приемлем: единение может быть обеспечено общим признанием необходимости бороться с бюрократической моделью управления и привлечения общества к участию в принятии политических решений. В вопросе о форме такого участия конституционалисты были готовы пойти на «уступки» неославянофилам, если расстановка сил в стране предопределила неизбежное превращение Земского собора в обычный парламент. Иными словами, в рамках этого компромисса вопрос о роли будущего народного представительства не решался определенно, а оставался открытым. Конституционалисты не говорили что-либо, противоречащее их убеждениям, а соглашались с неославянофилами будут лишь в том, в чем они, действительно, с ними были согласны. Все остальное покрывалось мраком «недоговоренности», дабы не провоцировать лишние конфликты и возражения.

«Вопрос о том, каков же должен быть голос страны... – решающий или совещательный – таким образом, не предрешается и остается, значит, открытым», – гласило постановление «Беседы» от 31 августа 1904 г.<sup>499</sup> На этом заседании кружка присутствовали исключительно сторонники учреждения законодательного представительства<sup>500</sup>. В тот день они решили инициировать адреса в земских собраниях с требованием «созыва выборных представителей в виду общего затруднительного положения, созданного войной (русско-японской – К.С.)»<sup>501</sup>. Сомнения в своевременности созыва парламента, облеченного законодательными полномочиями, высказал лишь член «Союза Освобождения» П.А. Гейден, и его рассуждения носили вовсе не славянофильский характер: он считал необходимым учитывать как весьма консервативные настроения в обществе, так и неготовность действующего правительства к столь радикальным преобразованиям. Мысль же об учреждении Земского собора в начале двадцатого века П.А. Гейден всерьез не воспринимал. Так что, по его мнению, в настоящее время не надо требовать созыва народных представителей, а стоит вести дело к постепенному расширению сферы компетенции местного самоуправления, подготавливая тем самым почву для более кардинальных реформ<sup>502</sup>. Однако, «собеседники» с этим ходом мысли не согласились. Более того, Ю.А. Новосильцев

и П.М. Толстой считали возможным и в данный момент требовать учреждения законодательного собрания<sup>503</sup>. Но все же, подобно тому, как это случалось и раньше, несмотря на радикализм большинства собравшихся, постановление было принято в той редакции, которая бы устроила и отсутствовавших в тот день на заседании кружка «собеседников»-неославянофилов.

Поворотным в истории взаимоотношений конституционалистов и неославянофилов стал земский съезд в ноябре 1904 г. Расклад сил на том съезде был в пользу конституционалистов: лишь 27 земцев из 98 поддержали формулу Д.Н. Шипова. конституционалистское большинство могло в тот момент диктовать свою волю собравшимся, но желание сохранить единство земского движения еще имело место. «Не следует насиловать меньшинство (сторонников Д.Н. Шипова, славянофилов – К.С.) во избежание каких-либо кривотолков о составе совещания. Нужно, чтобы оба течения – и конституционное, и славянофильское – вылились в отдельных формулах, совершенно определенных. конечно, было бы гораздо лучше столкнуться и решить вопрос единогласно. Но не следует вносить разложение в общую работу, заставляя меньшинство подчиниться решению большинства (конституционалистов – К.С.)»<sup>504</sup>. Эти слова опять же принадлежат Петру Долгорукову. Они явились ответом на высказывание другого «собеседника», П.А. Гейдена, утверждавшего, что «основывать государственный идеал на печальном недоразумении, чем в настоящее время является славянофильство, невозможно»<sup>505</sup>. В итоге восторжествовала позиция, озвученная П.Д. Долгоруковым: в постановлении земского съезда было отражено как мнение конституционалистского большинства, так и мнение неославянофильского меньшинства. Такой компромисс говорил уже о качественно иной ситуации: хотя конституционалисты по-прежнему не желали окончательного разрыва с представителями умеренного крыла земского движения, то все же они уже не считали возможным искать и утверждать для всех удобные расплывчатые формулы. Иначе говоря, либералы радикального крыла уже чувствовали себя достаточно сильными, чтобы отмежеваться от позиции неославянофилов и предложить собственную программу как альтернативу неославянофильской.

Таким образом, вплоть до революции 1905 г. конституционалисты принимали в качестве программы-минимум положения неославянофилов. Необходимость единства земского движения вынуждала считаться с позицией земских деятелей умеренного направления: и Д.И. Шаховской, и Н.Н. Львов, составляя проекты реформирования государственного устройства, в первую очередь, учитывали, как те или иные идеи будут восприниматься неославянофилами. Соответственно, основу общей политической платформы, в первую очередь, должны были составить положения, не вызывавшие сомнений как у конституционалистов, так и у неославянофилов: неудовлетворенность настоящей бюрократической системой управления и убежденность в необходимости привлечения представителей общества к законотворческой работе и, в целом, к более активному участию в политической жизни страны. Помимо этого, в некоторых случаях конституционалисты были готовы поддержать неославянофилов в их требовании созыва законосовещательного представительства.

Конституционалисты, не питая особых надежд на наличие широкой поддержки своих идей в земской среде, были готовы проявить умеренность, идти на серьезные уступки и тем самым отдать «идейную гегемонию» в земском движении неославянофилам. Соответственно, программа «Беседы» для одних заключала в себе минимальный набор требований, для других – наоборот, максимум того, что можно было пожелать. В любом случае именно такое совпадение максимума с минимумом позволяет нам говорить об общей политической платформе «Беседы», объединявшей как сторонников конституции, так и сохранения самодержавия.

## *§2. Программа*

О программе кружка можно говорить лишь с определенной долей условности, так как никакого конкретного документа, являющегося сводом программных требований, признаваемых всеми «собеседниками», не было. Однако, сами требования были. Каждое из них было своего рода ответом на вопрос: что надо сделать, чтобы, согласно их желаниям, общественное самоуправление стало бы «краугольным камнем» всего государственного строя России.

На первом же заседании была заявлена цель нового объединения, а уже на втором обсуждались пути реформирования земства, а, следовательно, и всей системы управления. Было бы ошибкой, подобно некоторым исследователям, думать, что с момента своего основания и до 1902 г. «Беседа» посвящала себя исключительно «малым делам» и рутине земского дела<sup>506</sup>. В действительности, «собеседники» за это время успели обсудить все ключевые вопросы современного земского движения. Заседание 4 января 1900 г. было посвящено своеобразному манифесту адепта бюрократической модели управления, записке С.Ю. Витте. Помимо этого, тогда же был поставлен столь важный для земцев вопрос о мелкой всесословной земской единице. Эта тема была продолжена на следующем заседании 16 апреля 1900 г. Также обсуждались «всяческие проявления общественной самодеятельности», говорилось о недостатках настоящего земского положения. В ходе дискуссии возник и крестьянский вопрос: по мнению Петра Долгорукова, земцы были обязаны способствовать укреплению «мелкого крестьянского общинного самоуправления». На следующих двух заседаниях, 17 ноября 1900 и 7 февраля 1901 гг, «собеседники» говорили о проблемах образования. 1 сентября 1901 г. было заслушано сообщение председателя московской земской управы Д.Н. Шипова о комиссии по введению государственного контроля в земских учреждениях. После этого в «Беседе» обсудили план сборника о мелкой земской единице<sup>507</sup>.

На заседании кружка 25 августа 1903 г. Петр Долгоруков подвел итог ранее принятым решениям, тем самым сведя воедино разнообразные требования «собеседников». Среди них были резолюции «Беседы», посвященные каждодневной борьбе земства за сохранения своих прав. Так, «собеседники» настаивали, чтобы земские собрания отклонили школьные субсидии, случайно раздаваемые тем или иным уездам. Также было предложено возбудить на земских собраниях вопрос о необходимости сохранить принцип выборности мировых судей, так как в правительстве подготавливали замену выборных мировых судей назначаемыми<sup>508</sup>. Более интересными представляются другие постановления «Беседы».

*Мелкая земская единица.* Петр Долгоруков напомнил присутствовавшим «собеседникам» о принятом решении «возбуждать на земских собраниях вопрос о ходатайстве перед правительством о введении настоящей мелкой земской единицы вместо сближения общественных учреждений с церковноприходскими попечительствами»<sup>509</sup>. Требование мелкой земской единицы было, по сути дела, системообразующим элементом всей программы «Беседы», без которого все прочие ее положения имели бы характер мало связанных друг с другом частных пожеланий.

Необходимость сохранить и даже расширить права земства – требование вполне очевидное со стороны земских деятелей. Подобная программа не имела бы политического содержания, а получила бы характер рефлекторного ответа группы, связанной определенными интересами, на ущемление властями тех или иных прав, если бы не положение о мелкой земской единице. Говоря о всеобщей волости как о низшей единице местного самоуправления, «собеседники» поставили вопрос о коренной государственной реформе. «С введением мелкой земской единицы земство перестанет быть чем-то, вне населения стоящим, посторонним и чуждым, к чему обращаться, с чем соприкасаться населению случается только спорадически, при особых, не всегда приятных обстоятельствах своей жизни. Отныне земство сливается с местностью, так сказать, проникает ее сверху донизу, тысячами нитей переплетаясь с нею во всех ее самых обыденных, самых будничных и повседневных отношениях»<sup>510</sup>.

Это цитата из статьи Г.И.Шрейдера из сборника «Мелкая земская единица»<sup>511</sup>. Два выпуска этого сборника вышли под редакцией одного из «собеседников» Д.И.Шаховского в 1902–1903 гг. Впрочем, и само объединение «Беседа» приложило немало усилий для издания «Мелкой земской единицы». Именно «собеседники» стали инициаторами этой публикации, они же разработали программу сборника<sup>512</sup>, они его и финансировали<sup>513</sup>. Об издательской деятельности «Беседы» речь пойдет ниже, так что пока ограничусь общим замечанием: автор той или иной статьи, вошедшей в сборник, высказывал собственное суждение, а не транслировал позицию «Беседы»;

тем не менее объединение опосредованно оказывало влияние на общее направление своих изданий, так что представляется вполне оправданным считать идеи, высказываемые авторами статей, по крайней мере, созвучными идеям членов объединения.

Выше цитируемые слова Г.И. Шрейдера о фундаментальном значении мелкой земской единицы находили свое развитие во всех статьях сборника. Так, по мнению одного из его авторов, известного правоведа Н.И. Лазаревского, «теоретически правильной может быть признана постановка только тех систем самоуправления... где сколько-нибудь крупные самоуправляющиеся единицы имеют собственные местные исполнительные органы»<sup>514</sup>. Свои рассуждения Н.И. Лазаревский основывал на том, что земство, по существу, есть институт власти, а, соответственно, оно должно обладать всеми его правами и обязанностями. Следовательно, земство должно стать неотъемлемой частью механизма управления страной, а для этого оно должно быть «достроено». В качестве примера можно было взять «правильно действующее» местное самоуправление Великобритании, утверждал П.Г. Виноградов. Фундаментом английской политической системы, по его мнению, как раз и было местное самоуправление, а все существующие в Британии институты власти – естественное продолжение приходской общины, самой малой самоуправляющейся единицы<sup>515</sup>.

Таким образом, общая установка сборника: введение мелкой земской единицы есть серьезная и необходимая реформа всей системы управления. Оно предполагало принципиально иную роль общественного самоуправления в жизни страны. В некоторых статьях даже слышался и явный намек: если менять фундамент, то придется полностью перестраивать само здание российской государственности<sup>516</sup>. Ведь, судя по работам видных юристов, историков, общественных деятелей, мелкая земская единица – не просто одно из возможных требований земской оппозиции, но один из важнейших элементов целой системы взглядов, сущность которой может быть отражена в следующих словах: в России должна быть «земская» форма правления. Иначе говоря, органы местного самоуправления разного уровня должны составлять пирамиду государственной власти.

Поэтому для «собеседников» было чрезвычайно важно иметь проектируемую мелкую земскую единицу как составную часть земства. Всесловная волость «давала бы возможность органам земства настолько приблизиться к населению, чтобы втянуть его все в общую работу», писал предводитель рязанского губернского дворянства, а впоследствии член кружка «Беседа» Н.С. Волконский еще в 1901 г.<sup>517</sup>

Мелкая земская единица должна была стать естественным продолжением губернского и уездного земства. Соответственно, в основание ее деятельности должны быть положены принципы, согласно которым работало уже существовавшее земство. Земцы чрезвычайно болезненно относились к правительственным попыткам создания какого-либо сурогата местного самоуправления на местах. Поэтому для членов «Беседы», желавших достроить «здание земства» в России, идея «сближения общественных учреждений с церковноприходскими попечительствами» была неприемлема: ведь, судя по беседам В.К. Плеве с земцами, этот орган местного самоуправления должен был принципиально отличаться от существовавших земств – предполагалось, что ключевую роль в этом учреждении будет играть духовенство<sup>518</sup>.

При этом модели построения мелкой земской единицы были различны, и «собеседники» не во всем сходились друг с другом. Так, на земском совещании в феврале 1901 г. по этому поводу столкнулись Д.Н. Шипов и Д.И. Шаховской. Шаховской отстаивал идею всесловной волости, самостоятельного органа самоуправления, автономного по отношению к губернскому и уездному земству. Шипов же выступал за создание попечительств, по сути дела, исполнительного органа губернского или уездного земства<sup>519</sup>. Эта модель хорошо вписывалась в его общую концепцию, согласно которой, управление земскими делами должно было быть строго централизованным, и, соответственно, уездное земство должно быть подотчетно губернскому<sup>520</sup>. Однако, согласно воспоминаниям А.А. Савельева, на земском совещании Д.Н. Шипов остался в абсолютном одиночестве, все собравшиеся высказали свое согласие с точкой зрения Д.И. Шаховского<sup>521</sup>.

Все же было бы неправильным сводить все многообразие мнений по этому вопросу лишь к этим двум позициям.

Например, свое видение этого вопроса имел П.С. Шереметев. Для него, как и для других «собеседников», представлялось важным формирование мелких земских единиц, а не церковно-приходских попечительств, подконтрольных министерству внутренних дел. Но это земство, по его мнению, должно было быть образовано в границах настоящего прихода. И вопрос этот – не формального значения, и он не носил характер частного возражения. Шереметев считает, что всякое сооружение должно строиться снизу, а не сверху. Ввести же всесословную волость, о чем говорили многие земцы, значит, уподобиться бюрократу, пытающемуся навязывать народу чуждые ему начала. «Только бытовое, созданное жизнью будет иметь прочный успех». А таким «бытовым» фактом в жизни русского народа в течение многих столетий был приход<sup>522</sup>. Ведь в основе реорганизации органов местного самоуправления должна лежать мысль, что земство – это не бюрократы, заседающие в управе, а «помещик, священник, торговый человек, крестьянин – вот земство ...И вот с этими, сидящими на местах людьми следует входить в сношения, помогать, возбуждать, поощрять»<sup>523</sup>. А коренная проблема современного земства – желание управлять, используя исключительно бюрократические приемы, не считаясь с непосредственными интересами «земли»<sup>524</sup>. По мнению П.С. Шереметева, земцы должны стать настоящими народными представителями. Поэтому оказывается необходимым привести существовавшее земство в соответствии с реалиями народной жизни.

В тесной связи с идеями П.С. Шереметева надо рассматривать и проект учреждения «хозяйственного попечительства», разработанного Н.А. Хомяковым и представленного В.К. Плеве в 1903 г. Хомяков четко обозначил, что он противник введения всесословной волости и что его идея не может вызвать одобрения у большинства земских деятелей. Хозяйственное попечительство – исключительно крестьянское объединение, действующее в пределах волости и ведающее местными нуждами сельского земледельческого населения. С этого учреждения должны быть сняты некоторые административные полномочия, ныне возложенные на крестьянское население (например, право выбора старшин). Их можно передать, например, зем-

ским собраниям. При этом, Хомяков предлагал в связи с появлением хозяйственного попечительства в корне изменить сам принцип формирования уездного земства: настоящее земство, согласно Хомякову, не являлось представительством громадного большинства населения. По его мнению, земское уездное собрание должно состоять из представителей юридических лиц, города и хозяйственного попечительства, а также крупных землевладельцев<sup>525</sup>. Причем, сам Н.А. Хомяков отмечал, что именно последний вопрос имел для него принципиальный характер: «Думаю, что мною предложенная форма представительства от хозяйственных попечительств в корне изменит отношение населения к земским учреждениям и исправит их деятельность»<sup>526</sup>. Иначе говоря, подобно П.С. Шереметеву, Н.А. Хомяков рассчитывал путем формирования «нижнего этажа» системы местного самоуправления привести земство в согласие с чаяниями большинства населения.

Таким образом, можно выделить, по меньшей мере, три модели реформирования местного самоуправления, существовавшие в земских кругах. Наиболее популярная из них сводилась к необходимости «достроить» фундамент к уже существующему зданию. концепция Д.Н. Шипова предполагала усиление исполнительного аппарата земской управы, что позволяло ее деятельности быть более эффективной и оперативной. И, наконец, третья модель – «перестройка» всего земского здания в соответствии с воздвигаемым фундаментом в виде мелкой земской единицы размером в приход или же хозяйственного попечительства. Важно то, что цель всех трех проектов была схожа. «Земле необходимо дать возможность объединиться в твердый союз», – писал П.С. Шереметев<sup>527</sup>. Т. е., земство, желавшее быть «рамкой» подобному союзу, должно быть не внешней силой по отношению к обществу, а организационным оформлением его воли. «Чем больше размеры основной основной ячейки самоуправления (при равных прочих условиях), тем в меньшей степени население приучается видеть в деле государственного властвования свое собственное дело, общее дело всех и каждого, тем менее благоприятных условий для гражданского воспитания народных масс, для борьбы с печальным наследием “доброе старое время”, тем мертвящим чувством бес-

помощности, которое развивается на почве привычки поручать себя попечительным заботам третьих лиц и искать на каждом шагу опоры вне себя», – писал в 1904 г. в «Саратовской земской неделе» один из «собеседников» граф П.М. Толстой<sup>528</sup>.

В связи с проблемой преобразования земства на заседаниях «Беседы» возникали и некоторые экономические вопросы. Так, два дня подряд, 31 августа и 1 сентября 1904 г., «собеседники» говорили о необходимости немедленного сложения выкупных платежей с крестьянства. То, что только этот экономический вопрос обсуждался «собеседниками», заставляет задуматься о действительной подоплеке пристального внимания членов объединения к проблеме выкупных платежей. Слова П.А. Гейдена, произнесенные им на заседании «Беседы» 1 ноября 1904 г., во многом проясняют ситуацию: «...Правительство сохраняет выкупные платежи, потому что оно этим оттесняет правовое положение крестьян как особое положение»<sup>529</sup>. Мысль Гейдена естественным образом вытекала из принципиальной для земцев идеи, о которой уже говорилось выше: мелкая земская единица должна быть составной частью общеземского здания. Из этого как раз следовало, что крестьяне, коим и предстоит принять активное участие в работе волостного земства, не должны быть группой, обособленной от всего остального населения. Об этом фактически и говорил Гейден, аргументируя необходимость снятия выкупных платежей. Иными словами, в данном случае «собеседники» решали вопрос о статусе крестьянина, а эта проблема носила скорее юридический, а не экономический характер, и без ее решения была немыслима предполагавшаяся «собеседниками» земская реформа. «Первая и основная причина разобщенности народа от культурных слоев населения и его отсталости – это выделение податного сословия в особую группу, а затем уже идет отсутствие самоуправляющейся мелкой бессословной единицы», – писал Петр Долгоруков П.Б. Струве 9 мая 1902 г.<sup>530</sup>

Вместе с тем, реформа местного самоуправления и крестьянская реформа воспринимались как взаимообусловленные, так что решение одной проблемы подразумевало решение и другой. «Чем больше вдумываюсь в государственную жизнь, тем более убеждаюсь, что в основе настоящей русской государственной

политики должна быть положена мелкая земледельческая собственность... в связи с земским бессловным самоуправлением», – писал В.И. Вернадский своему другу А.А. Корнилову еще в сентябре 1898 г. По его мнению, в этом должно заключаться решение проблем крестьянского благосостояния, а, соответственно, и общегосударственных проблем России<sup>531</sup>.

*Общероссийское представительство.* На заседании «Беседы» 23 августа 1903 г. П.Д. Долгоруков напомнил присутствовавшим о постановлении кружка ходатайствовать перед правительством об участии в комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности выборных, а не назначенных представителей от земских собраний. Следующая резолюция «Беседы» логически связана с предыдущей. Так, «собеседники», требовали, «чтобы законопроект о реформе местного управления был передан на обсуждение самих земских собраний и чтобы в центральных комиссиях при привлечении “местных людей” были представители от всех земств и по их выбору»<sup>532</sup>. Фактически члены кружка в завуалированной форме утверждали необходимость достраивать «здание земства» не только снизу, но и сверху. Ими был поставлен вопрос о законосовещательном народном представительстве. Позиция членов объединения по данному вопросу еще более отчетливо звучала в письме Павла Долгорукого к предводителю московского дворянства П.Н. Трубецкому от 3 ноября 1903 г.

В скором времени предстоял очередной съезд губернских предводителей, на котором по традиции и должен был председательствовать П.Н. Трубецкой. П.Д. Долгоруков в письме к нему настаивал на необходимости консолидировать силы земства и дворянства. Он рассчитывал, что предстоявший съезд предводителей присоединится к уже сформулированным требованиям земцев: «...Дворянству, по-моему, следовало бы теперь энергичнее выступить, если оно не хочет окончательно остаться за флагом, чтоб способствовать мирному разрешению все обостряющегося кризиса в отношениях между правительством и обществом»<sup>533</sup>. Среди перечисленных требований были следующие: участие представителей общества в разработке крестьянской реформы, недопущение усиления влияния

администрации в деле народного образования и, наконец, законосовещательное представительное собрание. Необходимо «положить начало мало-мальски правильному представительству, хотя бы и совещательного характера, необходимо, чтобы представители дворянства и земства призывались в Петербург в различные комиссии не по выбору министерства, а из всех губерний и, по возможности, по выбору дворянских и земских собраний, а не ex officio»<sup>534</sup>.

*Земство и школьное дело.* Тогда же, 25 августа 1903 г., было оглашено постановление «Беседы» ходатайствовать перед правительством о реформе средней школы<sup>535</sup>. Интерес к этому вопросу отнюдь не случаен. Проблемы образования во многом способствовали сближению будущих «собеседников»<sup>536</sup>. Школьный вопрос был поставлен уже на четвертом заседании кружка, 17 ноября 1900 г.<sup>537</sup> А 13 января 1901 г. в Петербурге на совещании общественных деятелей обсуждалась именно эта проблема. Среди участников совещания были Петр Д. Долгоруков, П.С. Шереметев, М.А. Стахович, Г.А. Фальборк, П.Н. Милюков, К.К. Арсеньев, А.А. Корнилов. Трое из семи присутствовавших – члены «Беседы». При этом, участники собрания – авторы первого сборника «Беседы», посвященного как раз проблемам образования. Обсуждали в тот день, какую позицию должны были занять предводители дворянства на предстоявшем в скором времени съезде деятелей по начальному образованию. Собравшиеся были озадачены одним вопросом: как сохранить общественный контроль за школой<sup>538</sup>. Помимо всего прочего, участники этого совещания постановили: «...Воспользоваться существующим оживлением интереса к положению школы вообще, чтобы издать после съезда монографию, в которой всесторонне осветилась бы вся важность участия общества в школьном деле»<sup>539</sup>. Подобная монография давно готовилась «собеседниками»<sup>540</sup>. В скором времени этот проект был реализован, и в первом сборнике «Беседы», как и намечалось ранее, говорилось об ответственности общества за школьное дело<sup>541</sup>. Иными словами, школьный вопрос – одна из болевых точек во взаимоотношениях между земством и администрацией: и одна, и другая сторона претендовала на кон-

троль над образованием.. Соответственно, постановка этого вопроса опосредованно обозначала выход на проблему распределения полномочий между местным самоуправлением и правительством и его агентами.

На заседаниях кружка множество раз принимались частные решения по частным проблемам, которые можно отнести к тактическим вопросам. Однако на заседании 25 августа 1903 г. Петр Долгоруков перечислил требования, имевшие программное значение для «Беседы». Их можно свести к трем пунктам: расширение прав земства, введение мелкой земской единицы и всероссийского земского представительства. Все это должно было способствовать завершению «земского строительства», начатого еще в 1864 г. В итоге именно общественное самоуправление должно было лечь в основание всего государственного устройства. Ведь «только земская организация способна прочно охранить порядок и что вне этой готовой организации трудно чего-нибудь достигнуть», писал П.А.Гейден псковскому губернатору Б.А.Васильчикову 12 июля 1902 г.<sup>542</sup>

Эти требования разделяли как конституционалисты, так и неославянофилы, т. к. данная программа в полной мере основывалась на идеологическом консенсусе, достигнутом в земской среде. Эта консолидированная позиция претендовала на право называться общественным мнением, оставлявшим правящий режим в абсолютном одиночестве. Положение действующей власти было тем более неустойчивым, что в качестве ее оппонентов выступали и наиболее умеренные представители земского движения, убежденные сторонники компромиссных решений во имя предотвращения общенациональной катастрофы. В предреволюционную эпоху их голос был отчетливо слышен. Они верили, что модернизация России возможна без кардинального демонтажа сложившихся социальных и политических институтов, при поступательном развитии страны с сохранением преемственности и традиций. Оставалось лишь убедить власть в спасительности этого пути.



## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

### ТАКТИКА

#### *§1. Общие тактические установки*

Своеобразие положения земства в политической системе России во многом предопределяло и тактику «собеседников». С одной стороны, в силу своего положения они обладали исключительными возможностями влиять на ситуацию в стране. С другой, для земцев, имевших определенный статус, выбор тактических средств был ограничен исключительно легальными способами борьбы. Это ясно осознавалось с самого первого заседания кружка. Более того, именно 17 ноября 1899 г. члены только что возникшего объединения, по сути дела, выработали формулу, вмещающую в себя всю «тактическую философию» нарождавшейся организации: «Цель («Беседы» – К.С.) – пробужденное общественное движение, общественное мнение, сейчас в России слабое и искусственно подавленное, чтобы оно стало более авторитетным для Петербурга». При этом, согласно решению основателей кружка, движение вперед должно осуществляться «на законных основаниях»<sup>543</sup>.

Легальность. «Приемы наши организационного порядка неизбежно одинаковы с революционной партией. Вся разница – в тактике, которая с нашей стороны носит характер корректного образа действий», – говорил А.А. Стахович на заседании кружка 25 августа 1903 г. С ним полностью соглашался М.Д. Ершов: «...Наш образ действий – легальная оппозиция в земских и городских органах самоуправления...»<sup>544</sup> Им возражал лишь П.М. Толстой: в настоящее время бороться с существующим режимом и в то же время соблюдать его предписания, законы невозможно – ведь в юридическую форму облакаются прямые проявления чиновничьего произвола<sup>545</sup>. Однако, слова Толстого повисли в воздухе: «собеседники» их даже не стали комментировать.

Явное недоразумение, указанное П.М. Толстым, было очевидным и для самых законопослушных участников «Беседы». Так, летом 1903 г. старые приятели Д.Н. Шипов и М.В. Челноков обменялись письмами, посвященными как раз этому во-

просу. Челноков соглашался со своим корреспондентом, что надо спокойно и корректно отвечать на действия правительства, не устраивавшие земство. «Но я все-таки считаю необходимым, – продолжал он, – чтобы представители бюрократии знали, какое отношение встречает в обществе их деятельность, чтобы они не заблуждались, принимая наше спокойствие и корректность за согласие с ними, за беспрекословное повиновение. Совершенно корректными мы быть не можем, с их точки зрения. Мы будем собираться, совещаться, отыскивать пути и способы к объединению земства, к выяснению и распространению в широких кругах правильных взглядов на права и обязанности земств, и, я не сомневаюсь, будет еще много случаев, когда удастся земству дружным усилием отстоять интересы населения от бессмысленных умствований питерских чиновников»<sup>546</sup>.

Далекий от политического радикализма Д.Н. Шипов, по сути дела, вторил М.В. Челнокову: «Говоря о корректности наших действий, я, конечно, не имею в виду “их” (бюрократов – К.С.) точку зрения на корректность, а говорю о корректности по существу». По мнению Шипова, надо твердо отстаивать свою позицию, не боясь показаться ненадежными и неблагонамеренными элементами. «Я только против задора и раздражения и против предъявления общих требований, недостаточно и неясно сознаваемых самим обществом»<sup>547</sup>.

«Корректность», применительно к тактике земцев, – термин даже более удачный, чем «легальность», так как характер общественной деятельности той или иной группы можно классифицировать не по отношению к законодательству, а в соответствии с административным усмотрением. Вообще трудно говорить о «законности» в стране, где нет четкого определения термина «закон». И, например, с формальной точки зрения, вполне законное частное совещание на квартире Д.Н. Шипова, впоследствии именуемое земским съездом 1902 г., было воспринято в Петербурге как некорректное. В.К. Плеве разослал многим из присутствовавших на том собрании письмо, в котором выражал свое недовольство проведением съезда, расценивая участие в нем как свидетельство нелояльности по отношению к власти. Очевидно, граница, отделявшая «легальную» общественную работу от нелегальной, устанавливалась не законом. И одно и то же деяние могло

расцениваться как чуть ли не противогосударственный поступок (например, выше упомянутый земский съезд 1902 г.), а могло быть фактически санкционировано властями (ноябрьский съезд 1904 года). Соответственно, формального критерия, позволяющего оценивать “легальность” той или иной деятельности, не было.

В этом смысле вполне оправданными кажутся понятия, которыми оперируют Д.Н. Шипов и М.В. Челноков: «корректность с “их” точки зрения», «корректность по существу». И даже столь умеренные общественные деятели, как Д.Н. Шипов, не стремились соответствовать правительственным представлениям о корректном образе действий. Но у них было собственное понимание, и в согласии с ним они готовы вести диалог с действующей властью. Для Д.Н. Шипова корректность – это, прежде всего, «деловая точка зрения» в отношениях с правительством<sup>548</sup>. Для братьев Стаховичей – нечто, противоположное тактике революционных партий<sup>549</sup>. Примерно также интерпретирует это понятие М.В. Челноков, утверждая за земцами определенные формы противостояния правительственной политике.

Так что легальность, которой придерживались «собеседники», едва ли укладывалась в прокрустово ложе, уготованное властью общественной деятельности. Планируемая членами кружка тактика борьбы с действующим режимом все-таки предполагала выход за рамки существующей политической системы.

*Общественное мнение.* казалось бы, «собеседники» рассчитывали на уже сложившиеся к этому времени институты, являвшиеся частью политической системы. «Способ достижения этой цели (пробуждения общественного мнения – К.С.) должен заключаться в том, чтобы действовать через земские и дворянские собрания, а также путем печатного и живого слова», – говорили члены кружка на самом первом своем заседании<sup>550</sup>. Этой тактической установке «Беседа» не изменила до самых последних дней существования: все решения, принимаемые объединением относительно тактических вопросов, по существу, сводились к определению позиции, которую бы следовало занять членам кружка на земских собраниях<sup>551</sup>. Очевидно, «Беседа», состоявшая, по преимуществу, из земцев, рассчитывала на их исключительное положение в политической системе

России. Даже призывавший «собеседников» к более радикальным действиям, предлагавший им пополнить свой арсенал тактических приемов борьбы с существующим режимом П.М. Толстой признавал, что деятельность членов кружка именно в земских собраниях могла воздействовать на правительство<sup>552</sup>.

Однако, то, что «собеседники» считали необходимым использовать возможности, предоставленные им существовавшим режимом, вовсе не говорит об их желании остаться в рамках настоящей политической системы и играть роль «опозиции Его Величества». С помощью земств, а также периодических изданий, разнообразных общественных организаций «Беседа» рассчитывала способствовать формированию, по сути дела, политического института, общественного мнения, возникновение которого принципиально бы меняло расстановку сил в России. «Никакие адреса и петиции, никакие увещания и всеподданнейшие записки не повлияют на монарха, если за ними не будет стоять реальной и принудительной силы организованного общественного мнения. Стремясь к перевороту, мы полагаем всю силу в этом: в широком и обдуманном воздействии на общественное мнение в целях приготовления его к мысли о необходимой ликвидации существующего строя», – докладывал Д.И. Шаховской на учредительном съезде «Союза Освобождения» в январе 1904 г.<sup>553</sup>

«Величайшее зло России – это одиночное заключение: мы все живем в одиночном заключении, – утверждал Н.Н. Львов на заседании «Беседы» 10 ноября 1903 г., – мы не знаем друг друга, не понимаем друг друга; мы не привыкли к людям». Выходом из столь ужасающего положения должно было стать как раз формирование общественного мнения. Интересно также и то, как Н.Н. Львов объяснял механизм воздействия общественного мнения на политическую ситуацию в стране. Он считал, что последующая за возникновением общественного мнения консолидация общества автоматически приведет к смене режима. Лишь один вопрос задавал себе Н.Н. Львов: сможет ли земство, – единственная на тот момент сила, – способная сформировать общественное мнение, повести за собой народ. Если же нет, то Львов был уверен: для России будет упущен шанс пойти по мирному, эволюционному пути развития<sup>554</sup>.

Очень схожую трактовку значения общественного мнения в политической жизни страны выдвинул один из наиболее радикальных «собеседников» – П.М. Толстой. Он предлагал ставить вопрос не только о «воспитании общественного сознания», но и о гражданском воспитании: общество должно и сознавать свои интересы, и уметь солидарно за них бороться. «...Нужно приучать его (общество – К.С.) еще к тому, чтобы ни один акт самодержавия не сходил с рук правительства даром, чтобы он вызывал за собой целую бурю»<sup>555</sup>. Подходы Н.Н. Львова и П.М. Толстого заметно отличались: если для Львова сам факт существования общественного мнения заставлял властей считаться с собой, то для П.М. Толстого сила общественного мнения заключалась в возможности его преобразования в общественное действие. Однако, и тот и другой при этом исходили из того, что за общественным мнением скрывается мощь солидарного общества, с которым правительство не может не считаться.

На теоретическом уровне проблема формирования общественного мнения на заседаниях кружка не обсуждалась. Но все же отдельные высказывания «собеседников» позволяют судить об определенных подходах к этому вопросу, разделяемых членами объединения. Во-первых, «собеседники» ясно осознавали, что желанная роль выразителей общественного мнения предполагает не столько трансляцию воли народа, сколько навязывание обществу собственной позиции. Так, на заседании «Беседы» 31 августа 1904 г. Н.Н. Львов, рассуждая о необходимости для объединения стать голосом всех русских людей, переносящих огромные тяготы войны, при этом заметил: «Но явемся ли мы в таком случае выразителями мыслей и чувств общественной среды – возникает сомнение. Мы должны явиться, а для этого мы сами должны всячески двигать в общественное сознание такие чувства»<sup>556</sup>. «По-видимому, не вызывает возражений вопрос, своевременно ли влиять на общественное мнение в таком смысле, чтобы оно стало высказываться о войне и взаимоотношении между войной и политическим устройством страны», – подытожил ход того заседания председательствующий С.А. Толстой. Собравшиеся приняли это положение без возражений<sup>557</sup>. Такое решение не кажется чем-то экстраординарным: «собеседники» периодически ставили вопрос

о важности воздействия на общественное сознание<sup>558</sup>. «Наша задача в настоящее время преимущественно подготовительная и воспитательная», – говорил Петр Долгоруков на заседании кружка 26 мая 1903 г.<sup>559</sup> «Общественный деятель должен идти впереди среднего обывателя, увлекать его, а не приспособлять к его точке зрения свою мысль. Он должен угадывать, чем объединить возможно больше людей», – на заседании 31 августа 1904 г. утверждал Н.Н. Львов<sup>560</sup>.

Во-вторых, при обсуждении того или иного вопроса «беседы» выходили на тему технологии формирования общественного мнения. Здесь можно выделить основную позицию, с которой соглашалось большинство членов «Беседы»: точка зрения, претендующая на общественное признание, должна быть выражена открыто, гласно, а, соответственно, посредством легально существующих институтов (в первую очередь, земства). «Голос страны – это земства, города и сословные общества (купеческие, дворянские, мещанские)», – утверждал предводитель дворянства Балашовского уезда М.Н. Орлов на заседании кружка 31 августа 1904 г. Это был его ответ на вопрос Петра Долгорукова, попросившего коллег уточнить, что они подразумевают под «голосом страны», когда предлагают возбудить на земских собраниях ходатайства с просьбой к правительству прислушаться к этому голосу<sup>561</sup>. Такова была общераспространенная позиция земских деятелей: общественное мнение творится на земских собраниях или, по крайней мере, при участии земцев. «По моему убеждению, общественное дело может быть на годы прочно, если земские люди будут, прежде всего, между собой солидарны, будут стремиться к развитию общественного самосознания и к выработке определенного общественного мнения ...Земцы в своей невольной борьбе с правительством должны быть спокойны, сознавать с достоинством правоту своего дела и с верой в неизбежное торжество общественных идей говорить твердо и громко», – писал Д.Н. Шипов М.В. Челнокову 9 июля 1903 г.<sup>562</sup> Согласно этому высказыванию, именно земцы выступали перед правительством от имени общества и именно на них возложена миссия отстаивать его интересы. По сути дела, о том же говорил и А.А. Стахович, рассуждая о создаваемых С.Ю. Витте коми-

татах по нуждам сельскохозяйственной промышленности, где как раз земцам суждено было играть весьма значимую роль. В 1902 г. А.А. Стахович писал П.Б. Струве, что Витте «намерен дать губернским и уездным комитетам совершенно откровенно высказаться, и из этого может выйти очень знаменательный плебисцит: укрепится, составится, наконец, общественное мнение, до сих пор буквально отсутствующее у нас»<sup>563</sup>.

Перед «собеседниками» вставал вопрос: какие слои населения должны разделять общественное мнение. Иными словами, на кого в первую очередь должна воздействовать «Беседа», формируя общественное мнение в стране. Членов кружка более всего интересовала позиция, естественно, земцев, без поддержки которых «собеседники» на многое рассчитывать не могли. А, по общему мнению, в земской среде господствовало безразличие, индифферентное отношение к делу. «За последнее время мне пришлось встречаться со многими председателями губернских управ, – писал Д.Н. Шипов Ф.Д. Самарину 8 апреля 1900 г. – Общий отзыв совершенно одинаков. Повсюду полный индифферентизм к общественному делу; везде проявляется высокомерное, пренебрежительное отношение к земскому делу...»<sup>564</sup>. Схожим образом описывал земство и П.С. Шереметев в письме к М.М. Стасюлевичу от 4 октября 1901 г.: «к внешним препятствиям (“антиземской” политики правительства – К.С.) присоединяются внутренние болезни: общее равнодушие, лень при оживлении лишь при случае столкновения личностей, разгара личных страстей»<sup>565</sup>. Так что земцы, в целом, составляли весьма инертную социальную группу, а, следовательно, не столь политически активную, чтобы «собеседники» могли бы рассчитывать на ее однозначную поддержку. «...Насколько могу судить, – писал в 1902 г. Д.И. Шаховской П.Б. Струве, – элементы для настоящей политической борьбы в земстве еще далеко не назрели, если говорить о земстве в целом»<sup>566</sup>.

При этом «собеседники» ясно осознавали, что земство – вовсе не монолитная сила. Так, по мнению Д.И. Шаховского, прогрессивных земцев «нельзя смешивать с земством, как и вообще нельзя представлять себе земство как нечто однородное»<sup>567</sup>. Действительно, согласно многим свидетельствам, в земствах различных губерний в конце 1890-х – в начале 1900-х гг. шел

процесс идеологического размежевания. В земских собраниях формировались две фракции: одну из них можно условно назвать прогрессивной, другую – консервативной. Именно таково было положение в тамбовской губернии, по воспоминаниям назначенного в 1902 г. вице-губернатором князя С.Д. Урусова<sup>568</sup>. По сведениям Т.И. Полнера, близкого друга и сотрудника председателя губернской земской управы князя Г.Е. Львова, подобная ситуация имела место и в Туле<sup>569</sup>. Примерно то же о саратовском земстве писал А.А. Корнилов<sup>570</sup>, а об орловском – В.А. Оболенский<sup>571</sup>. Правда, «партии» существовали не везде, и, например, в калуге их не было – утверждал С.Д. Урусов<sup>572</sup>. Согласно воспоминаниям В.А. Оболенского, не было их и в псковском земстве в силу огромного и непререкаемого авторитета П.А. Гейдена, всецело определявшего позицию земского собрания<sup>573</sup>. Да и там, где они были, «партийность» была крайне условным понятием. Так, либеральную «партию» орловского земства составляли земцы различных убеждений, «стоявшие за просвещение народа, за развитие земской медицины, агрономии...» В нее входил и бывший социал-демократ В.А. Оболенский, и убежденный консерватор А.А. Нарышкин<sup>574</sup>. Тем не менее формирование даже таких фракций в земских собраниях, говорило о процессе дифференциации политических взглядов земцев.

Все это надо было учитывать «собеседникам»: они имели дело, в целом, с инертной и весьма разнородной социальной группой. «Беседа» же стояла перед необходимостью сформулировать те идеи, которые могли бы объединить земцев и тем самым способствовать образованию общественного мнения. Так что компромисс, на который шли «собеседники»-конституционалисты, смягчая свои требования и во многом соглашаясь с неославянофилами, был предопределен не только желанием иметь общую платформу земской оппозиции, но и тактическими соображениями. Теоретическое обоснование этому дал П.М. Толстой. На заседании кружка 25 августа 1903 г. Толстой выразил сомнение в необходимости выдвигать радикальные идеи в качестве лозунгов общественного движения: «Этот последний путь в данном отношении имеет ту обратную сторону, что он неизбежно сводит на нет выражение

общественной солидарности с пострадавшим за свои убеждения во всех случаях, когда дело не обходится без жертв». По его мнению, не вызывающие общего сочувствия крайние взгляды не способствовали бы консолидации общества. Тот же, кто их выражает, «не встретит поддержки, во всяком случае встретит меньше поддержки, чем тот, кто не выскажется во всей крайности; не выскажет своих мечтаний до конца». При этом вовсе не стоит отказываться от своих убеждений – уточнял П.М. Толстой. «Все дело в известном их смягчении в виду безусловной неподготовленности среды к их отстаиванию во всей их крайности и в виду желательности открытого проявления сочувствия им...»<sup>575</sup> Иными словами, чем более умеренные взгляды высказываются, тем более они встречают сочувствия и тем более общество готово выступить в их поддержку.

*Третий элемент.* Так в 1899 г. самарский губернатор Г.В. Кондоиди, открывая губернское земское собрание, назвал наемных земских служащих (учителей, врачей, агрономов, статистиков, страховых агентов и т. д.)<sup>576</sup>. Крылатое слово, пущенное губернатором, вскоре стало термином, обозначающим социальную группу, столь не любимую властями и вызывающую опасения у многих земских деятелей. Третий элемент чрезвычайно вреден – утверждали губернские предводители дворянства, приглашенные В.К. Плеве на совещание в марте 1903 г.<sup>577</sup> Члены земских управ, присутствовавшие тогда на приеме у Плеве, за одним единственным исключением не поддержали губернских предводителей<sup>578</sup>. Но, вероятно, именно ответ представителей дворянства соответствовал взглядам самого министра внутренних дел, любившего интересоваться отношением общественных деятелей к третьему элементу. Подтекст при этом был очевиден. «Вы знакомы с учительским съездом, – спрашивал В.К. Плеве М.В. Челнокова в январе 1903 г., – ведь это просто какое-то подготовительное собрание для приготовления коммунаров»<sup>579</sup>. Через несколько минут и Плеве вновь затронул эту тему: «Но что же Вы скажете о революционном настроении учителей и подобных элементов, не опасно ли им дать участие в этих экономических попечительствах...»<sup>580</sup>. (Имеются в виду органы волостного местного самоуправления, на воз-

можность учреждения которых указал М.В. Челноков – К.С.). В апреле 1903 г. В.К. Плевев принимал предводителей и депутатов дворянства и вновь интересовался их отношением к третьему элементу: «Третий же элемент, который “не имеет ни кола, ни двора”, едва ли возможно привлечь к работе в мелкой земской единице». Предводитель дворянства богородского уезда московской губернии А.Д. Самарин отвечал довольно уклончиво, а член «Беседы» предводитель рязанского губернского дворянства Н.С. Волконский «пробасил, что третий элемент даже в губернском земстве оказывает нежелательное давление на земцев, а в мелкой единице он совсем поглотит земцев и будет властвовать часто в нежелательном для дела направлении»<sup>581</sup>.

По этому вопросу Волконский в «Беседе» все же был в меньшинстве. Однако, в данном случае трудно говорить о существовании какого-либо большинства: на сей счет в «Беседе» существовало множество мнений разных оттенков. Например, близкий друг М.В. Челнокова Д.Н. Шипов горячо отстаивал интересы третьего элемента, чрезвычайно высоко ставя его деловые и нравственные качества. «Я верю в этих людей, – писал он Самарину, – и глубоко убежден, что земское дело может усиленно развиваться только при условии обеспечения интеллигентам, посвящающих ему свой труд, необходимой доли самостоятельности, независимости и права инициативы (в земском деле – К.С.)»<sup>582</sup>. В мае 1903 г. Д.Н. Шипов спорил с другим «собеседником», Н.А. Хомяковым, об отношении к интеллигенции: «Хороший он (Н.А. Хомяков – К.С.) малый, но все еще не перебродила в нем барская закваска, и не может он холодно и правильно отнестись к бессословной интеллигенции, и в своем проекте о хозяйственном попечительстве... он проектирует попечительство исключительно крестьянское, чтобы оградить крестьянство от влияния интеллигенции»<sup>583</sup>. В этом же духе рассуждал Петр Долгоруков. «Центр тяжести – объединение кадров земской деятельности в самых широких рамках за приглашением служебного персонала», – говорил он на заседании «Беседы» 26 мая 1903 г.<sup>584</sup>

Однако, эту позицию разделяли не все «собеседники»: у многих членов кружка было весьма не однозначное отношение к третьему элементу. П.С. Шереметев, рассказывая В.К. Плевеву

о своем мнении о земских служащих, в целом, высоко оценил деловые качества интеллигенции, и тем не менее настаивал на необходимости ее контролировать и сдерживать, дабы «третий элемент» не приобрел решающее значение в земстве<sup>585</sup>. В письме же от 28 июля 1902 г. к одному из видных «собеседников», Д.А. Олсуфьеву, П.С. Шереметев, характеризуя одного из знакомых ему санитарных врачей, писал об «узости» взглядов, «нервной страстности» и «нездоровой озлобленности» всей интеллигенции. «Что делать? – задается вопросом Шереметев. – Их не перевоспитать. Нужно создавать новое течение, брать новые молодые силы, и я убежден, что будущие люди шире возьмут вещи и способны будут понять истинное земство, а не лже-земство, которое теперь, к несчастью, слишком демонстрирует (так в тексте – *К.С.*)»<sup>586</sup>.

Настороженное отношение к третьему элементу высказывали и конституционалисты. Так, Г.Е. Львов, выступая на заседании «Беседы» 11 января 1903 г., заявил, что «считает невозможным идти рука об руку с третьим элементом и оставаться вместе с тем в пределах легальности». Так что лидер прогрессивной партии тульского земства, человек, почитаемый земскими служащими своей губернии, считал неприемлемым сотрудничество с третьим элементом в деле борьбы с существующим режимом. Львов в данном случае оппонировал П.А. Гейдену, утверждавшему, что «если мы не пойдем ему (третьему элементу – *К.С.*) навстречу, он нас покорит»<sup>587</sup>. При этом у самого П.А. Гейдена отношение к земской интеллигенции было довольно осторожным. На земском съезде апреля 1903 г. он даже был вынужден возражать Д.Н. Шипову, порицавшему правительство за недоверие интеллигенции и утверждавшему, что будущее принадлежит как раз третьему элементу. П.А. Гейден, соглашаясь с председателем московской земской управы, «что в будущем руководящая роль в обществе должна принадлежать всесословной интеллигенции, находил, однако, скачком вперед теперь же пытаться государственной власти искать опору в третьем элементе, минуя наиболее консервативный элемент в обществе – класс земельных собственников»<sup>588</sup>. Мысль о том, что в основе всей системы управления России и, в том числе, местного самоуправления должен стоять земельный собствен-

ник, – одна из самых любимых мыслей Гейдена: ее он отстаивал и в письмах к другу А.Ф. Кони<sup>589</sup>, и в послании министру внутренних дел В.К. Плеве<sup>590</sup>. Не раз говорил он об этом и на том земском съезде в апреле 1903 г.: «Надо выяснить, что когда государственный порядок будет нарушен, то пострадают не министры, а мы, земцы, люди местные, имеющие на местах недвижимость. Пора земцам стать на эту точку зрения, пора заявить, что мы говорим не в виде протеста, а чтоб убедить правительство перейти от его революционной деятельности к действительно охранительной, указать на то, что местные землевладельцы более заинтересованы в сохранении порядка, чем жандармские офицеры, ищущие карьеры»<sup>591</sup>. А 27 января 1904 г. П.А. Гейден в ужасе писал жене о недавно состоявшихся профессиональных съездах: «Здесь на съезде, говоря, было до 1000 врачей и почти столько же преподавателей. Ведь они развезут дух съезда по всей России. По всему видно, что крайнее направление преобладает. А тут ведут борьбу с единственными возможными союзниками – умеренными элементами (т.е. земством – К.С.)»<sup>592</sup>.

Так что решение проблемы взаимоотношений земств и третьего элемента зачастую определялось своеобразной «политической философией» каждого из «собеседников». Понимание этого вопроса вытекало и из убеждений участника «Беседы», и из его жизненного опыта, и из истории эволюции его представлений о политическом идеале. Отношение к земским служащим не всегда соотносилось с общеполитическими установками участников объединения: член «Союза Освобождения» князь Г.Е. Львов скептически оценивал перспективы такого сотрудничества в то время, как неославянофил Д.Н. Шипов, наоборот, настаивал на тесном взаимодействии земцев и третьего элемента. Слишком много существовало противоречий в позиции даже отдельных «собеседников». Вероятно, поэтому вопрос о третьем элементе на заседаниях кружка возникал лишь вскользь: в условиях большого разнообразия мнений по этому вопросу прийти к какому-либо консенсусу становилось чрезвычайно трудным.

*Народ.* Судя по сохранившимся протоколам «Беседы» и записям Д.И. Шаховского, о народе как о политическом факторе, способном повлиять на дальнейшее развитие России, «собе-

седники» вспомнили довольно поздно. «Без сомнения, центр тяжести – в народных массах», – заявил Н.Н. Львов на заседании кружка 10 ноября 1903 г. Это был его ответ на реплику П.С. Шереметева: «И масса, и земство бессознательны...» По мнению же Н.Н.Львова, народ может стать сознательной серьезной силой, если дворянство, земство поведут его за собой. С другой стороны, в такой демократической по своему укладу стране, как Россия, дворянство без поддержки народа ничтожно и не способно на многое<sup>593</sup>.

В следующий раз тема народа возникла лишь 31 августа 1904 г. в связи с русско-японской войной. «Вся интеллигенция сознает необходимость перемены государственного строя. Народ, конечно, еще смутно это сознает, но и он уже начинает сознавать – раздаются вопросы: нельзя ли выбирать царя и т.п. Надо, конечно, народу разъяснить негодность режима», – делился мыслями Петр Долгоруков. О народном восприятии войны рассуждал и Д.И. Шаховской: по его мнению, народ уже задавался вопросом о виновниках бессмысленного кровопролития, о его причинах и, соответственно, выходил на проблемы общеполитического значения<sup>594</sup>. С этой позицией не соглашался П.А. Гейден: вопрос о законодательном представительстве, на который намекали и П.Д. Долгоруков и Д.И. Шаховской, в действительности очень далек от народа, да и земство было оторвано от населения и не может представлять его точку зрения<sup>595</sup>.

Для «собеседников», присутствовавших на том заседании, мнение Гейдена, по всей видимости, было ближе. По крайней мере, в ходе всего обсуждения, как обычно, дискутировалась позиция, которую следовало бы занять «собеседникам» на предстоящих земских собраниях. «Вопрос о народе» в практической плоскости не стоял, и поднявшие его Шаховской и Долгоруков не спешили этот вопрос хоть как-то конкретизировать. В данном случае слова о народе – скорее фигура речи, нежели попытка обозначить новую проблему, стоящую перед «собеседниками». Народные массы – лишь важный, позволяющий многое понять элемент картины современного положения России. «Но теперь как раз на лицо наглядный пример падения самодержавия, его несостоятельность блестяще оказалась (так в тексте – *К.С.*) как во внешней политике, так и в орга-

низации войск», – рассуждал Петр Долгоруков<sup>596</sup>. В этом контексте и упоминалось народное восприятие текущих событий, которое должно было служить подтверждением тезиса об очевидности кризиса существующего политического режима.

Более или менее конкретно проблема участия народа в общественно-политическом движении была поставлена полгода спустя, на заседаниях 20 и 21 февраля<sup>597</sup>. И, по существу, этой дискуссией и была поставлена точка в истории «Беседы»: последующие два совещания кружка собрали считанных «собеседников»<sup>598</sup>. Так что практически за пять лет существования кружка тема народа на заседаниях не возникала.

Таким образом, у «собеседников» имелась сравнительно разработанная линия поведения исключительно по отношению к земцам. И это характерная черта тактики «Беседы»: если еще иметь в виду, что члены кружка придавали большое значение печатному слову и пытались влиять на редакционную политику периодических изданий, поддерживающих позицию земств, то окажется, что в центре внимания «собеседников» были те институты, где формулировалось общественное мнение – земские собрания и периодика. Популяризация сформулированных там позиций, способы воздействия общественного мнения на народные массы мало интересовали участников объединения. И в то же время они никогда не забывали о том влиянии, которое общественное мнение могло оказать на власть. Иными словами, «собеседники», сознавая того или нет, подходили к проблеме политической борьбы с точки зрения технологии влияния на правительство: они рассчитывали на «симуляцию» общественного мнения, которая должна была вынудить власть пойти на уступки.

При этом, придающие огромное значение общественному мнению члены «Беседы» были убеждены в своей исторической правоте и неизбежном поражении действующей власти. Так что *исторический оптимизм* – характерная черта тактических установок «собеседников». «Это весьма знаменательный факт, что с чего не начинаем говорить, неизменно силою вещей кончаем», – задумался председатель орловской уездной земской управы Ф.В. Татаринев. Это была реплика в ответ на замечание Д.И. Шаховского, что даже правящие круги осознают

свое бессилие, так что «обществу» остается взять власть и вывести страну из трагического положения<sup>599</sup>. Такова была оценка современного положения России, данная 26 мая 1903 г. Почти о том же писал Д.Н. Шипов М.В. Челнокову 26 июня 1903 г.: «Если бы значительной доле земских людей было ясно, в чем должен заключаться выход из настоящего положения и если бы в общественном сознании была ясна определенная программа, то тогда и правительство пошло бы скорее на уступки и компромисс, а теперь и они не знают куда идти и находятся в положении богатыря на распутье»<sup>600</sup>. Иными словами, по мнению Шипова, власть обязательно уступит, как только перед ним возникнет консолидированное общество. Год спустя «собеседники» оценивали ситуацию практически также: «Мы думаем, что государственный строй России сам в себе носит признаки разложения, и поэтому бояться, что нам не удастся его сокрушить после войны (русско-японской – К.С.), не приходится». Так, на заседании «Беседы» 31 августа 1904 г. В.М. Петрово-Соловово возражал тем, кто считал необходимым воспользоваться тяжелым положением, в котором оказалось самодержавие<sup>601</sup>.

Уверенные, что рано или поздно их час настанет, «собеседники» почти не сомневались, что если в скором времени правительство добровольно не пойдет им на уступки, то крайние обстоятельства все же заставят действующую власть капитулировать. На заседании 8 января 1902 г. В.М. Петрово-Соловово рассуждал о возможных вариантах развития ситуации, на которые «Беседа» могла рассчитывать. По его мнению, в 1901 г. во время студенческих беспорядков положение вещей было бы принципиально иным, если бы «Беседа» стала выразителем общественных настроений. «Весьма, вероятно, что скоро обществу не придется молчать, – продолжал Петрово-Соловово. – Администрация решила принять самые суровые меры для подавления готовящихся беспорядков, может быть, скоро прольется кровь. При таких немыслимых условиях едва ли общество будет вправе сохранять молчание. Тогда-то наша “Беседа” может явиться выразительницей мнения общества». Он предусматривал и другой вариант: возможно, ситуация в стране столь накалится, что в дворянских и земских собраниях будут обсуждаться общеполитические вопросы – тогда

роль «Беседы» как координационного центра может чрезвычайно вырасти<sup>602</sup>. Так или иначе, но кружку следует выждать свой момент, когда волею судеб он окажется в центре политической жизни. В этом отношении примечательна точка зрения П.А. Гейдена, высказанная им во время вечернего заседания 11 января 1904 г.: по его мнению, «Беседе» надо решить, как воспользоваться ситуацией, когда самодержавие прекратит свое существование<sup>603</sup>. Иначе говоря, важно не столько создать ситуацию, сколько суметь ее контролировать.

Пока ситуация не столь благоприятна для земской оппозиции, ее тактика – оказание планомерного давления на правительство, добиваясь от него одной уступки за другой. Эта тактика, по сути дела, подразумевала *эволюционное* движение России, основанное на взаимодействии власти и общества. «Только отвоевывая постепенно солидарными усилиями шаг за шагом наше на почве практических вопросов, земские учреждения создадут себе прочное положение в борьбе с бюрократизмом, заставят бюрократию капитулировать и затем, Бог даст, таким путем, мирным, установятся, наконец, нормальные отношения между государственной властью и обществом», – писал Д.Н. Шипов в мае 1903 г.<sup>604</sup> Об этом же на заседании «Беседы» 31 августа 1904 г. говорил П.А. Гейден. Ему казались неприемлемыми громкие лозунги радикальных «собеседников» о конституции: по его мнению, в России еще не возникла почва для радикальных преобразований. «Я себе представляю политический ход событий в постепенном расширении местного самоуправления», – утверждал Гейден<sup>605</sup>. М.А. Стахович в письме Петру Долгорукову от 17 июня 1903 г. говорил о необходимости для земцев следовать определенному плану, не хаотично переходить от одного требования к другому, а планомерно настаивать на определенных позициях, пока они не будут приняты властями: «Не лучше ли бить все в том месте, куда не пробьешь»<sup>606</sup>.

Однако, не только сторонники умеренного крыла «Беседы» такие, как М.А. Стахович, Д.Н. Шипов, П.А. Гейден, придерживались этой тактической линии. И сторонники радикального направления либерализма исходили из тех же установок. На заседании «Беседы» 22 августа 1902 г. Д.И. Шаховской выска-

зал мысль, которую впоследствии лишь повторит П.А. Гейден: «...Развитие земского и городского самоуправления может предотвратить кровавое крушение государственного строя»<sup>607</sup>. О «поэтапности» наступления на правительство ранее говорили и П.Д. Долгооруков<sup>608</sup>, и М.В. Челноков<sup>609</sup>. Фактически на том же, что и Д.Н. Шипов, настаивал С.Л. Толстой на заседании кружка 21 февраля 1905 г.: «Я думаю, что как указ 12 декабря<sup>610</sup>, так и настоящий рескрипт<sup>611</sup> – уступки правительства обществу. Аванпосты уже взяты. Надо водрузить на них свой флаг, укрепить их и потом идти дальше»<sup>612</sup>. Две недели назад, 6 февраля 1905 г., С.Л. Толстой в письме к отцу, Л.Н. Толстому, представил развернутое рассуждение на сей счет: «когда правительство не соответствует требованиям народа и его нравственному уровню, – а русское правительство, видимо, таково, – то оно приходит в упадок, разлагается; в нем нет сильных людей, нет единения между правителями, и, главное, у него нет уверенности в себе и оправдания своим поступкам. Приходит время, когда правительству выгоднее идти на уступки, чем не уступать, а одни уступки влекут за собой новые уступки». И, таким образом, правящий режим может обратиться в свою полную противоположность<sup>613</sup>.

Итак, говоря о тактических установках кружка «Беседа», можно выделить несколько позиций, разделяемых большинством «собеседников» и во многом предопределивших конкретные решения, принятые объединением по тому или другому тактическому вопросу.

1. «Собеседники», в большинстве своем, видные общественные деятели, не могли уйти в подполье и придерживались легальной тактики. Однако, из этого не следует, что они оставались лояльными к правящему режиму: для власти существование и такой оппозиции представлялось неприемлемым.
2. Члены «Беседы», сторонники «корректного образа действий», были весьма ограничены в выборе средств борьбы с действующей властью. Обладая значительным влиянием в органах местного самоуправления, они, в первую очередь, вспомнили об оружии, которым действитель-

но располагали земские собрания: это были институты, где формулировалось общественное мнение страны, способное оказать давление на правительство. Причем, в «Беседе» больше интересовались механизмами формулирования общественного мнения, нежели его популяризацией в народных массах.

3. Убежденные в чрезвычайном могуществе общественного мнения члены кружка, в целом, с оптимизмом смотрели в будущее. Они были уверены, что власть рано или поздно должна была пойти им на уступки, и «собеседникам» оставалось лишь ждать своего часа. Если же правительство будет долго стоять на своем, оно неизбежно приведет страну в столь критическое положение, когда уже мало что будет зависеть от власти имущих. Этой ситуацией многие «собеседники» рассчитывали воспользоваться. Так что вера в судьбу, своеобразный фатализм был одной из важных характеристик тактической линии «Беседы».
4. Но пока ситуация не вышла из-под контроля правительства, «собеседники» надеялись постепенно, планомерно добиваться одной уступки за другой, расширяя тем самым сферу компетенции органов местного самоуправления и медленно, но верно двигаясь в сторону желаемого государственного устройства. Это был вариант эволюционного преобразования системы управления, который мог бы реализоваться в случае конструктивного взаимодействия власти и представителей общества в лице земской оппозиции.

## *§2. Направления практической деятельности организации*

*Работа в земских собраниях.* Ходатайства правительству и адреса императору, утверждаемые на земских собраниях, по сути дела, были основным инструментом воздействия на представителей власти, находившимся в распоряжении «собеседников». Вопрос о необходимости влиять на решения органов местного самоуправления был поставлен уже на первом заседании кружка<sup>614</sup>. Впоследствии неоднократно различные конкретные проблемы обсуждались как раз с точки зрения их

прохождения на земских собраниях<sup>615</sup>. Однако же, подробных протоколов совещаний «Беседы», посвященных этим вопросам, сохранилось не так много. Наиболее ранний из них датирован 12 января 1904 г. Причем, в тот день речь шла не о предстоявшей сессии земских собраний, а о той позиции, которую следовало бы занять земцам в инициированных В.К. Плеве губернских совещаниях по рассмотрению аграрного проекта Министерства внутренних дел. Участие в работе этих комитетов затруднялось, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, совещания должны были проходить под председательством губернатора, который и определял бы круг обсуждаемых вопросов. Во-вторых, список участников также бы составлялся местной администрацией, что ставило под сомнение компетентность и авторитетность собрания<sup>616</sup>. И тем не менее «собеседники» рассчитывали воспользоваться собираемыми совещаниями.

Соответственно, перед «Беседой» стояла проблема – определить перспективы учреждаемых комитетов с точки зрения развития земского движения. Для большинства членов кружка было очевидным, что провести свои взгляды через эти совещания не получится. Так что на заседаниях стоит «не говорить по существу проекта, а лишь заявлять о невозможном составе комитета», – постановила «Беседа». Против этого возражали лишь А.А. Стахович, да и то потому что, если земцы воздержатся от высказываний относительно самого проекта, «правительство решит, что местные люди беспрекословно одобрили его проект»<sup>617</sup>. По мнению присутствовавших «собеседников», предметом обсуждения приглашенных губернатором общественных деятелей должен был стать состав совещаний: земцы должны были открыто заявить о том, что эти комитеты в силу особенностей своего формирования не уполномочены для обсуждения столь важных вопросов. Причем, сторонники этого взгляда явно окажутся в меньшинстве. «Но в совещания идти необходимо хотя бы для того, чтобы голос одного порядочного человека доставил неприятности губернатору», – говорил П.А. Гейден. По мнению же С.Л. Толстого, «в России много раз мнение меньшинства одерживало верх, и... можно всем подавать отдельное мнение по каждому пункту проекта»<sup>618</sup>.

«Всячески следует оттягивать созыв губернского комитета», – гласило постановления «Беседы»<sup>619</sup>. как объяснял Петр Долгоруков, причина этого тактического решения – желание выиграть время, чтобы земцы успели договориться относительно общей линии поведения. Поэтому «может быть, будет удачно демонстративно выходить из совещания при невозможности свободно обсуждать вопрос»<sup>620</sup>. Однако, для того, чтобы скоординировать деятельность, необходимо было выдвинуть некую положительную программу, альтернативную министерской.

Во-первых, в связи с невозможностью обсуждать по существу правительственный проект во время работы совещаний, «собеседники» приняли предложение А.А. Стаховича издать памфлет с критикой программы аграрных реформ, предложенных министерством внутренних дел. Во-вторых, согласно постановлению «Беседы», земцы должны были предложить и альтернативную схему обсуждения проекта. «Проводить в ближайших земских и дворянских собраниях ходатайство о том, чтобы новый проект крестьянского положения был разослан на их обсуждение независимо от обсуждения в губернских совещаниях по указу 8 января с.г. (1904 г. – К.С.)», – постановили «собеседники»<sup>621</sup>.

Это частное решение «Беседы» интересно не столько само по себе, а скорее как пример реализации общих тактических установок на практике. В контексте представлений «собеседников» о желательной и наиболее эффективной линии поведения по отношению к действующей власти позиция по этому конкретному вопросу не кажется случайной: данному решению присуще большинство характеристик «тактической философии» «собеседников». Во-первых, члены кружка, принимая это постановление, исходили из реальной расстановки сил, которое могло сложиться в губернских совещаниях: верные легальным приемам борьбы с существующим режимом участники «Беседы» старались воспользоваться официально признанными учреждениями, скрупулезно рассчитывая, какую пользу земскому движению может принести участие в работе этих организаций. Во-вторых, оценивая таким образом свои перспективы, «собеседники», в первую очередь, имели в виду возможность выступать от имени общественного мнения, тем самым

формируя его, будучи участниками учреждаемых совещаний. В-третьих, согласно постановлению «Беседы», в данном случае общественное мнение должно было требовать от правительства конкретной уступки, предполагавшей привлечение общества к управлению страной. Участие земцев в разработке аграрной реформы хотя и не обозначало кардинального преобразования политической системы, тем не менее, знаменовало бы принципиальный поворот политики властей по отношению к обществу. Иными словами, реализация в полной мере этого постановления «Беседы», казалось бы, по столь частному вопросу, влекла бы за собой эволюционные изменения всей системы управления в России. Примечательно, что отдельное решение, принятое «собеседниками», кажется едва ли не идеальным с точки зрения его соответствия тактическим установкам «Беседы»: ведь оно является иллюстрацией не к какой-либо отдельной характеристике «тактической философии» кружка, а ко всей системе представлений «собеседников» о методах борьбы за свои политические идеалы. Подобная «смысловая нагруженность» тактических приемов земской оппозиции объясняется ее желанием достигнуть максимального результата при весьма ограниченных средствах к его достижению. Размышляя о методах борьбы с существующим режимом, «собеседники» имели в виду те или иные формы выражения своей позиции органами местного самоуправления. Соответственно, все выше приведенные характеристики «тактической философии» «Беседы» преимущественно относились к ходатайствам, адресам, особым мнениям и прочим обращениям земцев к обществу и власти. И так как к подобной демонстрации взглядов в значительной мере и сводилась тактика «Беседы» на практике, соответствие ходатайств и адресов хотя бы большинству тактических установок кружка обозначало следования «собеседниками» тем принципам, которые лежали в основании этого объединения.

Так что «смысловая нагруженность» частных решений «собеседников» – не случайность. Так, например, выводы, к которым пришли участники объединения 15 февраля 1904 г., по сути дела, имели тот же характер. На этом заседании «Беседа» решала вопрос об отношении земцев к недавно начавшейся

русско-японской войне. Общая установка «собеседников» была такова: «По вопросу о желательном образе действий общественных учреждений в течение войны было высказано, что война обязывает общественных деятелей по возможности не причинять затруднений правительству в его внешней борьбе, но вместе с тем не освобождает их от обязанности отстаивать права общественных учреждений против возможных на них посягательств. Тактика в течение войны должна быть не наступательная, а оборонительная, иначе говоря, не следует брать на себя инициативу новых реформ, но во всех вопросах, возбужденных и поставленных на очередь, общественное мнение должно высказываться столь же определенно и решительно, как и до войны»<sup>622</sup>. Другие положения, к которым пришла «Беседа» в ходе совещаний в феврале 1904 г., были выдержаны в этом же духе: земские собрания должны будут поднести верноподданные адреса императору, но это надо будет сделать «без раболепных и монархических выражений»; земствам следует принять участие в помощи раненым и семьям убитых, но ассигнация общественных средств на нужды армии и флота недопустима<sup>623</sup>.

Таким образом, общественные деятели, представленные в «Беседе», при всем разнообразии мнений по поводу русско-японской войны (о чем будут свидетельствовать дискуссии на заседаниях кружка в августе – сентябре 1904 г.) предпочитали по вопросам внешней политики оставаться лояльными власти и старались сохранить образ земства как конструктивной силы, желавшей России победу и не стремившейся к дестабилизации внутреннего положения страны во время войны. И тем не менее они продолжали подчеркивать свою оппозиционность по отношению к существующему режиму. Иными словами, «собеседники» и в данном случае пытались играть роль «оппозиции Его Величества»: оставаясь в рамках «корректного» поведения, но все же не отказываясь от своих взглядов, они сохраняли возможность диалога между земством и правительством.

Своеобразие легальной тактики «Беседы» сказалось еще в одном пункте, на котором сошлись «собеседники» в ходе того заседания: «Было признано желательным вопросы об адресах, выражениях сочувствия армии и флоту и ассигнов-

ках на нужды, связанные с войной, обсуждать по возможности в предварительных частных совещаниях гласных, чтобы предупредить возможность неожиданных предложений, которые легко могут быть отклонены в частных совещаниях, но против которых бывает трудно возражать в публичных заседаниях»<sup>624</sup>. По существу, в данном случае речь идет о необходимости сохранения полуофициального статуса «легальной оппозиции»: с одной стороны, земцы должны оставаться «корректными» по отношению к власти, с другой, они не должны потерять лицо перед общественностью, унизившись до раболепного одобрения всех деяний правительства. Поэтому для «собеседников» представлялось важным устранить саму возможность такой ситуации, когда земская оппозиция была бы неизбежно так или иначе скомпрометирована.

Но вместе с тем принятое на февральском заседании «Беседы» решение о тактике земцев в военное время заключало в себе и требование к властям, принятие которого обозначало серьезнейшую уступку земскому движению. По мнению «собеседников», в адресах на имя императора должно было быть указано на необходимость объединить деятельность земств по помощи раненым и семьям погибших<sup>625</sup>. Таким образом, реализация и этих решений «Беседы», вроде бы призывающих общественных деятелей к сдержанности и умеренности, фактически обозначала начало эволюционных изменений российской государственности: по крайней мере, земцы традиционно возлагали большие надежды на официально признанный общеземский орган, способный стать подобием национального представительства.

Итак, в первую очередь, рассчитывая на свое влияние в земских кругах, «собеседники» с большим вниманием относились к разработке концепции будущих адресов и ходатайств. Они принимали решение на сей счет в соответствии с общими тактическими установками. И поэтому критерии, которыми они пользовались при утверждении того или иного положения из обращения земства к правительству или монарху, естественным образом соотносятся с характеристиками «тактической философии» «Беседы». Можно выделить три таких критерия. Во-первых, текст адреса или ходатайства должен быть «кор-

ректным» по отношению к власти, и приемлем большинству земского собрания. Во-вторых, такого рода обращения должно было звучать как голос общественного мнения, а, соответственно, как голос свободный, не зависимый от власти и авторитетный. В-третьих, с точки зрения содержания, адреса и ходатайства должны заключать в себе требование вполне определенной, более или менее приемлемой для властей уступки, которая была бы чрезвычайно важна для развития земского движения.

Конечно, этими критериями пользовались не только «собеседники», но и земцы, в целом. Пример тому – обсуждение в ходе земского съезда в апреле 1903 г. позиции, которую следовало бы занять земским собраниям в предстоящую сессию. Согласно манифесту 26 февраля 1903 г., в разработке будущего аграрного законодательства должны были принять участие «достойнейшие деятели, доверием общественным облеченные»<sup>626</sup>. При этом не было ясно сказано, кого на самом деле пригласит правительство. Деятели местного самоуправления могли только догадываться, что, как обычно, земство как таковое не будет участвовать в работе над решениями, имевшими общегосударственное значение и непосредственно его касавшимися<sup>627</sup>. При этом надо иметь в виду, что в манифесте также затрагивались вопросы, относящиеся к организации местного самоуправления<sup>628</sup>, и у земцев были все основания полагать, что речь идет об установлении большего контроля администрации над земством<sup>629</sup>. Если программа реформ, указанная в манифесте от 26 февраля, осуществится – писал П.А. Гейден своей дочери В.П. Волковой 2 марта 1903 г., то это «будет шагом назад в смысле усиления произвола и вмешательства чиновничества, этой язвы России»<sup>630</sup>.

Вопрос, стоявший перед собравшимися земцами: в какой форме выразить свое неприятие данной правительственной инициативы, в виде ходатайств правительству или же адресов на высочайшее имя. «Лучше подать адреса, так как ходатайства могут быть оставлены совсем без внимания и ответа», – утверждал курский земец А.Н. Рутцен. Он остался в одиночестве; абсолютное большинство присутствовавших выступало как раз за ходатайства. Свою позицию земцы объясняли следующим образом. Во-первых, по словам П.А. Гейдена, «если подать адреса,

то нельзя обойтись без выражения благодарности государю, а за что благодарить»? Во-вторых, как указывал председатель черниговской губернской земской управы А.А. Свечин, упоминание об адресах, может не попасть в прессу, в то время как ходатайства обязательно будут опубликованы в газетах<sup>631</sup>. Иными словами, участникам съезда было важно «сохранить лицо» перед общественностью, а также публично заявить о своей позиции, тем самым формируя общественное мнение в стране.

Больше споров вызвал вопрос о том, каковы по содержанию должны быть ходатайства земских собраний. «Желательно... довести до сведения правительства, что земство признает необходимым, чтобы проекты законов, касающиеся местной жизни, были переданы на предварительное заключение губернских земских собраний», – против этого положения никто не возражал, и оно было принято единогласно<sup>632</sup>. Разногласия возникли тогда, когда представитель земства Петербургской губернии К.К. Арсеньев предложил, помимо этого требования, заявить в ходатайствах и о другом: «Следовало бы одновременно возбудить ходатайство о приглашении представителей земства по выбору губернских земских собраний в центральные государственные учреждения при выработке законопроектов местной реформы»<sup>633</sup>. Причем, сам Арсеньев ясно отдавал себе отчет, что он поставил вопрос о серьезной государственной реформе, которая повлечет за собой изменение системы принятия политических решений<sup>634</sup>. Основное возражение против этого, озвученное Д.Н. Шиповым, А.А. Свечиным, П.Д. Долгоруковым, Н.В. Раевским, Я.Т. Харченко, – внесение подобного положения в ходатайство лишь уменьшит шансы на одобрение властями основного, наиболее актуального в данном случае для земцев требования<sup>635</sup>. Ведь наиболее эффективным представлялось поступательное движение вперед, от меньшего к большему. С этой точки зрения, К.К. Арсеньев опрометчиво предложил перескочить несколько ступенечей. «По существу, можно только соглашаться с предложением константина константиновича (Арсеньева – К.С.), но в практических целях было бы лучше идти постепенно, не просить того, в чем наверное будет отказано», – утверждал Д.Н. Шипов<sup>636</sup>. В той политической игре, которую вело земство, надо было учитывать

и позицию «партнера». «Нельзя не считаться со взглядами тех лиц, к кому просьба обращается, если желаешь успеха просьбе. Первое ходатайство (о предварительном обсуждении законопроектов на земских собраниях – *К.С.*) не идет вразрез со взглядами правительства и не представляет чего-либо нового, небывалого, тогда как ходатайство о привлечении к участию в законодательной работе выборных представителей земств, с точки зрения правительственных чиновников, является изменением существующего государственного строя», – продолжал Д.Н. Шипов<sup>637</sup>. Помимо этого, дополнял Шипова председатель курской губернской земской управы Н.В. Раевский, предложение К.К. Арсеньева расколет земские собрания, многие из его членов займут не желательную для собравшихся позицию, в то время как ходатайство о необходимости вынести на земские собрания законопроекты, непосредственно касающиеся местного самоуправления, не встретит большого противодействия<sup>638</sup>.

По существу, причины, по которым предложение К.К. Арсеньева оказалось неприемлемым для многих из собравшихся земцев, можно свести к трем пунктам. Во-первых, принятие этого предложения обозначало бы отказ от ставки на эволюционные изменения российской государственности. Во-вторых, требование такого рода было бы со стороны земцев «некорректным». В-третьих, согласиться с Арсеньевым значит не понимать расстановки сил в земских собраниях. При этом стоит иметь в виду, что многие выступавшие против предложения К.К. Арсеньева так или иначе высказали свое принципиальное одобрение его предложения<sup>639</sup>. А члены «Союза Освобождения» Петр Д. Долгоруков и А.А. Свечин, оказавшиеся среди оппонентов Арсеньева, безусловно, выступали за значительно более радикальные реформы, нежели просто за учреждение законосовещательного представительства. Так что противоречия в данном случае носили скорее тактический характер. И с тактикой противников предложения К.К. Арсеньева согласилось большинство собрания, а именно 15 человек из 28.

Примечательно, что сторонники Арсеньева во многом исходили из тех же самых оснований, что и противники его предложения. Так, П.А. Гейден, активно выступавший в защиту идеи ходатайства о привлечении представителей земств к работе цен-

тральных правительственных учреждений, выдвинул два аргумента. Во-первых, земство должно вести за собой общественное движение, а, соответственно, не выдвигать столь умеренные требования, которые в ближайшем будущем потеряют всякую актуальность<sup>640</sup>. Во-вторых, П.А. Гейден не считал подобное ходатайство «некорректным»: «Ходатайство о включении представителей земства в законодательные учреждения можно обосновать как вывод из манифеста 26 февраля. В манифесте указано, что реформа местного управления должна быть выработана при ближайшем участии достойных местных людей как истолкователей потребностей населения<sup>641</sup>, но таковыми людьми могут быть лишь избранные единственного организованного общественного учреждения, земского собрания». Кроме того, продолжал Гейден, участие земцев в законотворческой работе не противоречит и новому закону о Государственном Совете. И, наконец, предложение К.К. Арсеньева, по его мнению, не входило вразрез с ходатайством о предварительном обсуждении законопроектов на земских собраниях: оба требования дополняли друг друга и естественным образом вытекали один из другого<sup>642</sup>. Иными словами, П.А. Гейден и его оппоненты анализировали предложение К.К. Арсеньева, по сути дела, с одних позиций: противники этой инициативы говорили о ее «некорректности», Гейден же им возражал; они утверждали, что Арсеньев рассчитывал форсировать события, а, по мнению Гейдена, предложение Арсеньева логически вытекало из того, что требовали его оппоненты, так что ничего «небывалого» для правительства предлагаемое ходатайство не содержало. В рассуждениях противников предложения К.К. Арсеньева не было лишь одного, что присутствовало в выступлениях П.А. Гейдена: апелляции к общественному мнению, которое земство должно было вести за собой.

Таким образом, в этой дискуссии, посвященной тактическим вопросам, просматриваются те же идейные доминанты, что и на заседаниях «Беседы». Конечно, около трети участников земского съезда были членами кружка «Беседа»<sup>643</sup>. Однако, представители оставшихся двух третей высказывали схожие идеи и голосовали вместе с «собеседниками». Соответственно, можно утверждать, что тактика «Беседы» не была чужда земцам, и

тактические решения, принятые на заседании кружка, по своей природе должны были приемлемы для земских собраний.

Однако, подготовка ходатайств к их обсуждению на земских собраниях – лишь часть тактики «Беседы». «Наиболее действительное средство воздействия на правительство – это одновременное возбуждение однородных ходатайств многими земскими собраниями», – утверждал А.Н. Рутцен на земском съезде в апреле 1903 г.<sup>644</sup> «...Особенно важно, чтобы общественные деятели были между собой солидарны и чтобы отпор неправильным действиям бюрократии был со стороны общественных представителей коллективным. Только такой путь представляется мне единственно возможным... и может привести бюрократический строй к капитуляции и созданию порядка, который нам обоим представляется в России желательным», – писал Д.Н. Шипов М.А. Стаховичу 4 октября 1902 г.<sup>645</sup> Оставалось лишь выработать технологию координации деятельности земств. Собрание, подобное земским съездам, – явление исключительное, так что на него рассчитывать не приходилось. На заседания же «Беседы» обычно съезжалось не слишком много участников. Соответственно, перед объединением вставала задача по максимуму использовать тот организационный потенциал, который находился в его распоряжении. Соответственно, к реализации решений «Беседы» должны были быть привлечены члены кружка, не принимавшие участия в обсуждении этих постановлений.

«...События идут так быстро, что более, чем когда-либо чувствуется необходимость общего их обсуждения и общего направления деятельности земских людей. У нас в Самаре губернское земское собрание открывается только 25 января (1905 г. – К.С.), и я особенно радовался, что успею приготовиться к нему после совещания и совета с Вами. Но так как я лишен этой возможности, то решаюсь просить сообщить мне хоть вкратце те соглашения, к которым Вы придете, чтобы сообразовать с ними и свою работу», – писал Н.А. Шишков, гласный самарского губернского земского собрания, Петру Д. Долгорукову 5 января 1905 г. «Очевидно, Шишков думает, что я буду на “Беседе” и адресовал мне это письмо в Москву. Не потрудитесь ли Вы выслать ему постановление “Беседы”», – об-

ращался П.Д. Долгоруков В.А. Маклакову, пересылая ему письмо Н.А. Шишкова<sup>646</sup>. Благодаря такого рода переписке, члены кружка были в курсе происходившего в доме Долгоруковых, даже если непосредственно они не присутствовали на том или другом заседании «Беседы».

Периодически «собеседники» принимали решение о рассылке материалов своих заседаний отсутствовавшим коллегам<sup>647</sup>. Судя по переписке Р.А. Писарева и В.А. Маклакова в обязанностях секретаря «Беседы» было также и распространение решений отдельных земских собраний среди членов кружка для того, чтобы «собеседники» могли соотнести свою деятельность с общей ситуацией в стране. В письме от 26 ноября 1904 г. Р.А. Писарев просил В.А. Маклакова послать текст одного из земских адресов Н.С. Волконскому в Рязань и А.А. Свечину в Чернигов<sup>648</sup>. Пару дней спустя, 28 ноября, Писарев снова написал Маклакову. Он только что прочел адрес калужского земского собрания, считавшегося «консервативным и осторожным», но тем не менее поддержавшего решения земского съезда 6–9 ноября 1904 г. «И потому следовало бы, мне кажется, тотчас же разослать его всем членам “Беседы”, начав с тех, у которых на этих днях уже начинаются земские собрания, как, например, у рязанцев»<sup>649</sup>. В письме от 25 января 1905 г. Р.А. Писарев просил выслать ему экземпляр адреса епифанского уездного земства, который, в свою очередь, был послан В.А. Маклакову М.В. Голицыным, предводителем дворянства Епифанского уезда<sup>650</sup>.

Четкие критерии, позволяющие с полным основанием судить об эффективности этой тактике, отсутствуют. Так что остается полагаться на косвенные данные. Цель деятельности, инициированной «собеседниками», – возбуждение одновременных адресов и ходатайств на земских собраниях. Хотя не всегда хватает данных утверждать, что решение было принято именно благодаря тому или другому представителю объединения, однако, «география» регионов, принявших обращение к властям, которое как раз отстаивала “Беседа”, представляется показательным.

Было бы наиболее интересным сравнить позицию земских собраний с постановлением кружка, озвученным Петром

Д. Долгоруковым 25 августа 1903 г. Тогда П.Д. Долгоруков, по сути дела, обозначил программные требования «Беседы»: учреждение мелкой земской единицы, участие именно выборных представителей земства в созываемых правительством комитетах по разработке различных преобразований (и, прежде всего, реформ, касавшихся местного самоуправления), предварительное обсуждение вопросов, относившихся к сфере компетенции земств на земских собраниях, а также реформа средней школы. Помимо этого, «Беседа» постановила ходатайствовать о сохранении института выборных мировых судей, а также отклонить школьные субсидии правительства, произвольно раздаваемые отдельным уездам<sup>651</sup>.

Примечательно, как о выработке этого решения и дальнейшей его реализации рассказывал В.М. Петрово-Соловово в письме к П.Б. Струве от 30 декабря 1903 г. Он объяснял, что оппозиционное движение<sup>652</sup> «начинает все более и более складываться в определенные формы. Устраиваются съезды, на которых выработывается программа. По этой программе во многих земских собраниях были... проведены слова: 1) чтобы правительство в тех случаях, когда оно желает знать мнение местных людей по законодательным вопросам, не вызывало их по своему усмотрению, но представляло земским собраниям выбирать их; 2) чтобы все законодательство, касающееся местного управления, предварительно рассылалось к заключению земских собраний и с их мнением вносились в Государственный Совет и 3) чтобы лица, так или иначе привлеченные правительством к обсуждению законодательных вопросов, были гарантированы от всех административных взысканий. Все эти три ходатайства в тамбовском губернском земском собрании прошли единогласно. Следует заметить также и то, что они не вызвали никаких препятствий со стороны председателя собрания, нашего губернского предводителя князя Чолокаева, очень строго законника». Далее следовал рассказ о том, что творилось в соседней Тульской губернии. Возглавлявший земское собрание местный предводитель дворянства А.А. Арсеньев, человек определенно консервативных убеждений, оказался в полном одиночестве: никто его позицию не поддержал. Так что он решил даже уехать, не дожидаясь конца работы собрания<sup>653</sup>. Но

все же ему удалось воспрепятствовать реализации планов либеральной части земского собрания. С инициативой возбудить разработанные в «Беседе» ходатайства выступил один из самых видных тульских «собеседников» Р.А. Писарев. Поводом для этого стали ходатайства епифанского и алексинского уездных земских собраний (которые, кстати, тоже возглавлялись «собеседниками» – самим Р.А. Писаревым и П.А. Скобельциным, соответственно). Уездные земства были возмущены тем фактом, что правительство, выдавая субсидии начальным школам, тем самым умаляет права органов местного самоуправления в деле народного образования. Дабы это более не повторилось, Р.А. Писарев и предложил заявить правительству о необходимости предварительно обсуждать подобные решения на земских собраниях и для консультации приглашать в столицу земцев, делегированных коллегами<sup>654</sup>. А.А. Арсеньев отложил обсуждение этого вопроса и к нему уже не обращался<sup>655</sup>. Р.А. Писареву оставалось только подать особое мнение, к которому присоединились 30 гласных (т.е. большинство) собрания<sup>656</sup>.

Однако, в большинстве губерний, представленных в «Беседе», схожие ходатайства были не только рассмотрены, но и одобрены. Таково было решение курского, московского, орловского, полтавского, псковского, рязанского, саратовского, смоленского, тамбовского, тверского, черниговского, ярославского земских собраний<sup>657</sup>. Поднимался этот вопрос совершенно по разным поводам. В Рязани, Чернигове и Петербурге его связали с предстоявшей разработкой аграрного законодательства (причем, в рязанском земском собрании обсуждение ходатайства возбудил «собеседник», председатель губернской земской управы Н.С. Волконский)<sup>658</sup>. В Ярославле и курске поводом для ходатайств стала деятельность созываемых Министерством внутренних дел комиссий, куда приглашались и представители земств<sup>659</sup>. В Пскове увязали необходимость составления правительственной комиссии при участии выборных представителей земств с решением школьного вопроса<sup>660</sup>. А в Саратове вопрос об участии делегированных собраниями земцев в разработке правительственных решений встал при обсуждении размера и порядка выдачи суточных деятелям местного самоуправления, призываемых в столицу качестве экспертов<sup>661</sup>.

В одних земствах решение носило более умеренный характер, в других, наоборот, не ограничивались требованием призвать выборных представителей к работе в правительственных комитетах. Например, черниговское земство в своем постановлении подняло вопрос о составе губернских совещаний, не затронув проблемы формирования комитетов при министерстве внутренних дел<sup>662</sup>. В то время, как орловцы, помимо ясно выраженного требования участия земцев в разработке всех реформ, касающихся местного самоуправления, возбудили ходатайства и о необходимости сохранить институт избираемых мировых судей, и о важности учитывать мнение земств при распределении школьных субсидий, и о невмешательстве правительства в работу земцев в сфере народного образования<sup>663</sup>. Ярославцы напомнили о мелкой земской единице и дешевом народном кредите<sup>664</sup>. А в курске под предлогом рассмотрения избирательного ценза в органы местного самоуправления, вынесенного самим правительством на обсуждение земских собраний, был даже поднят вопрос о пересмотре земского Положения 1890 года<sup>665</sup>.

Там же, где обсуждение даже ключевых для этой сессии вопросов было невозможным (как, например, в Тульской губернии), земцы «прогрессивного» направления, тем не менее, старались так или иначе обозначить свои взгляды. Например, в Харькове идея привлечь уполномоченных представителей земства к разработке законопроектов указывалась в заключении соединенных ревизионной и редакционной комиссиях по докладу управы об исполнении постановлений собрания<sup>666</sup>. Председательствующий прервал докладчиков, так как ему стало ясным, что они выходят за грань дозволенного<sup>667</sup>. На следующий день председатель земской губернской управы, «собеседник» Н.Н. Ковалевский вновь возбудил вопрос об обсуждении заявления. Ему в этом было отказано<sup>668</sup>. Так что членам комиссии оставалось лишь подать особые мнения<sup>669</sup>.

Согласно сведениям «Саратовской земской неделе», в 14 губерниях были рассмотрены подобные ходатайства<sup>670</sup>. Из них 9 были представлены в «Беседе». Учитывая, что составитель «Общеземской хроники» не упомянул о Псковской губернии, где схожее ходатайство было «спрятано» в постановление, отно-

сящимся к проблемам народного образования, и о Харьковской, где оно было снято с обсуждения, это число можно увеличить и до 11. «Молчали» лишь в Самаре. Причем, самарские земцы все же обсуждали один из намеченных «собеседниками» вопросов, а именно учреждение мелкой земской единицы<sup>671</sup>.

Представляется неслучайным, что губернии, где значительную роль играли участники «Беседы», более всех были вовлечены в общеземское движение. Иными словами, там, где «Беседа» могла оказывать влияние на исход дела, и существовало в первую очередь, земское движение. Важно также и то, что при принятии довольно жесткого по содержанию обращения к власти, земцы хотели оставаться максимально корректными по отношению к правительству. как будто ничего принципиально нового не требуя, они увязывали свое решение с постановлениями правительства или же с тщательным обсуждением какого-нибудь отдельного вопроса, тем самым подчеркивая, что речь идет не о реформе политической системы, а о частной уступке, которая якобы не должна задеть основы государственного строя. Так что ходатайства земских собраний по духу и смыслу соответствовали тому, что разрабатывалось на заседаниях «Беседы».

Позиция «собеседников» по отношению к действующей власти. Термины «легальность» или «корректность» слишком абстрактны, чтобы описать историю взаимоотношений лидеров земского движения и власти. Реализовавшиеся на практике модели взаимодействия «собеседников» и правительства хотя и вытекали из общих тактических установок «Беседы», но вместе с тем не могли быть вполне объяснимы без учета конкретной политической конъюнктуры, ответом на которую они собственно и являлись.

Вопрос о взаимоотношениях земцев и власти встал ребром летом 1902 г. Поводом для этого стала беседа Д.Н. Шипова с В.К. Плеве 2 июля 1902 г.<sup>672</sup> Незадолго до этого Плеве убедил императора объявить Высочайший выговор всем участникам земского съезда 23-25 мая, в том числе и Д.Н. Шипову<sup>673</sup>. Буквально за три дня до Шипова В.К. Плеве принял М.А. Стаховича, также присутствовавшего на том земском съезде<sup>674</sup>. Министр весьма грубо обошелся с орловским предводителем

и в жестких выражениях отчитал его за участие в съезде<sup>675</sup>. Казалось бы, Шипову был уготован такой же неприятный разговор с Плеве. Однако, наоборот, министр на этот раз был чрезвычайно любезен и обходителен, во многом соглашался с Шиповым и просил незначительные уступки в обмен на серьезные обещания. «Я сторонник земских учреждений и убежден, что никакой государственный строй немислим без привлечения общества к местному самоуправлению, – утверждал В.К. Плеве. – Я не признаю возможным управлять страной при посредстве армии чиновников и не признаю, чтобы земские учреждения противоречили нашему государственному строю». И, по мнению министра, земству только не стоило вмешиваться в политику, а надо было ограничиться местными делами<sup>676</sup>. Но из это вовсе не следовало, что земцы будут устранены от разработки решений общегосударственного значения. Плеве высказал желание время от времени консультироваться с деятелями местного самоуправления, высказывая лишь сомнение относительно того, что это обязательно должны быть избранные представители земства: например, председатели губернских управ – по определению сведущие и уважаемые люди, достойные внимания<sup>677</sup>. Основная мысль, которую вынес Д.Н. Шипов из этого разговора, заключалась в том, что в обмен на обещание не возбуждать политических вопросов на земских собраниях (и, прежде всего, забыть об общеземском представительном собрании) В.К. Плеве гарантирует устранение всего того, что мешает нормальной работе органов местного самоуправления, а также обязательно пригласит председателей губернских управ к участию в разработке важнейших для страны законопроектов<sup>678</sup>. Несколько дней спустя Шипова принял и С.Ю. Витте, который, подобно своему коллеге, говорил о необходимости защитить земство от чиновничьего произвола<sup>679</sup>.

Вернувшись в Москву, Д.Н. Шипов, в первую очередь, рассказал о случившемся членам губернской управы, 18 июля встречался с председателями земских управ и гласными<sup>680</sup>. Шипов прекрасно понимал, что съезд в данных условиях провести невозможно, а все же было необходимым сообщить земцам о состоявшихся беседах и узнать их точку зрения. Присутствовавшие распределили между собой губернии,

с представителями которых они обязались связаться по этому вопросу<sup>681</sup>. Д.Н. Шипов также разослал письма хорошо знакомым земским деятелям, в которых пересказывал содержание своей беседы с В.К. Плеве и просил последовать совету Министра внутренних дел. «...Мне представляется несомненным, что если даже все то, что говорилось ими (В.К. Плеве и С.Ю. Витте – К.С.) об участии общества в государственной жизни не соответствует их искренним взглядам, однако, они не видят возможности идти прежним курсом, и если постройка моста через пропасть, отделяющую правительство от общества, и не составляет их искреннего желания, тем не менее они постройку этого моста признают неизбежной, чтобы самим не свалиться в эту пропасть, – писал Д.Н. Шипов М.А. Стаховичу 20 июля 1902 г. – Земству эту перемену необходимо принять во внимание и, думается мне, следует выполнить указания Плеве, т.е. постараться, чтобы в ближайшем, по крайней мере, будущем земскими людьми нигде не возбуждались вопросы политического характера, под которыми в данное время понимаются вопросы о выборном представительстве в центральных учреждениях... а также открыто не ставить вопросов, имеющих целью объединить деятельность всех земских губерний»<sup>682</sup>.

В земских кругах к беседе Д.Н. Шипова и В.К. Плеве отнеслись со всей серьезностью. «Во всяком случае такие переговоры министра внутренних дел с представителем земских учреждений является знаменательным фактом – это что-то вроде договора, совершенно не свойственного министрам самодержавия, привычным лишь к приемам грубой расправы», – говорилось в письме Н.Н. Львова П.Б. Струве от 11 сентября 1902 г. При этом, согласно Львову, земство раскололось в своем отношении к предложениям Плеве. Одни, подобно Д.Н. Шипову, говорили о необходимости пойти на определенные уступки, рассчитывая на ответные шаги со стороны правительства. Другие видели в предложении В.К. Плеве ловушку и начало «земской зубатовщины». Но даже многие скептики «готовы в настоящее время смолкнуть в расчете, что раз только состоится съезд представителей губернских управ, то один этот факт сам по себе явится столь важным событием в жизни земства, что он неминуемо повлечет за собою такие последствия, которые труд-

но себе представить в настоящее время. При всеобщем возбуждении министру ни в коем случае не удастся втиснуть земство в сферу одной хозяйственной деятельности, хотя бы в расширенных размерах»<sup>683</sup>. Таким образом, согласно сообщению Н.Н. Львова, земцы, в большинстве своем, так или иначе рассчитывали на партнерские отношения с властью.

Заседание «Беседы» 23 августа 1902 г. было также посвящено взаимоотношениям правительства и земства. Обсуждалась возможность «установить связь с правительством через Плеве, который мог [бы стать] связующим звеном». Петр Долгоруков к этому относился весьма скептически. По его мнению, В.К. Плеве – «величина мелкая, без связей», поэтому было бы надежнее иметь дело с С.Ю. Витте. Относительно же перспектив взаимодействия с В.К. Плеве не стоило «впадать в оптимизм». П.А. Гейден считал сомнительной идею созыва совещания при Министерстве внутренних дел, состоящего из председателей губернских управ: председателями управ часто становились люди, угодные губернатору, так что земским представительством (на что, очевидно, рассчитывали многие земцы) такое совещание быть не могло. Ф.А. Головин, член московской губернской управы, а, соответственно, человек из круга Д.Н. Шипова, высказывался как раз в пользу необходимых уступок правительству. Примерно о том же говорил и Н.Н. Львов: «Нельзя не придавать значение разговору Плеве с Шиповым. Видимо, министерство хочет что-то предпринять на счет земства; положение земства очень выгодно, и нужно им пользоваться». Д.И. Шаховской предложил «собеседникам» обсудить, что надо сделать для того, чтобы правительство осуществило будто бы намеченные им реформы<sup>684</sup>. Таким образом, предложение В.К. Плеве отторжения не вызвало: при всем скептическом отношении его готовы были рассматривать. И даже один из самых радикальных «собеседников» Д.И. Шаховской склонялся к тому, чтобы принять предложение Плеве.

Однако, надежды на компромисс с могущественным министром оставались недолго. С момента беседы Шипова с Плеве никаких кардинальных изменений политики правительства по отношению к земству не было. 20 июля Плеве запретил обсуждение на земских собраниях докладов председателей и членов

управ, внесенных в Особое совещание по нуждам сельскохозяйственной промышленности, очевидно, опасаясь единовременного возбуждения однотипных ходатайств о привлечении выборных представителей земств к работе в этом совещании<sup>685</sup>. В московский же комитет по нуждам сельскохозяйственной промышленности губернатор кристи ввел значительное число чиновников, формируя тем самым послушное себе большинство и обесмысливая работу земцев в этом совещании<sup>686</sup>. В июле и августе месяце участникам земского съезда был объявлен Высочайший выговор<sup>687</sup>. А в начале сентября Д.Н. Шипов из достоверных источников узнал, что В.К. Плеве уговорил С.Ю. Витте дать свое согласие на изъятие оценочного дела из ведения земства<sup>688</sup>. «Да, тяжелое время приходится нам переживать, – писал Д.Н. Шипов М.В. Челнокову 18 сентября 1902 г., – и к чему... приведет Россию бессмысленная политика, которую хочет проводить Плеве. Он, очевидно, хочет лавировать, хочет богатство приобрести, и невинность соблюсти...»<sup>689</sup> Пройдут две недели и оценки будут еще жестче и категоричнее. «Очевидно только одно, что на постройку моста через пропасть, отделяющую правительство от общества, о чем говорил Плеве, рассчитывать в близком будущем нельзя, и скорее можно предвидеть расширение этой пропасти, пока в нее не свалится наша самодержавная бюрократия», – писал Шипов жене друга, Е.К. Челноковой, 7 октября 1902 г.<sup>690</sup> Впрочем, и В.К. Плеве «разочаровался» в Д.Н. Шипове. «Всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству копию письма одного из редакторов “Освобождения”, адресованное Марии Александровне Стахович, но предназначенное ее брату. Из письма следует заключить, что Шипов и Стахович организовали земскую партию для борьбы с существующим порядком, снабжают журнал “Освобождение” материалами», – докладывал министр царю 4 ноября 1902 г.<sup>691</sup>

Так что неудивительно, что следующее заседание «Беседы», посвященное взаимоотношениям правительства и земства, состоявшееся 6 февраля 1903 г., прошло совсем иначе, нежели в августе 1902 г. Оно предваряло земский съезд в Петербурге 24–25 апреля 1903 г. и было посвящено предстоящей встрече Плеве с представителями земств. Судя по записям Д.И. Шаховского,

«собеседники» были настроены весьма воинственно. Н.Н. Львов логично предположил, что во время будущего разговора министра с деятелями местного самоуправления неизбежно возникнет вопрос о путях улучшения отношений между земствами и правительством. И, по мнению Львова, учреждение общеземского представительства с правом совещательного голоса, на что «собеседники» могли согласиться менее года назад, в настоящей ситуации не устроит земцев. «Единственный выход, – подытожил Н.Н. Львов, – участие представителей земств в государственных законодательных учреждениях». Практически о том же говорил и Павел Д. Долгоруков<sup>692</sup>.

Между тем было бы ошибочным утверждать, что земцы отказались от прежней тактики поиска компромисса с правительством и перешли в тотальное наступление. В действительности, они почувствовали серьезные изменения в расстановке сил в высших эшелонах власти и скорректировали свою линию поведения в соответствии с новыми веяниями времени. В начале 1903 г. среди земцев упорно ходили слухи, что С.Ю. Витте в своем противоборстве с В.К. Плеве искал поддержку со стороны представителей органов местного самоуправления. Так, в письме от 19 января 1903 г. М.В. Челноков сообщал Д.Н. Шипову о задуманных С.Ю. Витте серьезнейших преобразованиях, направленных на поддержку земства: «Суть его (проекта Витте – К.С.) вот в чем: инспекция (дорожная – К.С.) уничтожается, все дороги переходят к земству, в Петербурге учреждается совет по дорожным делам с участием представителей земства, поставленный совершенно самостоятельно. Земству передаются огромные денежные средства...»<sup>693</sup> О том же писал Шипову и Н.В. Раевский 9 августа 1903 г. как раз тогда земцы (в том числе, и Раевский) собрались в Петербурге, чтобы обсудить проект дорожной реформы, разработанный уже Министерством внутренних дел. Он был значительно менее благоприятен для земства, чем тот, что вроде бы был подготовлен С.Ю. Витте. Сам же Витте в личных разговорах с собравшимися в столице земцами всячески подчеркивал, что в дорожном деле он полностью поддерживает их позицию. Помимо этого, Витте выдвигал предложения, за которые деятели местного самоуправления

не могли не ухватиться. Например, он высказал идею образовывать дорожные попечительства, которые надлежит «выбирать уездными собраниями или населением по типу мелкой (земской – К.С.) единицы»<sup>694</sup>. Земцы пока с недоверием слушали С.Ю. Витте: «Одно можно вывести из его разговора, это его нерасположение к министерству внутренних дел, чего он и не особенно скрывает»<sup>695</sup>. И все же земские деятели рассчитывали воспользоваться этим неожиданным союзником. «Не найдете ли Вы благовременным... на некоторое время оставить в “Освобождение” в покое Витте и даже... попробовать с ним немного заигрывать, как будто даже польстить, – писал А.А. Стахович П.Б. Струве. – Он ужасно падок на лесть, любит популярность, ищет ее. За последние 8-10 месяцев (знаю это из вполне достоверных и очень разнообразных источников) с ним при его хамелеонских наклонностях стала происходить весьма заметная и определенная эволюция “на лево”, в чисто земском либеральном духе. Стал сильно заигрывать с земцами. Постепенно он совершенно определенно становится во главе партии “реформ”...»<sup>696</sup>

Такая оценка политической ситуации имела под собой определенные основания. С.Ю. Витте откровенно демонстрировал свое недовольство занятой министром внутренних дел жесткой линией по отношению к общественности и земству. При этом в то время наиболее влиятельными людьми в окружении С.Ю. Витте были А.Д. Оболенский, хороший знакомый Д.Н. Шипова, и «собеседник» М.А. Стахович, брат А.А. Стаховича, так убеждавшего П.Б. Струве поддержать министра финансов<sup>697</sup>. В октябре 1902 г. в Ялте состоялся весьма примечательный разговор между Витте и Плеве, впоследствии воспроизведенный в воспоминаниях Д.Н. Любимова, бывшего на тот момент руководителем канцелярии министерства внутренних дел. Недавний противник земства, С.Ю. Витте, используя типичные для земцев выражения о «неувенчанном здании» и непостроенном «куполе», доказывал необходимость учитывать общественные настроения и не игнорировать интересы органов местного самоуправления<sup>698</sup>. В июле 1904 г. С.Ю. Витте писал военному министру А.Н. Куропаткину о глубоком кризисе политики В.К. Плеве: «Начнется это спускание

затянутого до крови мундштука ...А господин Плеве все везде хотел громить и идти на всех вперед. А теперь трусливо отступает по всей линии»<sup>699</sup>.

Однако, было бы неверным изображать В.К. Плеве в качестве непримиримого врага земства. Как писал министр А.А. Кирееву 31 августа 1903 г., помимо «борьбы с крамолой», целью его политики является усовершенствование «органических норм гражданского общежития»<sup>700</sup>. В личном разговоре с А.А. Киреевым он обрисовал целую программу реформ, предполагавшую большее участие общества в политической жизни страны<sup>701</sup>. Частью этого проекта было как раз учреждение Совета по делам местного хозяйства. По словам С.Е. Крыжановского, В.К. Плеве таким образом хотел «сблизиться с общественными кругами», для того «чтобы освободить себя от постоянной войны с третьим элементом»<sup>702</sup>. По свидетельству В.Н. Орлова, перед смертью он даже обдумывал возможность создания Государственной Думы<sup>703</sup>. Правда, один вопрос Плеве никогда не стал бы обсуждать: по его мнению, в России, по крайней мере, в данный момент должно было сохраняться самодержавие. В январе 1903 г. в разговоре с председателем харьковской губернской земской управы министр заметил: «У “нас” теперь очень заняты вопросом о расширении сферы деятельности земств ...Но вот в чем дело. Вот демаркационная линия (проводит линию по столу): с одного бока – самодержавие, с другой стороны – самоуправление. Сумеют ли земцы удержаться от искушения переступить эту линию»<sup>704</sup>. Во время ялтинского разговора с Витте он весьма четко определил свою «диалектику власти»: в России правительство – демиург, творец истории, оно ведет за собой народ, поэтому вопрос о социальной поддержке режима, к которому и апеллировал С.Ю. Витте, В.К. Плеве не интересовал<sup>705</sup>. Это объясняет его позицию, заявленную во время беседы с Д.Н. Шиповым 2 июля 1902 г.: в настоящее время речь не может идти об организации в той или иной форме представительства местных интересов – в этом нет необходимости, земцы могут рассчитывать лишь на создание «экспертного» органа, состоящего из компетентных лиц (прежде всего, представителей местного самоуправления)<sup>706</sup>.

Тем не менее, можно утверждать, что серьезные уступки могли исходить как от С.Ю. Витте, так и от В.К. Плеве. Так что вполне логична идея Д.И. Шаховского, обозначенная в письме к П.Б. Струве от 11 ноября 1902 г.: «Между Плеве и Витте разыгрывается крупное столкновение, причем, у каждого из них в руках много доводов против друг друга и для каждого из них чрезвычайно важно иметь на своей стороне земство... Если теперь земские люди не сумеют воспользоваться сейчас блестящим своим положением на пользу народа... немного, значит, у них еще политического смысла и умелости»<sup>707</sup>. Иными словами, земству необходимо сыграть на противоречиях, и, таким образом, оказаться определяющей силой.

Итак, тактическая линия «собеседников» не предусматривала конфронтационные отношения с властями. Земцы рассчитывали на диалог и партнерство. Более того, они надеялись сыграть свою партию, на уже сложившемся политическом поле, принимая сторону того или другого действующего игрока. И это при том, что земцы сами скептически оценивали перспективы собственной тактики и не особенно доверяли «партнерам». «Для Плеве и Витте судьба России безразлична – им все равно», – на заседании «Беседы» 11 ноября 1903 г. заявлял Н.Н. Львов, в свое время горячо поддержавший мысль о необходимости пойти на уступки В.К. Плеве<sup>708</sup>. Да и летом 1902 г. Н.Н. Львов, Ф.А. Головин, Д.Н. Шипов оправдывали возможные уступки правительству не доверием к словам министра внутренних дел: они верили, что залогом выполнения обещаний станет чувство самосохранения – Плеве испугается взрыва недовольства в случае обмана<sup>709</sup>. Но томление ожидания сменялось отчаянием и пониманием безысходности ситуации. В 1903 г. М.В. Челноков писал Д.Н. Шипову: «Вполне к тебе присоединяюсь в искреннем понимании миролюбивого разрешения волнующих нас вопросов, но ели бы вышло иначе, вина падет ни на земство, ни на русское общество. Оно показало такое долготерпение, такое смирение, такую готовность идти навстречу добрым намерениям правительства... и нужна особенная тупость и безнравственность наших властей имущих, чтобы не уладить наши дела мирно и довести до взрыва. Если это и будет, то такой взрыв явится порывом отчаяния, доведенного

последней крайности народа и этот народ никто не осудит – вина падет на петербургский синаедрион»<sup>710</sup>. Примечательно, что М.В. Челноков, прекрасно сознавая безнадежность ожидания добровольных уступок со стороны правительства, тем не менее земской тактике компромиссов противопоставлял не более радикальные способы борьбы с действующим режимом, а неминуемый «взрыв». Иначе говоря, альтернативы настоящей позиции земства по отношению к власти М.В. Челноков не видел. И если нынешняя тактика не приведет к желаемому результату, то в бой вступят новые силы и политический режим будет неизбежно подвержен серьезнейшей трансформации.

«Беседа» и «печатное слово». Помимо постановлений земских собраний и личного общения с представителями высшей бюрократии, в распоряжении «собеседников» был еще один инструмент воздействия на власть предрержащих: о необходимости использовать этот ресурс было заявлено на самом первом заседании кружка<sup>711</sup>. Вопрос о создании собственного печатного органа был поставлен на заседании 8 января 1902 г. В пользу этого высказался Петр Д. Долгоруков. По его мнению, надо было подумать об учреждении газеты или журнала в России, так как наладить издание периодического органа за рубежом было бы чрезвычайно трудным. Мысль о газете или журнале, отражающем точку зрения «Беседы», также понравилась А.А. Стаховичу и П.С. Шереметеву<sup>712</sup>. На следующем заседании, 27 мая 1902 г., П.Д. Долгоруков сообщил присутствовавшим о проекте издавать журнал, который мог бы стать печатным органом объединения. Речь шла об «Освобождении». П.Д. Долгоруков зачитал руководящие статьи первого номера и предложил в той или иной форме поддержать журнал. Однако, консервативное крыло «Беседы» в лице П.С. Шереметева категорически отвергло это предложение<sup>713</sup>.

«Беседе» так и не удалось создать собственное периодическое издание, так что приходилось пользоваться уже существующими. Так, 13 января 1901 г. в Петербурге состоялось совместное совещание «собеседников» и представителей прессы. На нем присутствовали П.С. Шереметев, М.А. Стахович, Петр Д. Долгоруков, К.К. Арсеньев, П.Н. Милюков, Г.А. Фальборк, А.А. Корнилов. Это совещание было посвящено предстояв-

шему мартовскому съезду дворянских предводителей, на котором должен был обсуждаться правительственный проект наказа училищным советам, явно нацеленный на сокращение полномочий земств в сфере начального образования<sup>714</sup>. Люди, в значительной мере определявшие направление ведущих столичных изданий, должны были скоординировать свои усилия, дабы мартовский съезд не прошел незамеченным, а стал бы значительным фактом общественной жизни и тем самым способствовал формированию общественного мнения. Существовали две точки зрения на то, как пресса должна была готовить публику к предстоявшему событию. «Одни считали более практичным, чтобы печать до мартовского съезда не поднимала тревоги ввиду опасения, что вопрос о наказе может быть вовсе снят вследствие этого с очереди, чтобы статьи в печати не вызвали полемики со стороны консервативных органов и тем не дали бы нежелательного материала в руки иных предводителей и, наконец, чтобы не давать повода к толкам, что члены съезда действуют под влиянием статей в печати и чтобы, наоборот, дать им самостоятельно высказаться по вопросу им близкому...»<sup>715</sup> По мнению сторонников этой тактики, предстоявший съезд – уникальный шанс общества высказать свою позицию, и надо относиться к нему бережно и, соответственно, соблюдать известный такт и дисциплину. Среди присутствовавших были приверженцы и иного взгляда. По такому серьезному вопросу пресса молчать не может. Задача печати – не выжидать, а подготавливать общественное мнение. В итоге совещающиеся пришли к компромиссу: «Решено было просить присутствующих представителей столичной печати и через них других до съезда высказаться разве лишь юридической стороны вопроса и в возможно сдержанном тоне, чтобы отнюдь не вызвать излишней полемики, а после съезда, напротив, желательно выступить во всеоружии и как можно дружнее и сильнее против проекта наказа...»<sup>716</sup>

И впоследствии «собеседники» сохраняли тесные контакты с представителями прессы и в случае необходимости размещали важные для земцев материалы. Так, в «Вестнике Европы» за 1902 год появилось фактически обращение «Беседы». А именно были опубликованы два письма, адресованные издателю «Гражданина» В.П. Мещерскому. Одно письмо подпи-

сал В.М. Петрово-Соловово, другое же, в поддержку первого, было подписано Павлом Д. Долгоруковым, П.С. Шереметевым, М.А. Олсуфьевым, П.А. Гейденом, Ю.А. Новосильцевым, М.А. Стаховичем<sup>717</sup>. Текст этого обращения обсуждался на заседании «Беседы» 8 января 1902 г.<sup>718</sup> Общий смысл заявления предводителей дворянства, коими были все подписавшиеся, – неприятие «кастовой» политики дворянских узко-сословных интересов, отстаиваемой В.П. Мещерским<sup>719</sup>.

На заседаниях кружка 31 августа и 1 сентября 1904 г. было постановлено: «...Просить князя Шаховского переговорить с редакцией “Русских ведомостей” о напечатании в ближайших номерах “Русских ведомостей” цифрового материала, освещающего положение выкупной операции в настоящее время». Кроме того, «собеседники» составили анкету, посвященную вопросу, как отразилась русско-японская война на экономическом положении страны. Эта анкету предполагалось разослать на места, а также опубликовать в газетах, что должно было повлиять на общественные настроения<sup>720</sup>. Причем, судя по переписке Д.И. Шаховского с одним из редакторов «Русских ведомостей» В.Ю. Скалоном, у «собеседников» были налажены отношения с этим изданием. «как было бы важно, чтобы в “Русских ведомостях” до губернских земских собраний появилась статья, разъясняющая вопрос о мелкой земской единице. Мне кажется, газета, обязана так или иначе это сделать», – писал Скалону Шаховской 12 ноября 1902 г.<sup>721</sup>

Однако, «Беседа» занималась и собственно издательской деятельностью. Ей удалось опубликовать целый ряд сборников, посвященных наиболее актуальным вопросам общественно-политической жизни страны. Показателен хотя бы перечень наименований книг, вышедших при деятельном участии объединения: «Всеобщее образование в России» (Москва, 1902), «Мелкая земская единица» (Санкт-Петербург, 1902-1903), «Нужды деревни по работам комитетов о сельскохозяйственной промышленности» (Санкт-Петербург, 1904), «Аграрный вопрос» (Москва, 1905), «крестьянский строй» (Санкт-Петербург, 1905), «Политический строй современных государств» (Санкт-Петербург, 1905), «конституционное государство» (Санкт-Петербург, 1905). О значимости этих изданий

многое говорит список авторов, привлеченных к работе над сборниками. Среди них были К.К. Арсеньев, П.Г. Виноградов, И.В. Гессен, В.М. Гессен. М.М. Ковалевский, А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милюков, Ф.Ф. Ольденбург, И.И. Петрункевич, А.В. Пешехонов, В.Д. Спасович, А.А. Чупров, А.И. Шингарев и многие другие<sup>722</sup>. Таким образом, наиболее яркие представители русской общественности, многие из которых не имели прямого отношения к земской деятельности, принимали участие в работе над сборниками.

Работа над первым из них, посвященным проблемам народного образования, началась задолго до возникновения самой «Беседы» и, очевидно, подтолкнула будущих «собеседников» к объединению<sup>723</sup>. Сборник вышел лишь в 1902 г., подытоживая дискуссию прошлого года о наказе училищным советам. Неслучайно в январе 1901 г. он стал предметом обсуждения совещания «собеседников» и представителей столичной печати, и издание сборника рассматривалось как часть кампании по формированию общественного мнения в связи с политикой правительства в деле народного просвещения<sup>724</sup>.

На заседании объединения 1 сентября 1901 г. обсуждался план уже нового сборника, в котором должна была быть рассмотрена проблема мелкой земской единицы<sup>725</sup>. Издателями, а, следовательно, ответственными за все организационные вопросы, связанные с выходом в свет проектируемой «Мелкой земской единицы» стали Петр Д. Долгоруков и Д.И. Шаховской. Они приняли чрезвычайно важное, со всех точек зрения, решение, обратившись к недавно возникшей газете «Право» с предложением о сотрудничестве. «В 1901 году “Право” совершенно неожиданно получило новый ценный подарок, оказавший огромное влияние и на мою дальнейшую судьбу и давший возможность, значительно расширить круг литературных связей и познакомиться с целым рядом замечательных людей, воспоминания о коих теперь так приятно согревают хладеющее сердце», – писал в воспоминаниях уже в эмиграции один из редакторов “Права”, а впоследствии член Цк партии кадетов И.В. Гессен. Зимой 1901 г. И.В. Гессен зашел к приятелю и коллеге проживавшему неподалеку Н.И. Лазаревскому. И там «застал у него незнакомца – его рослая, несколько грузная

и все же очень изящная породистая фигура невольно привлекала к себе внимание, а открытое благородное мужественное лицо с пытливыми глазами внушало неотразимое доверие». Это был Петр Долгоруков<sup>726</sup>. Он пришел предложить известному правоведа Н.И. Лазаревскому стать редактором, готовящегося сборника о мелкой земской единице. Лазаревский с радостью соглашался написать статью, но от редакционной работы отказывался. И тут неожиданно появляется И.В. Гессен, которого Лазаревский представляет как подходящего для этой роли человека<sup>727</sup>. Примечательно, что идея сотрудничества с земцами в редакции «Права» была воспринята неоднозначно. По воспоминаниям И.В. Гессена, более всего возражал как раз земский деятель В.Д. Кузьмин-Караваев. Однако, его сопротивление в итоге удалось сломить<sup>728</sup>.

«Вчера видел... Лазаревского, дело сборника по мелкой земской единице налаживается. Такие лица как Спассович (по сильному нездоровью) и Арсеньев (по заваленности работой), вероятно, не возьмутся писать целые главы, а будут лишь руководить молодыми силами и предποшлют им небольшие предисловия. Редакционное совещание назначено на 16 (марта 1902 г. – К.С.) в 8 часов вечера в квартире графа П.С. Шереметева (Фонтанка, собственный дом) и обещает быть довольно интересным. кроме литераторов, будут и несколько земцев. Разумеется, было бы крайне желательно, чтобы и вы были», – писал В.Ю. Скалону П.Д. Долгоруков 8 марта 1902 г.<sup>729</sup> По сведениям Департамента полиции, в указанное время в доме П.С. Шереметева, действительно, имело место собрание. Оно продолжалось с 8 часов вечера до двух часов ночи. Стало известно, что среди присутствовавших были А.Ф. Мейендорф, Д.И. Шаховской, С.А. Корф, А.С. Лаппо-Данилевский, И.М. Страховский, Н.И. Лазаревский, И.Н. Белюстин<sup>730</sup>. Если к этому списку прибавить хозяина дома, П.С. Шереметева, а также, очевидно, присутствовавшего на редакционном совещании П.Д. Долгорукова, то получится следующая картина: участниками этого заседания были четыре «собеседника» (Шереметев, Долгоруков, Шаховской, Мейендорф<sup>731</sup>) и пять литераторов (Лазаревский, корф, Страховский, Лаппо-Данилевский, Белюстин). Согласно дневниковым записям К.К. Арсеньева,

редакционное совещание состоялось и 19 марта опять же в доме графа П.С. Шереметева. Среди присутствовавших, помимо хозяина и самого К.К. Арсеньева, были П.Д. Долгоруков, Н.А. Хомяков, П.А. Гейден, Н.И. Лазаревский, В.Д. Спасович, А.Ф. Мейендорф, Д.И. Шаховской, М.В. Голицын, И.М. Страховский<sup>732</sup>. Соответственно, в этом заседании принимали участие четыре литератора и семь «собеседников». Так что можно говорить о совместной работе земцев и «литераторов» над готовящимся сборником. «Собеседники» вовсе не устранились от возможности определять содержание собственного издания, как это, например, утверждал Т. Эммонс<sup>733</sup>.

И П.Д. Долгоруков после всех договоренностей с редакторами «Права» продолжал подбирать авторов для сборника. Так, в уже цитируемом выше письме к В.Ю. Скалону он просил последнего написать статью о самоуправлении в Финляндии, рассказывал, что на следующий день поедет к П.Н. Милюкову и поговорит с ним о первой главе, посвященной истории местного самоуправления в России. Также П.Д. Долгоруков интересовался адресом П.Г. Виноградова: он рассчитывал обратиться к известному историку по поводу шестой главы об истории местного самоуправления уже в Западной Европе<sup>734</sup>. Эта ситуация сохранилась и в дальнейшем: издатели продолжали играть не последнюю роль в формировании авторского коллектива того или иного сборника. «Для успешности дела было бы разумеемся полезно, если бы Вы могли бы составить хотя бы краткую схему отделов и наметили бы некоторых желательных авторов, – писал Петр Долгоруков С.Л. Толстому 10 сентября 1903 г. – Тогда и мы, общественные деятели, могли бы принять участие в написании некоторых глав, а то и сборник о мелкой земской единице вышел слишком доктринерским»<sup>735</sup>. Иными словами, в обязанностях издателя было как составление примерной программы готовящегося сборника, так и определение кандидатур будущих авторов. Причем, таким образом «собеседники» рассчитывали влиять на общее направление иницилируемого ими издания. С.Л. Толстой последовал совету П.Д. Долгорукова: он составил программу сборника и назвал имена вероятных авторов статей<sup>736</sup>. А, например, программу так и не изданного сборника, посвященного вопросам общественного призрения, составил другой «собеседник», Р.А. Писарев<sup>737</sup>.

При этом издатели принимали участие и непосредственно в редакционной работе. Ничего бы об этом не говорило, если бы не конфликт А.А. Стаховича и Н.Н. Львова, соиздателей сборника «Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Этот вопрос был даже вынесен на обсуждение «Беседы» 30 октября 1904 г. Н.Н. Львов находил «статьи Хижнякова (Василия Васильевича – К.С.) по аграрному и рабочему вопросу резкими и тенденциозными, а потому неуместными в сборнике». А.А. Стахович хотя и признавал правоту слов Львова, тем не менее считал, что достаточно договориться о редакции материалов, представленных В.В. Хижняковым. «Беседа» же постановила «оставить вопрос открытым до прочтения означенных статей в одном из ближайших заседаний»<sup>738</sup>. к какому решению в итоге пришли «собеседники», остается неизвестным. Но, судя по тому, что статья В.В. Хижнякова все же была опубликована, можно предположить, что кружок согласился с А.А. Стаховичем.

Однако, концепция того или иного сборника разрабатывалась не единолично издателем (или же издателями) из числа «собеседников», а скорее была результатом соглашения, договоренности. Совещания, подобные тому, что имело место в Фонтанном доме в 1902 г., предваряли издание и второго тома «Мелкой земской единицы». 15 и 16 марта 1903 г. состоялись очередные редакционные совещания. В первый день должны были быть рассмотрены организационные вопросы. А во второй, как писал Павел Д. Долгоруков С.А. Толстому 5 марта 1903 г., «предположено совещание по выработке нормального типа мелкой земской единицы, в котором примут участие некоторые из составителей изданного сборника (первого тома – К.С.), к которому желательно привлечь из провинции и других лиц. Работавших над этим вопросом, хотя бы и не принадлежащих к числу участников “Бесед”»<sup>739</sup>. Дело в том, что во втором томе сборника предполагалось обозначить те принципы, в согласии с которыми должна была быть организована мелкая земская единица<sup>740</sup>. Сохранилось приглашение на редакционное собрание, назначенное на конец мая 1903 г. Там был указан ряд вопросов, по которым 16 марта удалось договориться.

Так, совещавшиеся пришли к заключению, что мелкая земская единица, по крайней мере, в настоящее время территориально должна совпадать с существующей волостью, что создаваемые волостные земства должны вступать в соглашения между собой для решения общих задач и «вызывать в жизни новые, более дробные группировки, организации и учреждения» (например, церковно-приходские, школьные, экономические попечительства). Также присутствовавшие на том редакционном собрании постановили, что все платящие земский налог должны иметь право участвовать в выборах в волостное земство, а женщины будут пользоваться активным и пассивным избирательным правом наряду с мужчинами<sup>741</sup>. Повестка дня на майское заседание была не менее насыщена. Например, необходимо было прийти к какому-либо решению о порядке выборов руководящих органов мелкой единицы, о применимости того или иного ценза при голосовании, о том, кто может стать председателем местного земского собрания, должны ли быть заседания земского собрания гласными и публичными, как следует выстроить отношения между мелкой земской единицей и уездным земством, кто может быть освобожден от сборов волостного земства и т. д.<sup>742</sup>. Так что наряду с организационными вопросами, связанными с изданием сборника, на подобных собраниях предполагалось обсудить исследуемую проблему по существу и, соответственно, прийти к некоему общему заключению. Редакционные совещания в данном случае имели общественное значение: там представители земских и литературных кругов искали приемлемое для них решение актуальных вопросов русской жизни.

Как впоследствии вспоминал И.В. Гессен, «шумный успех “Мелкой земской единице” естественно породил желание продолжать это дело и весьма соблазнительный материал давало созванное тогда Витте совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». И.В. Гессен предложил П.Д. Долгорукову издать новый сборник, источником для которого могли послужить труды местных комитетов, где обсуждались вопросы, возбужденные С.Ю. Витте. Гессен был приглашен в Москву в особняк Долгоруковых, где должен был выступить перед членами объединения. «...Я вспоминаю угрюмого, фыркающего кн. Волконского (Рязанская губ.), двух

неуравновешенных сангвиников Н.Н. Львова (Саратовская губ.) и А.А. Стаховича (Орловская губ.) и близнеца Петра Долгорукова – Павла (Московская губ.), до курьеза друг на друга похожих не только лицом, ростом, манерами, но и голосом и почерком и если под письмом стояла подпись: П. Долгоруков, то лишь из содержания письма можно было узнать, написано ли оно Петром или Павлом»<sup>743</sup>. Проект И.В. Гессена «собеседниками» был одобрен, и вскоре в Петербурге состоялось совещание земцев и литераторов<sup>744</sup>. 6 февраля 1903 г. на заседании «Беседы» П.Д. Долгоруков отчитывался перед коллегами о проходивших собраниях (по всей видимости, они имели место незадолго до этого). Он рассказывал о недавних двух встречах земских деятелей и литераторов, посвященных проектируемым сборникам. Среди участников совещания были Н.Ф. Анненский, П.Н. Милюков, А.В. Пешехонов, Г.И. Шрейдер. «Беседу» же представляли П.Д. Долгоруков, Н.Н. Львов, А.А. Стахович. Собравшиеся обсуждали возможность издания двух сборников: о финансовом кредите и о сельскохозяйственных комитетах<sup>745</sup>. Согласно И.В. Гессену, программу работы над вторым сборником представил его помощник М.И. Ганфман. Вскоре С.Ю. Витте по просьбе И.В. Гессена выслал материалы местных комитетов, и началась их обработка<sup>746</sup>.

Идея опубликовать материалы, связанные с проблемами финансового кредита, так и не была реализована. Работа же над «Нуждами деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» протекала по тому же алгоритму, который был задан год назад, в период подготовки к изданию «Мелкой земской единицы». После того, как «Беседа» определялась с темой будущего сборника, устраивалось совместное совещание «собеседников» и представителей литературных кругов Петербурга. Там разрабатывалась программа и общие идеи, которые должны были лечь в основание предстоящего издания. Затем издатели-«собеседники» совместно с редакцией «Права» определяли список авторов. Редакционная работа лежала на газете-журнале «Право». Значимость сотрудничества с этим столичным изданием была четко определена в письме Павла Долгорукова от 5 июня 1904 г. к С.А. Толстому:

«Я полагал бы тем не менее лучше вновь выпустить... наш сборник (“крестьянский строй” – К.С.) под фирмой “Права”, во-первых, ввиду того, что для нашего юридического сборника такая связь и традиция принципиально желательна, а, во-вторых, большинство авторов (каминка, Страховский, Мейендорф, Набоков, И. Гессен, Леонтьев) постоянные сотрудники “Права”. кроме того, редактирование тоже делают участники “Права” (Гессен и каминка)»<sup>747</sup>. По всей видимости, письмо было написано в ответ на недовольство С.Л. Толстого, что номинальный соиздатель сборника финансово никак не помогает его публикации. «Но я Вам должен сказать, – отвечал П.Д. Долгоруков, – что “Право” являлось не соиздателем, а редактором, но этого нельзя было поместить на обложке, т.к. неудобно было бы сказать “под редакцией газеты “Право””. Поэтому ни на какие денежные комбинации они не идут, да насколько я знаю, и не могут идти...»<sup>748</sup> Так что финансовая сторона дела обеспечивалась исключительно «Беседой»<sup>749</sup>.

«Беседа» постановила просить участников кружка привлечь пайщиков к изданию сборника, для чего разослать программу сборника членам «Беседы», которых просить заявление о желании вступить пайщиком по изданию сборника направлять к кн. Петру Долгорукову<sup>750</sup>. Таким образом, объединение собирало искомую сумму. Причем, деньги вносили не только «собеседники», но и их хорошие знакомые. Например, большие суммы на сборник «крестьянский строй» внесли граф Воронцов-Дашков и граф С.В. Орлов-Давыдов: каждый по тысяче рублей. Учитывая, что общая сумма взносов на издание этого сборника составила 5650 рублей, 2 тысячи – весьма значимый вклад<sup>751</sup>. кроме того, «собеседники» формировали издательский фонд, из которого в случае крайней необходимости можно было взять деньги на подготовку того или иного сборника<sup>752</sup>. Правда, по словам Павла Д. Долгорукова, лишь четверть «собеседников» делали взносы на издательские нужды<sup>753</sup>.

Вплоть до 1905 г. никаких формальных правил, определявших финансовую ответственность «собеседников» за издательские проекты, осуществляемые под эгидой объединения, не было, хотя идея учредить издательское товарищество «Беседа» возникла, по крайней мере, в 1903 году. 5 марта 1903 г. Павел

Д. Долгоруков писал С.Л. Толстому, что 15 марта, на редакционном совещании, как раз предполагалось обсудить, а, может быть, даже и утвердить проект устава товарищества<sup>754</sup>. Вопрос об учреждении этого товарищества обсуждался и на заседании «Беседы» 12 января 1904 г. Предполагалось, что члены кружка станут автоматически пайщиками издательства, и, соответственно, каждый будет нести финансовую ответственность как участник товарищества. Против такого подхода возражал Р.А. Писарев: «...Неправильно было “Беседе” постановить считать членами “Беседы” лишь участников издательского товарищества. Это во всяком случае неправильно по отношению к старым участникам “Беседы”». Д.И. Шаховской возражал, что предполагаемая ответственность в 100 рублей не столь велика, а «товарищество создает большую внутреннюю связь между членами “Беседы”». Однако, объединение приняло предложение Петра Долгорукова: «...Признано не считать обязательными участниками товарищества участников “Беседы”, вступивших в нее до 12 января 1904 г., но применять эту обязательность ко всем будущим участникам “Беседы”». Д.И. Шаховскому было поручено переговорить с опытным юристом и выяснить правовую сторону дела организации товарищества<sup>755</sup>. На заседании 8 января 1905 г. вновь был возбужден вопрос о товариществе. Павел Долгоруков настаивал на том, что необходимо, наконец, юридически оформить его. В.А. Маклаков обещал взяться за это дело<sup>756</sup>. И, судя по тому, что, начиная с 1905 г., сборники уже выходили под маркой издательства «Беседа», усилия Маклакова оказались не напрасными.

Сборники, издаваемые «Беседой», пользовались большой популярностью и получали общественную значимость. Как вспоминал И.В. Гессен, после издания «Мелкой земской единицы» со всех сторон приходили телеграммы с просьбой немедленно прислать как можно больше экземпляров, и буквально через две недели пришлось приступить к печатанию второго издания<sup>757</sup>. Естественно, актуальность проблематики, громкие имена авторов привлекали читателя. Но все же была еще одна причина, придавшая особый вес этим сборникам в глазах политически активной общественности. В силу своеобразия подготовительной работы у всех сборников «Беседы» была отлични-

тельная черта: им было свойственно концептуальное единство. Практически во всех статьях так или иначе ненавязчиво проводилась общая для издания идея<sup>758</sup>. Иными словами, любой такой сборник отчасти имел характер пропагандистского материала. И неслучайно, например, то, что на заседании «Беседы» 25 августа 1903 г. С.Л. Толстой, рассказывая о работе над сборником «крестьянский строй», говорил о необходимости опубликовать его до начала работы иницилируемых В.К. Плеве местных комитетов по разработке аграрных преобразований<sup>759</sup>. Очевидно, Толстой рассчитывал, что подготавливаемый им сборник должен оказать влияние на общественное мнение и, в том числе, на участников планируемых совещаний.

Концептуальная целостность и идеологическая направленность – характеристики и самого первого сборника «Беседы», изданного еще без участия сотрудников «Права». «к чему изменять существующее? Училищные советы задуманы прекрасно. Это смешанные общественно-административные организации, и если они имеют недостатки, то во всяком случае не уничтожать их полуобщественный, близкий к местным потребностям и нуждам характер, а развивать и воспитывать. Не при таких отношениях к местным органам можно ожидать процветанье их. когда общество так мало привыкло еще к жизненной самостоятельности, все усилия должны быть направлены к особенному ее развитию и процветанию. Убейте нашу зарождающуюся самостоятельность, сделать это очень легко и просто, но результаты при все усложняющейся у нас жизни сказаться не замедлят», – по существу, к этим словам П.С. Шереметева, сказанным 20 марта 1901 г., и сводится содержание сборника «Всеобщее образование в России»<sup>760</sup>. Позиция Шереметева, вызванная недовольством министерским наказом училищным советам, развивалась так или иначе в различных статьях этого сборника. Например, А.А. Штевен в статье «Чему учить в народной школе?» писал об огромном вреде школьному делу, который может нанести попытка Министерства народного просвещения регламентировать учебный процесс<sup>761</sup>. А.Н. Блинов говорил о необходимости предоставить земским учителям больше возможностей для проявления частной инициативы. Поэтому, по его мнению, надо способствовать самоорганиза-

ции учительских объединений, товариществ. Таким образом можно упрочить положение этой профессиональной корпорации<sup>762</sup>. Иными словами, ради пользы дела, важно дать окрепнуть самому обществу. Другой автор сборника, М.Н. Бычков, посвятил свою статью колоссальным успехам земства в деле народного образования: именно благодаря усилиям органов местного самоуправления количество людей, получающих образование, с каждым годом неуклонно увеличивалось<sup>763</sup>. Иными словами, в школьном деле эффективна как раз общественная самодеятельность, против которой направлены последние инициативы Министерства народного просвещения.

В сборнике «Мелкая земская единица» современное положение земства рассматривалось совсем в иной плоскости. С точки зрения теории права<sup>764</sup>, на примере других стран<sup>765</sup>, путем анализа настоящей правовой ситуации<sup>766</sup> демонстрировалась ненормальность положения органов местного самоуправления. И, соответственно, утверждалась идея реформирования политической системы с целью гармонизации отношений земства и коронной администрации<sup>767</sup>.

Казалось бы, сборник «Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» должен быть о совсем иной сфере деятельности человека – экономике и, в частности, аграрном вопросе. Однако, составители сборника смотрели на деревню под особым углом. В двух изданных томах практически одна статья А.В. Пешехонова была посвящена острой земельной нужде крестьянства<sup>768</sup>. Выделялась также статья И.М. Страховского, где ставился вопрос о праве крестьян выходить из общины<sup>769</sup>. Остальные авторы сконцентрировались на другой проблеме: правовой. Так, П.Н. Милюков, обобщая выводы местных комитетов, утверждал, что правовое бесправие, ограничение самодеятельности, стеснение творчества – основные причины упадка сельского хозяйства<sup>770</sup>. И общество «может спокойно и уверенно ждать, пока жизнь сделает за него то, что оно само сделать не может: устранить тлетворное действие сил, ему противоположных. Тогда очередь будет за живыми силами земской России»<sup>771</sup>. Так что причина всех бед – внешние обстоятельства, иначе говоря, политический режим. Он неизбежно падет, а альтернативой

ему может стать общественное самоуправление, на основе которого должна быть сконструирована новая модель государственной власти. За введением П.Н. Милюкова, предварявшим все издание, следовала статья В.М. Гессена «Основы правопорядка», где мысли историка подкреплялись уже с юридической точки зрения: «Там где правовой порядок почти отсутствует, а господствует произвол, невозможна правильная экономическая деятельность, а, вместе с тем, невозможно и прочное благосостояние населения»<sup>772</sup>. Далее следовало требование гражданских и публичных прав народу, так как только свобода личности и ответственность правительства могут стать залогом поступательного развития общества во всех отношениях<sup>773</sup>. И неминуемо следовал вывод: без политической реформы аграрные преобразования немыслимы<sup>774</sup>. Остальные статьи представляли собой вариации на эту тему. В.А. Розенберг, подводя итог статье, посвященной проблеме земских начальников, цитировал постановления комитетов, где говорилось о введении в той или иной форме представительных учреждений<sup>775</sup>. И.В. Гессен ставил под сомнение возможность отстаивать законность при сохранении самодержавия<sup>776</sup>. А Г.И. Шрейдер, ссылаясь на труды сельскохозяйственных комитетов, утверждал, что основная беда деревни – это ограничение прав органов местного самоуправления<sup>777</sup>. А.А. Чупров, защищая крестьянскую общину, клеймил бюрократический подход к решению аграрного вопроса<sup>778</sup>. Н.Ф. Анненский, рассуждая о финансовой политике государства по отношению к селу, писал, что экономическая линия страны только тогда будет соответствовать чаяниям народа, когда сам народ будет принимать участие в ее выработке<sup>779</sup>. Так что большинство статей этого сборника было посвящено политико-правовым аспектам аграрного вопроса. В итоге выходило, что без преобразования государственного строя решить социально-экономические вопросы представлялось невозможным.

Сборник «крестьянский строй», работа над которым продолжалась с 1903 по 1905 гг.<sup>780</sup>, фактически являлся логическим продолжением предыдущего сборника «Беседы» «Нужды деревни...» Удалось издать только первый том «крестьянского строя». Судя по программе сборника, составленной

С.А. Толстым, издание должно было быть полностью посвящено проблеме правового статуса крестьянства<sup>781</sup>. В первом томе была освещена история вопроса. А.С. Лаппо-Данилевский, осветивший свой очерк истории крестьянства вплоть до начала девятнадцатого века, приходил к выводу, что большинство населения России в итоге оказалось абсолютно бесправным, а благоденствует та страна, где господствует мир и спокойствие, а не тишина и устройство<sup>782</sup>. Необходимость решения крестьянского вопроса сознавалась еще в восемнадцатом веке, продолжал В.И. Семевский. Однако, власть предрешающие пришли к этому заключению лишь под давлением внешних обстоятельств и, прежде всего, из-за крестьянских волнений<sup>783</sup>. По мнению А.А. Корнилова, написавшего третью главу для сборника, крестьянская реформа, реализованная правительством, при всем ее положительном эффекте представляла собой замещение помещичьего контроля чиновничьим<sup>784</sup>. В результате проблема бесправия крестьян оставалась актуальной и по сей день, утверждал И.М. Страховский<sup>785</sup>. Таким образом, вырисовывалась картина полнейшего бесправия большинства населения страны, основной причиной которого была политика властей.

В 1904 г. «собеседники» подготавливали еще один сборник – «Политический строй современных государств»<sup>786</sup>. Он вышел в 1905 г. и полностью соответствовал духу времени: в нем ясно была выражена политическая программа конституционалистов. М.А. Рейснер во введении проводил аналогии между современным положением России и ситуацией во Франции в год свержения абсолютизма, в 1789 г.<sup>787</sup> В статье «Избирательное право» Рейснер отстаивал «четырёххвостку» (прямое, всеобщее, равное и тайное избирательное право), исходя из теоретических построений о народном суверенитете<sup>788</sup>. В.М. Гессен утверждал, что только в случае разделения властей в стране могут восторжествовать принципы правового государства<sup>789</sup>. История Великобритании говорила другому автору сборника, П.Г. Виноградову, что политические свободы неотделимы от гражданских<sup>790</sup>. А П.Н. Милюков отсылал всех сомневающихся в возможности существования конституционного режима в России к болгарскому опыту<sup>791</sup>. Своеобразие содержания этого сборника свидетельствует о серьезном кризисе

«Беседы», о котором подробно речь пойдет ниже. Издания кружка теперь уже более или менее отражают позицию не всего объединения, а лишь одного его крыла. Примечательно, что одним из издателей сборника стал И.И. Петрункевич, человек не входивший в «Беседу», так как члены объединения опасались, что приверженец столь радикальных взглядов накалит обстановку на заседаниях кружка и, тем самым, будет только мешать поиску компромисса между различными земскими кругами. А теперь ему вместе с П.Д. Долгоруковым было доверено заняться одним из издательских проектов «Беседы».

Последних два сборника только по формальным основаниям можно отнести к изданиям «Беседы». Судя по всему, их подготовка началась тогда, когда кружок доживал последние дни и представлял собой совсем иную организацию, нежели в свои лучшие годы<sup>792</sup>. Само название одного из этих сборников должно было претить «собеседникам»-неославянофилам: «конституционное государство». Впрочем, среди издателей «конституционного государства» не было ни одного «собеседника»: это были И.В. Гессен и А.И. Каминка. Иными словами, руководство этим проектом полностью находилось в руках редакции «Права». Другой сборник «Аграрный вопрос» издавали П.Д. Долгоруков и опять же И.И. Петрункевич. «Вопрос о праве принудительного отчуждения земельного имущества в принципе не может в настоящее время встречать возражений, так как современное государство отрешилось от идеи священной и неприкосновенной собственности. Оно вторгается во все имущественные отношения в видах общественного блага, и такое вторжение имеет тенденцию к расширению, а не сокращению», – писал во введении И.И. Петрункевич, по существу, отражая общую позицию авторов сборника<sup>793</sup>. В статьях М.Я. Герценштейна, А.А. Кауфмана, А.А. Мануйлова так или иначе доказывалась правомерность принудительного отчуждения частновладельческой земли<sup>794</sup>. Высказанные в этом сборнике идеи впоследствии нашли свое выражение в программе партии кадетов. Однако, не только консервативное крыло «Беседы», но и умеренные конституционалисты, вроде Гейдена, столь любившие рассуждать о возможной стабилизирующей роли частного землевладения в политической системе России,

позицию авторов «Аграрного вопроса» поддержать не могли. И на совещании земцев по аграрному вопросу 27-29 апреля 1905 г. такие «собеседники», как Е.Н. Трубецкой, Ф.В. Татаринов, Н.С. Волконский, высказались резко против проекта М.Я. Герценштейна и А.А. Мануйлова, позиция которых фактически и отстаивалась в сборнике<sup>795</sup>.

Сборники, издававшиеся при непосредственном активном участии «Беседы», имели большое общественное значение, не считая, конечно, того, что там были помещены интересные статьи по насущным вопросам весьма уважаемых авторов. По признанию Д.И. Шаховского<sup>796</sup>, И.В. Гессена<sup>797</sup>, благодаря этим издательским проектам, удалось наладить тесное взаимодействие представителей земской оппозиции и «неземской» интеллигенцией. Показательно, что идея такого сотрудничества изначально была спорной. Однако, потом удалось привлечь к общей работе людей очень не похожей биографии. Так, среди авторов, приглашенных «собеседниками», был будущий эсер Г.И. Шрейдер, большевик М.А. Рейснер, лидер марксистской школы историков М.Н. Покровский, один из основателей народно-социалистической партии А.В. Пешехонов. Но, прежде всего, получилось установить личные связи между людьми, в недалеком будущем составившими ядро партии кадетов.

Итак, «собеседники», исходя из понимания того, что в сложившихся условиях основным находившимся в их распоряжении инструментом воздействия на власть было общественное мнение, пытались сформировать его с помощью «живого и печатного слова». Можно выделить три основных тактических приема, которые использовались «Беседой». Во-первых, инициирование того или иного обращения земских собраний к власти (в виде ходатайств, адресов, особых мнений и т.д.). Во-вторых, непосредственное общение и взаимодействие представителей органов местного самоуправления и высших правительственных чиновников. В-третьих, использование периодических органов печати и собственная издательская деятельность. По сути дела, имея весьма ограниченные возможности отстаивать собственную точку зрения при принятии политических решений, «Беседа» стремилась извлечь максимум

из того минимума, которым она располагала. Соответственно, она должна была исходить из реальной политической ситуации, а не принимать желаемое за действительное и стараться достигнуть того, что было на тот момент недостижимо. Пытаясь вовлечь в политический процесс общественное мнение, что по идее должно было бы изменить расклад сил на политической сцене, «собеседники» тем не менее рассчитывали играть по уже сложившимся правилам, «взламывая» изнутри систему, заставляя власть сдавать одну позицию за другой, идти, казалось бы, на отдельные, частные уступки, которые в итоге качественно изменили бы ситуацию в целом. Таким образом, надежда на диалог с властью предопределила ставку «собеседников» на эволюционную модель развития страны. Модель же конфронтационных взаимоотношений с правительством в «Беседе» не разрабатывалась. Так что тактика объединения была рассчитана на ситуацию относительной стабильности, когда власть контролирует положение и является основным игроком, которого нельзя не учитывать. Оппозиции остается лишь искать возможности оказания давления на властную элиту, отвоевывая тем самым и для себя политическое пространство.



## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

### От протопартии к партиям

#### *§1. Политический кризис 1904 г.*

«Львов (Г.Е. – К.С.) мне рассказывал... о расколе в “Беседе”. Я надеюсь, что это временно и что все истинно русские дружно примутся за созидательную работу на местах и за попытки влиять на верху. Нельзя медлить и ссориться, когда впереди, несомненно, огромное дело», – писал один из «собеседников» князь М.В. Голицын, предводитель дворянства Епифанского уезда Тульской губернии, Р.А. Писареву 4 февраля 1904 г.<sup>798</sup> Очевидно, мысль о расколе возникла у Г.Е. Львова на недавнем заседании кружка 11 января 1904 г. В тот день «собеседники» обсуждали возможность превращения «Беседы» в партию. Однако, как обычно присутствовавшие сошлись на желательности сохранения status quo<sup>799</sup>. Для отсутствовавшего на последних трех «сессиях» объединения Г.Е. Львова эта дискуссия, вероятно, и казалась чем-то из ряда вон выходящим<sup>800</sup>. Но все же в тот раз «собеседникам» удалось прийти к общему мнению<sup>801</sup>. Полгода спустя это будет практически невозможным: события в стране будут развиваться столь стремительно, что сам характер общественного движения будет меняться на глазах, прежние формы политической активности общества, сложившиеся во времена относительной стабильности, будут уже недостаточными, а, соответственно, не будет подходить тактика «Беседы», механизм принятия ей решений.

Спустя две недели после январских заседаний «Беседы», 26 января 1904 г., началась русско-японская война. Для некоторых земцев это был тревожный знак скорых внутренних потрясений. Согласно воспоминаниям Т.И. Полнера, председатель тульской губернской управы Г.Е. Львов, побывавший в марте месяце в Петербурге, вынес впечатление, что в правительственных сферах никто не ждал, да и не хотел войны, кроме В.К. Плеве, мечтавшего с помощью военных успехов расправиться с «микробом общественного скандала»<sup>802</sup>. В цитируемом выше письме М.В. Голицына есть такие строки: «Страшно становится за все, что может произвести эта война.

И нужно всеми силами готовиться к созидательной работе. К сожалению, велика опасность, что место (существующей бюрократии – К.С.) займут люди с дурной репутацией и заберут власть не лучше теперешней бюрократической. Вряд ли можно рассчитывать на ход событий, подобный после севастопольских (событий – К.С.), когда необходимость реформ была признана сверху»<sup>803</sup>. Иными словами, М.В. Голицын в самом начале войны, еще в феврале 1904 г. ожидал скорой смены политической элиты. Земская оппозиция, по его мнению, должна была заблаговременно об этом подумать, дабы она могла повлиять на исход дела<sup>804</sup>.

Однако, не столько война, сколько ужесточение политики правительства по отношению к земству стало катализатором процессов, проистекавших в обществе. Согласно американскому исследователю Э. Джаджу, началом 1904 г. можно датировать поворот в политике В.К. Плеве: с этого времени министр внутренних дел отказался от поиска каких-либо компромиссов с общественностью и перешел к исключительно репрессивным методам воздействия на земскую Россию<sup>805</sup>. Примечательно, что начало года ознаменовалось административным закрытием двух многочисленных съездов общественности в Петербурге, пиროговского и по техническому и профессиональному образованию<sup>806</sup>. Плеве уже не собирал в столице земцев в качестве экспертов по вопросам местного хозяйства, что он иногда делал в прошлом году, а если и приглашал кого-либо из земских деятелей, то беседа с министром уже не носила доверительного характера. 15 февраля 1904 г. на заседании «Беседы» Д.И. Шаховской рассказал собравшимся о своем недавнем разговоре с Плеве. Министр без обиняков заявил Шаховскому, что деятельность последнего вполне заслуживает ссылки в какую-нибудь отдаленную губернию. Плеве уже докладывал об этом императору, однако государь, учитывая большие заслуги семьи перед отечеством, пока не дал на то согласие и все же уполномочил министра выслать Шаховского, если тот будет продолжать прежнюю деятельность<sup>807</sup>. «Я ни на кого и ни на что не посмотрю... я вас туда загоню, куда Макар телят гоняет... Я вас в бараний рог согну», – передавала слова министра А.В. Тыркова-Вильямс, разговарившая с Д.И. Шаховским сразу

же после его беседы с В.К. Плеве. Д.И. Шаховской «не вошел, а влетел в мой (Тырковой – К.С.) кабинет, но на этот раз в нем не было и тени радостной шутливости. Он был в бешенстве. Я никогда не видела Шаховского, охваченного таким негодованием. Он запер за собой дверь, точно за ним кто-то гнался, и, в упор глядя на меня ясными сияющими глазами, отрывисто сказал: “Плеве надо убить”. Мне стало жутко. Слово “убить” совсем не вязалось с обликом этого подлинного человеколюбца, этого бывшего толстовца. Что произошло между ним и министром, чтобы довести мягкого, тонкого, благовоспитанного Дмитрия Ивановича до такого иступленного выкрика?»<sup>808</sup>

Министерство внутренних дел сделало целый ряд недружественных шагов по отношению к земству. Так, В.К. Плеве всячески старался помешать созданию общеземской организации помощи раненым на войне. Правда, в этом отношении он потерпел неудачу: Г.Е. Львов, добившись аудиенции у Николая II, получил высочайшее одобрение инициативы земских деятелей<sup>809</sup>. Плеве отказался утвердить в качестве председателя вологодской губернской земской управы В.А. кудрявого<sup>810</sup>. Но, пожалуй, наибольшее впечатление произвело неутверждение Д.Н. Шипова, избранного в очередной раз председателем московской губернской земской управы. «Время ужасно тяжелое, – писала общественная деятельница, сестра Н.Н. Львова В.Н. Бобринская Р.А. Писареву 1 мая 1904 г., – но я не могу не отметить все-таки отрадное явление большей сплоченности. Неутверждение Шипова... связало всех, и даже люди совсем различных убеждений соединились в негодовании. Недовольство и открытый ропот общий, личность Плеве становится легендарно ненавистной”. Далее В.Н. Бобринская передавала слова Г.Е. Львова, недавно вернувшегося из Петербурга, будто бы и государь и его мать Мария Федоровна также настроены против Плеве, хотя, при этом, они «ничего не понимают»<sup>811</sup>. Земцы же, рассказывала Бобринская, готовились к отпору. На квартире предводителя дворянства П.Н. Трубецкого проходили частные совещания с целью выработки консолидированного решения московского земского собрания по этому вопросу. Выявились два течения: одни предлагали отказаться от выборов и уйти управе в знак протеста в отставку, другие, в том

числе и П.Н. Трубецкой, считали более целесообразным подать адрес на имя императора с просьбой восстановить в должности Д.Н. Шипова. В.Н. Бобринская особенно отмечала, что среди сторонников радикального решения был и московский голова князь В.М. Голицын, «который показал себя молодцом за все это время»<sup>812</sup>. Настроения в московском земстве настолько радикализировались, что позиция П.Н. Трубецкого, которая год назад показалась бы чрезвычайно смелой, теперь выглядела уже слишком умеренной. В итоге земцам все же пришлось смириться и выбрать нового председателя управы. Им стал давний сотрудник Д.Н. Шипова, член кружка «Беседа» Ф.А. Головин, который, вступая в должность, вполне сознательно бросил вызов правительству, заявив, что во главе московского земства он продолжит линию своего предшественника<sup>813</sup>.

«Беседа» также откликнулась на столь значимое событие. На заседании 14 мая 1904 г. было постановлено собрать на местах как можно больше подписей под адресом Д.Н. Шипову, в котором выражалось бы ему сочувствие, и организовано через Ю.А. Новосильцева переслать документ бывшему председателю управы. Помимо этого, было решено возбудить на предстоящих земских собраниях ходатайства о том, «чтобы избираемые земством из своей среды должностные лица вступали в исполнение своих обязанностей, по аналогии с мировыми судьями, немедленно по избранию, а затем утверждались в должностях Правительствующим Сенатом...» Также было признано желательным, чтобы члены «Беседы» и, в принципе, гласные земских собраний, приняли участие в организуемых земскими служащими кассах взаимопомощи «на случай неутверждения или удаления их с занимаемых в земском самоуправлении должностях»<sup>814</sup>. Иными словами, в ответ на неутверждение Д.Н. Шипова, земцы, согласно проекту «Беседы», должны были развернуть целую кампанию как в поддержку опального председателя управы, так и с целью недопущения подобной ситуации в будущем.

Слухи же о радикализации настроения в самых «высших сферах», которые передавал В.Н. Бобринской Г.Е. Львов, циркулировали в различных кругах общества. Так, 2 апреля 1904 г. сам В.К. Плевэ в личном разговоре с А.А. Киреевым намекнул

на то, что в пользу конституции теперь выступали некоторые члены царской семьи, правда, при этом не уточнив, кто именно<sup>815</sup>. Во время той беседы А.А. Киреев поделился с министром своими соображениями о надвигающейся опасности перерастания общественного недовольства в нечто большее и о необходимости предупредить ее. Сам В.К. Плеве был настроен оптимистично: никакой опасности он не видел, был уверен в поддержке правительства народом, да и исторический опыт России, по его мнению, не говорил в пользу столь пессимистичного прогноза – сколько раз ожидали революции, а так ничего и не случилось<sup>816</sup>.

«Вообще последние времена. И как быстро все совершается, какой громадный внутренний переворот у нас на глазах назревает», – писал один из «собеседников», профессор Московского университета С.Н. Трубецкой своему брату Е.Н. Трубецкому<sup>817</sup> в июне 1904 г.<sup>818</sup> 15 июля 1904 г. в 10 часов утра прогремел взрыв, очевидно, ускоривший процесс радикализации общества: в тот день В.К. Плеве был убит членом боевой организации эсеров Е.С. Сазоновым. Это породило новые надежды на смену курса и либерализацию внутренней политики. «как ни ужасно, но убийство Плеве у всех вызвало вздох облегчения, а у многих радость, и, пожалуй, прежде всего, в рядах самой бюрократии, непосредственно знавшей и чувствовавшей, что, как выразился крыжановский (С.Е. – К.С.), с Плеве никакого дела иметь нельзя было», – впоследствии вспоминал И.В. Гессен<sup>819</sup>. «Но ведь Россия – не революционерка, и она, действительно, нуждается в глубоких улучшениях жизни. Он же (В.К. Плеве – К.С.) не хотел ничего делать. Почему? Да, вероятно просто потому, почему и все министры не хотят: не желают уменьшать своей власти, не хотят перестать быть владыками над царем и народом», – 9 августа 1904 г. записал в дневнике публицист «Московских ведомостей», один из идеологов консерватизма Л.А. Тихомиров<sup>820</sup>. Примерно в это же самое время член «Союза Освобождения» М.В. Челноков в письме к Д.Н. Шипову делился своими надеждами на коренное преобразование государственного строя, а Д.Н. Шипов, отвечая товарищу, рассказывал, что «в Москве видел графиню В.Н. (Бобринскую – К.С.), носится по городу и повсюду ораторствует о необходимости общественным пред-

ставителям подать коллективное заявление государю, что он должен разделить ответственность перед страной и представителями общества и что должно быть немедленно учреждено временное правительство»<sup>821</sup>. О серьезных преобразованиях думали и в «высших сферах». Так, согласно записи в дневнике А.С. Суворина от 4 августа 1904 г., через два–три дня после гибели В.К. Плеве министр юстиции Н.В. Муравьев во время доклада императору обрисовал отчаянное положение в России, указал на деспотический характер власти покойного министра внутренних дел и говорил о неотложности реформы системы управления страной<sup>822</sup>.

Соответственно, в общественных кругах ожидали нового министра, способного предложить реальную альтернативу политике В.К. Плеве. Неслучайно, что назывались имена И.А. Горемыкина, запомнившегося в качестве политика «проземской» ориентации<sup>823</sup>, и его оппонента конца 1890-х годов С.Ю. Витте, считавшегося основным противником В.К. Плеве<sup>824</sup>. Однако, 25 августа был назначен князь П.Д. Святополк-Мирский. А.А. Киреев, имевший с ним беседу 13 августа (т.е. за две недели до назначения), остался крайне высокого мнения об этой кандидатуре, и рассчитывал, что как раз Святополк-Мирскому удастся провести преобразования в духе славянофильской теории<sup>825</sup>. И, действительно, уже при назначении новый министр изложил государю целую программу реформ, которая полностью соответствовала чаяниям публицистов славянофильского толка<sup>826</sup>.

Политическая ситуация становилась значительно более благоприятной для земского движения, и в результате становилась неизбежной его активизация. Уже на 8 сентября на квартире Ф.А. Головина было запланировано заседание организационного бюро земских съездов с целью обсуждения настоящей ситуации, а также возможности проведения нового общеземского собрания<sup>827</sup>. Так что очень своевременно собрались и «собеседники»: 31 августа и 1 сентября 1904 г.

Восстанавливая психологическую атмосферу августа 1904 г., в значительной мере предопределившую характер тех заседаний «Беседы», было бы неверным упускать из вида фактор войны, серьезно повлиявший на общественные настроения. Дело

в том, что нарастание общественного недовольства внутренней ситуацией в стране происходило на фоне крупных военных неудач на Дальнем Востоке. «Вести с Дальнего Востока действуют удручающе и страшно думать, как... эта война кончится, не видишь никакого выхода», – 27 августа писал Д.Н. Шипов<sup>828</sup>. В не меньшем отчаянии пребывал и издатель весьма лояльного к правительству «Нового времени» А.С. Суворин: в своей дневниковой записи от 21 августа он сравнивал поражение при Лаояне с Седаном, говорил о фактическом конце кампании, об уничтожении всего флота и половины армии и, наконец, о крахе самодержавия, о бессильном монархе, не способном вырваться из-под власти всесильных бюрократов<sup>829</sup>. Драматизм положения России на Дальнем Востоке был известен «собеседникам» не понаслышке: многие из них (Г.Е. Львов, Н.Н. Ковалевский, Д.Н. Шипов<sup>830</sup>, П.С. Шереметев<sup>831</sup>, Д.А. Олсуфьев<sup>832</sup>, Павел Д. Долгоруков, Н.Н. Львов<sup>833</sup>) принимали активное участие в работе общеземской организации помощи раненым. Так что политическая ситуация в стране рассматривалась участниками «Беседы» не в свете радужных перспектив скорой реформы «сверху», а в контексте кризисных явлений, ясно обозначившихся в результате провала внешнеполитического курса государства. Однако саму природу этого кризиса «собеседники» воспринимали по-разному.

«Основной вопрос в том, все ли еще не время делать правительству заявления по случаю войны или пора, наконец, перейти в наступательное действие. Довольно уже, казалось бы, земства проявили “казенный патриотизм”, пора сознательно отнестись к тому, что делается», – так Петр Д. Долгоруков открыл заседание «Беседы» 31 августа 1904 г.<sup>834</sup> какое именно заявление должны были сделать «собеседники», пояснил Д.И. Шаховской: «Надо только сговориться, насколько мы переживаем критический момент теперь, что раскрывается все бессилие политического режима. Победить мы не можем, или победа будет стоить уж слишком больших жертв»<sup>835</sup>. Фактически о том же говорили Н.Н. Львов, В.А. Маклаков, С.Л. Толстой, П.Д. Долгоруков<sup>836</sup>. Ю.А. Новосильцев же заявил, что вопрос о мире, по сути дела, вторичен по своему значению, а «центр тяжести в том, что условия, в которых мы живем, невозможны

и дальше так жить нельзя»<sup>837</sup>. Таким образом, радикальное крыло «Беседы» настаивало на том, что война выявила кризис политического режима и речь идет не о частных неудачах военного командования или администрации, а о полной неспособности руководства страны принимать эффективные решения. В данной ситуации общество должно было приложить все силы для выхода России из обострившегося кризиса, и, в первую очередь, необходимо было решить ключевой вопрос, политический. При этом из выступлений «собеседников» вытекало, что положение вещей крайне благоприятствовало активизации оппозиции. Издатель «Освобождения» П.Б. Струве говорил об этом вполне откровенно. «Они (власть – К.С.) это не понимают. А войну поймут. Их надо бить по голове палкой. Японцы и будут нашей палкой. Петр Бернгардович (Струве – К.С.) выкрикивал эти фразы, вертясь на стуле, выглядывая исподлобья, нервно хватая со стола, то нож, то стакан чая», – 3 августа 1904 г. записала в дневнике А.В. Тыркова<sup>838</sup>.

Эта точка зрения не встречала единодушного одобрения «собеседников». «Я лично того мнения, что мир сейчас совсем и нежелателен, – говорил В.М. Петрово-Соловово. – Победа наша вполне возможна и, безусловно, необходима: надо завоевать Манчжурию, чтобы не допустить японцев занять первенствующее положение на Дальнем Востоке, и, во всяком случае, нельзя кончать войну поражением русского оружия. И невозможно также во время военных действий делать общественные манифестации». П.А. Гейден хотя и занимал более умеренную позицию, но все же, в целом, соглашался с В.М. Петрово-Соловово: через некоторое время Россия могла бы добиться лучших условий мира, так что в данный момент было бы неправильным идти на переговоры; единственное, что, по мнению Гейдена, общественные деятели могли требовать от правительства в данных условиях, так это общественного контроля за распределением финансов – «пусть общественные представители участвуют в регулировании финансовых ресурсов страны»<sup>839</sup>. При всей смелости этого требования, по сравнению с заявлениями П.Д. Долгорукова, Ю.А. Новосильцева, И.П. Демидова, Н.Н. Львова<sup>840</sup>, открыто призывавших «собеседников» настаивать на учреждение представительного собрания, его отлича-

ла недосказанность, позволявшая по-разному интерпретировать тезис Гейдена. Однако, в скором времени сам П.А.Гейден снял многие вопросы. На том же заседании «Беседы» он высказал мысль о неуместности народного представительства в настоящее время, так что институциональное оформление «финансового регулирования» должно было происходить в рамках действующей политической системы и вовсе не предполагало ее коренной ломки<sup>841</sup>. Политические требования правительству, предъявляемые в данных условиях П.А.Гейденом, не простирались слишком далеко. И позиция его и В.М.Петрово-Соловова можно сформулировать примерно следующим образом: военные неудачи не были фатальными для страны, Россия могла добиться успехов на Дальнем Востоке. Из этого следовало, что нельзя так или иначе мешать собственной стране вести войну и поэтому не стоило занимать излишне активную политическую позицию.

Таким образом, вставал вопрос о национальных приоритетах политики государства. В.М.Петрово-Соловова говорил о необходимости отстаивать геополитические интересы России, в то время как, например, Н.Н.Львов заявлял: «Нет, победа над Японией потребует больше народных средств, чем отказ от Манчжурии. И поэтому я продолжаю настаивать – нужно кончать бесцельную войну...»<sup>842</sup> Иными словами, усиление внешней мощи государства не является самоцелью: основная задача политика – повышение благосостояния населения, о чем он должен думать как в сфере экономики, так и в сфере международных отношений. Так что в данном случае столкнулись принципиально отличные представления о разумном поведении государственной власти. Примечательно, что этот конфликт разгорелся между «собеседниками», вроде бы принадлежавшими к одному лагерю: и В.М.Петрово-Соловова, и Н.Н.Львова, и П.А.Гейдена, и П.Д.Долгорукова с теми или иными оговорками можно отнести к конституционалистам (кстати, «собеседники»-неославянофилы на том заседании кружка просто отсутствовали<sup>843</sup>). Так что обострение политической ситуации в стране и, соответственно, новые вызовы времени приводили к дальнейшей дифференциации различных идеологических направлений в рамках «Беседы». когда

казалось уже вполне оправданным требовать то, о чем раньше боялись даже обмолвиться, оказывалось, что у конституционалистов приоритеты могут быть расставлены по-разному и их политический выбор не предопределен одной лишь приверженностью к конституционной форме управления.

Точка зрения П.А. Гейдена и В.М. Петрово-Соловово практически была проигнорирована. В результате обсуждения собравшиеся приняли формулу Н.Н. Львова: «Нужно... чтобы на земских собраниях было сделано заявление о желательности созыва выборных представителей страны ввиду общего затруднительного положения, созданного войной»<sup>844</sup>. Так что в данном случае компромисс «собеседники» не искали. Наоборот, они стремились к максимальной точности и определенности, занятой позиции. «Надо... сразу высказать свою мысль без недомолвок, – утверждал Ю.А. Новосильцев. – И это будет, по крайней мере, программой и оправданием партии. Иначе мы вполне достойны упрека: существует ведь либеральная партия, что же она делает – делают только революционеры». И если полгода назад эта точка зрения не нашла бы понимания участников «Беседы», дорожащих согласием со своими коллегами неославнофилами, то теперь большинство присутствовавших так или иначе вторило Ю.А. Новосильцеву. Причиной такого подхода довольно ясно была выражена И.П. Демидовым: «конечно, надо договаривать до конца, тем более, что ведь и говорить то мы будем не для правительства, а для страны»<sup>845</sup>. Эта фраза полностью соответствовала общему настрою собравшихся. На этом заседании «Беседы» впервые была поставлена проблема народного восприятия как фактора политической жизни: к мнению народа в своих рассуждениях апеллировали и П.Д. Долгоруков, и Д.И. Шаховской, и П.А. Гейден, и Н.Н. Львов<sup>846</sup>. «Собеседники» ощущали принципиальные изменения политической ситуации, требовавшие, соответственно, и новых тактических приемов. Политическая активизация населения коренным образом меняла расстановку сил: постепенно включались новые механизмы воздействия на власть, которые могли бы серьезно изменить саму логику политического действия. И этим необходимо было воспользоваться. Настроения среди населения должны были найти выражение в определенной про-

грамме, выдвинутой общественными деятелями. Это позволило бы оппозиции с полным правом говорить от имени народа, а, следовательно, забыть о «корректности» и ясно высказывать свои требования правительству. Если раньше «собеседники» пытались воздействовать исключительно на «высшие сферы», то теперь надо уже было влиять и на народные массы. казалось неверным, как прежде, играть на существующем политическом поле, когда виделось вполне возможным его значительно расширить. В этой ситуации отходили в прошлое факторы, влиявшие на формирование «сотканной» из компромиссов программы «Беседы», (желание в своих требованиях более или менее соответствовать «видам» правительства, настроением в земской среде, необходимость единства лидеров земского движения), а, следовательно, возникала потребность в более ясной и определенной программе.

Однако, процесс распада «Беседы» как единого целого в августе 1904 г. только начинался. На заседаниях 31 августа и 1 сентября в основном принимались типичные для объединения постановления по координации деятельности земств. Они предполагали частные, хотя и серьезные уступки правительства: например, фактический отказ администрации от права утверждать состав управ и кандидатуры земских служащих или же обязательное опубликование результатов правительственных ревизий, предворявших их представление на рассмотрение императора. Эти решения вполне укладывались в привычный для «Беседы» алгоритм поведения – требование принципиальных уступок правительства по частным вопросам, которые малопомалу меняли бы баланс сил в стране. А если также учитывать, что в проектируемых ходатайствах должны были быть ссылки на авторитет Правительствующего Сената или же рассуждения о преимуществах сенаторских ревизий над правительственными, то окажется, что и о «корректности» «собеседники» еще не забыли, стараясь придать будущим решениям земских собраний более или менее приемлемый для власти вид<sup>847</sup>.

Осенью 1904 г. возбуждение общества неуклонно росло, подпитываясь одновременно завышенными ожиданиями успехов реформаторского курса П.Д. Святополк-Мирского и, вместе с тем, неуверенностью в положительном исходе дела. «Вчера

провел два часа у Мирского взаимное интервью... О “ней”, костинной жене (т.е. о конституции – К.С.), говорили много и свободно ...Созыв выборных губернских земских собраний, местных людей для разработки совместно с министерством разных вопросов – в его программе», – писал А.А. Стахович П.Б. Струве. И, тем не менее, продолжал Стахович, «дремать нельзя, а, напротив, спешить... так как осенняя “весна” может быть, как все весны, больно коротка и заменят штюрмеровской или другой какой-либо... “зимою”...»<sup>848</sup> «Я боюсь, что нахожусь в положении человека, который выдал вексель на сумму, которую он уплатить не может», – еще 3 октября говорил сам П.Д. Святополк-Мирский. «А ее нужно уплатить, – настаивал А.С. Суворин. – 50 лет нам только что-то обещают и держат в ежовых рукавицах». И, вместе с тем, издатель «Нового времени» сам прекрасно осознавал, насколько министру было трудно реализовать свою программу в силу органического неприятия императором такого рода преобразований<sup>849</sup>. «Метаморфозы столь неожиданные, что все словно растерялись и в глубине души мало кто верит в ее (новой эры – К.С.) прочность, – записала в своем дневнике О.Н. Трубецкая, сестра двух «собеседников», Сергея и Евгения. – каждый день слухи о падении Мирского, и в преемники ему прочат фон Валя, клейгельса или Штюрмера. Заранее уже отпетых или отпеваемых»<sup>850</sup>. Подобное ощущение зыбкости ситуации в стране сохранялось в течение всей правительственной «весны». «Ты помнишь, разумеется, шуточное стихотворение, приписываемое Пушкину... о солнце, восходящем будто бы с Запада... и... изумленные народы не знают, что начать, ложиться спать или встать?! Вот именно в таком положении находится ныне значительная часть русской интеллигенции: с одной стороны, как будто реформа, а, с другой, “самым старым духом веет”... и чему и кому верить – одному Аллаху известно», – писал известный социолог И.И. Янжул своему товарищу, экономисту и общественному деятелю А.А. Чупрову 2 января 1905 г.<sup>851</sup>

Страна погрузилась в состояние общественной «истерии». Одни ожидания сменяли другие, соответственно, сменялось настроение в обществе. Периодически ходят слухи, что вот-вот дадут конституцию. «конституция висит в воздухе», –

27 октября записал в своем дневнике А.А. Киреев<sup>852</sup>. 31 октября А.П. Ливен говорила жене министра Е.А. Святополк-Мирской, что в Москве на днях ждут конституцию<sup>853</sup>. О тех же самых настроениях во второй столице сообщал и Б.А. Васильчиков две недели спустя, 14 ноября<sup>854</sup>. «Повторяют с разных сторон, что молодая императрица принимает активное участие в политике и стоит во главе конституционной партии», – 27 ноября записал в дневнике граф А.А. Бобринский<sup>855</sup>. Пройдет несколько дней, и 2 декабря он напишет, что 6-го все ожидают оглашения конституции<sup>856</sup>. Вместе с тем, в обществе много говорят о возможности скорой катастрофы. К.П. Победоносцев еще в сентябре предрекал, что политический курс, выбранный Святополк-Мирским, неизбежно приведет к кровопролитию как на улицах столицы, так и в провинции<sup>857</sup>. 19 октября в салоне Е.В. Богдановича на тот момент один из видных чиновников министерства внутренних дел Б.В. Штюрмер предрекал скорую революцию<sup>858</sup>. Неделю спустя, 25 октября, публицист крайне правого толка Н.А. Павлов делился с Богдановичами своими планами по продаже имения и перевода всех денег за границу, «так как близится время, когда надо будет бежать из России»<sup>859</sup>. «На днях я имел счастье представляться царю и докладывал ему искренно и правдиво, как мог и умел, о состоянии, в котором находится общество, – 15 декабря П.Д. Святополк-Мирскому писал московский предводитель П.Н. Трубецкой. – Я старался объяснить ему, что то, что происходит, *n'est pas une emeute, mais une revolution* (не мятеж, но революция – К.С.); что вместе с тем русский народ толкают в революцию, которую он не хочет и которую Государь может предотвратить». Но это можно сделать, продолжал П.Н. Трубецкой, лишь доверившись общественным силам, пойдя им на серьезные уступки<sup>860</sup>.

Если правительственная «весна» осени 1904 г. внушала обществу одновременно надежды и опасения, то полицейские чины и цензурные власти она полностью дезориентировала. Так, по воспоминаниям современника, местные власти Саратовской губернии вполне благосклонно относились к организации банкетов, на которых открыто заявлялось о необходимости введения конституции. Например, такого рода банкет состоялся 2 ноября в здании вокзала при проводах деле-

готов на ноябрьский земский съезд. Собралось около 150 человек: земцы, представители третьего элемента, врачи, адвокаты. Открыли шампанское, звучали тосты, советы, наказания. Кто-то из земских служащих прочел адрес с изложением политических требований третьего элемента. когда же собравшиеся вышли на перрон, некоторые даже затянули «Марсельезу». И вот только тут терпению жандармов, спокойно наблюдавших за всем происходившим, пришел конец. Они подбежали к толпе и пригрозили, что могут принять суровые меры<sup>861</sup>. «Год назад ссылали в места за допущение желаний самых законных, высказанных в тайных совещаниях в губерниях, а теперь статья в журналах “Права”, кажется, – целиком из “Освобождения”», – писал орловский земец, человек, влиятельный в столичных кругах, А.А. Нарышкин историку Н.П. Барсукову 6 декабря 1904 г.<sup>862</sup> По всей видимости, Нарышкин имел в виду очень резкую по отношению к действующему режиму статью Е.Н. Трубецкого «Война и бюрократия», опубликованную 26 сентября и вызвавшую настоящий фурор в обществе<sup>863</sup>. Она понравилась как человеку весьма умеренных взглядов А.В. Олсуфьеву<sup>864</sup>, так и неославянофилу А.А. Кирееву<sup>865</sup>. Как вспоминал И.В. Гессен, ее всюду цитировали, выражения Трубецкого стали крылатыми, а редакция получала множество писем с выражением сочувствия и одобрения<sup>866</sup>. «Статья брата Евгения в № 39 “Права” “Война и бюрократия” имела совершенно исключительный успех, – сделала пометку в записной книжке О.Н. Трубецкая. – Не только со всех сторон сыпались ему приветствия, но учреждались стипендии его имени в университетах и других высших учебных заведениях. Он блестяще открыл эру нового направления внутренней политики – “эру попустительства”, как ее называет здешний Трепов, “эру доверия к общественным силам”, как называют ее земцы»<sup>867</sup>.

То, что опубликование этой статьи не повлекло за собой санкции цензурного ведомства представляется симптоматичным. «Зверев (начальник Главного управления по делам печати – К.С.) сегодня говорил, – 4 ноября записала в своем дневнике А.В. Богданович, – что печать страшно разнузданась, но подделать он ничего не может, – этих писателей надо наказывать, а ему дано теперь только право их увещевать и просить»<sup>868</sup>.

Со стороны же политика правительства по отношению к периодическим изданиям казалась противоречивой и лишенной всякой определенности. «Отношение к печати в лице Зверева самое неустойчивое: нынче дозволено одно, а завтра за это наказывают журнал и т.д. Но публика совсем сходит с ума, и слышатся рассказы довольно странные; в Москве обедал в “Русских ведомостях” и тоже заслушался массы странностей и противоречий», – писал 22 ноября И.И. Янжул А.А. Чупрову<sup>869</sup>. Иными словами, значительное смягчение полицейского контроля и реальные завоевания общества серьезно повышали градус настроения в стране. И оно постепенно доходило до точки кипения.

А.В. Тыркова в январе 1905 г. вспоминала, какое сильное впечатление на нее произвели прошлогодние сентябрьские газеты с туманными намеками на учреждение народного представительства. Она тогда жила в эмиграции и входила в круг П.Б. Струве. как раз тогда к издателю «Освобождения» приехали П.Н. Милюков и П.Д. Долгоруков. Они чрезвычайно скептически отнеслись к слишком эмоциональному отклику Тырковой на газетные заметки, а Милюков заявил, что «нам еще надо годами, а не месяцами считать ход политического освобождения России». А в октябре П.Н. Милюков сам побывал в Петербурге и вернулся совсем в другом настроении: «То, что мы задумывали с таким трудом, лепили по маленьким кирпичикам ценой усилий и ухищрений... считая, что еще годы и годы придется вести черную политическую работу – все это уже есть... И больше того. Жизнь ушла вперед. Надо догонять, чтобы не отстать». И, по словам А.В. Тырковой, он говорил «с удивлением и почти жаром, насколько горячность возможна для такого рассудочного, осторожного человека». Причем, уточняла она, такое сильное впечатление на Милюкова произвели успехи земской, а не «освобожденческой» партии<sup>870</sup>.

Настроения же в земской среде, действительно, очень быстро менялись. Так, еще 9 октября И.В. Гессен писал П.Б. Струве, что земские деятели, общавшиеся с П.Д. Святополк-Мирским, подлаживались под взгляды министра и не решались выразить собственную точку зрения. Например, П.Д. Святополк-Мирский в разговоре с Ф.А. Головиным заметил, что многие опасаются, как бы превращение Совета по делам местного

хозяйства в совещательное представительное учреждение не стало бы прелюдией к введению конституции. На это Головин ответил, что абсолютное большинство земцев – противники конституции, и лишь крайние элементы, составляющие меньшинство земских собраний, не удовлетворятся реформой Совета. Долго с министром общался и Г.Е. Львов. Он заявил, что у деятелей местного самоуправления «нет никакой программы», и выразил опасение, «что если земство будет спрошено, оно окажется несостоятельным»<sup>871</sup>. Иначе говоря, в начале октября 1904 г. земские лидеры не чувствовали себя слишком уверенно: прежде всего, они пока не верили в возможность широкой поддержки радикальных политических требований в земской среде. В это же самое время, 8 октября, в Петербурге проходили заседания Совета «Союза Освобождения», где, помимо всего прочего, была отмечена колоссальная значимость предстоявшего земского съезда, и, соответственно, было принято решение принять в его работе самое деятельное участие, а также «употребить все силы, чтобы направить его на путь открытого заявления конституционных требований»<sup>872</sup>. И, судя по воспоминаниям Д.И. Шаховского, было совсем не просто сломить скептицизм многих земских деятелей. При этом, на предварявших съезд собраниях в Москве и Петербурге, не считая Д.Н. Шипова, «освобожденцам» оппонировали как раз убежденные конституционалисты, не уверенные в своевременности выдвижения столь радикальных требований в настоящее время. И как писал Д.И. Шаховской, только лишь убедив их, удалось сформировать конституционное большинство на предстоявшем съезде<sup>873</sup>.

«Беседа», собравшаяся 30 октября 1904 г., также по преимуществу обсуждала тактику земцев в связи с проведением общеземского совещания в Петербурге. Признавая, что среди «собеседников» были и те, кто выступал за учреждение народного представительства с правом совещательного голоса, присутствовавшие, тем не менее, пришли к заключению, что палата представителей «должна иметь характер решающий». Более того, участники того заседания обсуждали даже возможность созыва учредительного собрания. Причем, сомнений в его необходимости, по всей видимости, не было. Возникал только

вопрос о способе его избрания, и большинство высказалось в пользу всеобщей подачи голосов. Так что в данном случае «Беседа» четко обозначила свою позицию и приняла решение, а ргоігі неприемлемое для «собеседников»-неославянофилов<sup>874</sup>. На следующий день участники «Беседы» обсуждали возможные формы взаимодействия с другими кружками, так как, объяснял В.А. Бобринский, «после съезда 6 ноября придется много действовать и для этого нужно сговориться». Иными словами, ожидалось, что съезд станет переломным моментом, после которого ситуация в стране серьезно изменится. к этому следовало готовиться. Поэтому было принято решение поручить Д.И. Шаховскому составить записку о существовавших на тот момент кружках и уже на основе этого материала выработать свою позицию по вопросу о взаимодействии с ними<sup>875</sup>. Помимо этого, «собеседники» ознакомились с подготовленным организационным бюро земских съездов заявлением будущего совещания<sup>876</sup>, с проектом конституции, составленным С.А. Муромцевым<sup>877</sup>; А.А. Стахович огласил список приглашенных на земский съезд<sup>878</sup>. Эти заседания «Беседы», стоявшие в ряду прочих совещаний, предварявших земский съезд, отличались от многих других практически полным отсутствием дискуссии по ключевым вопросам. По всей видимости, существовавшие разногласия к тому времени уже сошли на нет<sup>879</sup>, и совещания «собеседников» имели «партийный» характер, по сути дела, «освобожденческий».

Конституционалисты подошли к ноябрьскому съезду с полным осознанием необходимости отстаивать свои принципы. «Д.Н. Шипов прав, говоря, что едва ли возможно в этом совещании переубедить друг друга ...Мы должны высказать свою мысль вполне определенно, – говорил на съезде Д.И. Шаховской. – Не наша вина, если наши пожелания не осуществятся. Во мнении Д.Н. Шипова есть мысль о возможности отсрочки коренных реформ. По его мнению, решение этого вопроса должно быть отложено, пока об этом не выскажется сам народ. В действительности же дело обстоит не так. Россия доведена до такого положения, которое больше нетерпимо; если немедленно не произойдет коренных изменений существующего порядка, гибель ее неизбежна». Далее он говорил о неприемле-

мости любой существенной редакционной правки вынесенного на обсуждение конституционалистами того параграфа резолюции съезда, где говорилось об участии народного представительства в законодательной работе<sup>880</sup>. Иными словами, ситуация в стране столь критическая, что земцам остается лишь занять жесткую и бескомпромиссную позицию. Эта точка зрения отстаивалась практически всеми ораторами<sup>881</sup> (за исключением, естественно, Д.Н. Шипова<sup>882</sup>). И хотя в итоге, по предложению П.Д. Долгорукова, участники съезда пошли на определенные уступки консервативному крылу собрания и включили в резолюцию как мнение конституционалистского большинства, так и неославянофильского меньшинства<sup>883</sup>, то все же этот компромисс имел другую природу, нежели прежняя уступчивость земцев радикального толка по отношению к своим более умеренным коллегам. В данном случае конституционалисты, желая сохранить единство земского движения, уступали неославянофилам с позиции силы: это был знак их доброй воли, ничего не имевший общего с поиском согласия, консенсуса по ключевым вопросам с серьезным партнером. Почти что тройное превосходство конституционалистов на съезде придавало им уверенность в отстаивании собственных принципов.

Таким образом, уходила в прошлое та ситуация, когда общественность, старавшаяся легальным путем противодействовать репрессивной политике администрации, нуждалась в консолидации всех имевшихся сил, чтобы с ней считались «власть держащие». Во-первых, настроение в обществе приближалось к точке кипения, и в условиях всеобщей радикализации противоречия во взглядах представителей разных фракций общественного движения становились более заметными. Во-вторых, в глазах общественности, направление политики правительства потеряло всякую определенность: было непонятным, что следовало ждать в дальнейшем, реакции или серьезных реформ. В этом случае диалог с властью, на который прежде рассчитывали земцы, должен быть заменен давлением на нее. Эта тактика предполагала жесткую, принципиальную позицию общественности. В «высших сферах» эту перемену явственно ощущали. Так, жена министра внутренних дел Е.А. Святополк-Мирская 30 октября 1904 года записала в своем дневнике: «По моему,

они (земцы – К.С.) делают большую ошибку, и, по моему, тут есть даже доля подлости: пока их держали в страхе – молчали, а теперь, когда человек явился, который хочет удовлетворить все разумные требования, они все портят тем, что торопятся и хотят скандалы делать»<sup>884</sup>. Т. е., земцы даже ужесточили свою позицию вместо того, чтобы идти навстречу либеральному министру. В-третьих, появились новые способы давления на власть: пресса стала более свободной, возникла возможность открыто проводить демонстрации и политические банкеты. Зависимость общественного движения от позиции земских собраний резко снизилась. Соответственно, исчезли многие стимулы, ранее побуждавшие конституционалистов к поиску консенсуса с неославянофилами, зачастую игравшими значительную роль в органах местного самоуправления. Так что возникала благоприятная ситуация для организационного размежевания прежде сосуществовавших идеологических построений.

## *§2. После ноябрьского съезда*

«Факт тот, что резолюция нашего съезда (ноябрьского – К.С.) сыграла огромную роль. Прежде запретные мысли после нее стали везде выражаться открыто и приобрели права гражданства», – 27 ноября писал жене П.А. Гейден<sup>885</sup>. Теперь идеи конституционализма становились общераспространенными. «Иногда, когда вдумываешься в то, что творится, когда смотришь на это мгновенное, почти чудесное преобразование страны, кажется, что находишься накануне Великой французской революции, – утверждал В.Я. Богучарский 3 декабря 1904 г. – как там в 89 году не было ни одного республиканца, а вскоре не осталось уже ни одного монархиста, так у нас сейчас профессора, чиновники, домовладельцы, думцы, еще вчера не интересовавшиеся конституцией и почти не слышавшие про нее, сегодня вдруг совершенно необычайным образом единогласно вотируют конституционные резолюции»<sup>886</sup>.

Эта ситуация поставила общественного деятеля в условия жесткого политического выбора. Его позиция по вопросу об отношении к постановлениям ноябрьского становилась чем-то вроде «лакмусовой бумажки», позволявшей судить

о «партийной» принадлежности. Обсуждение же резолюций неизбежно приводило к разделению земских собраний на фракции. Как писал влиятельный черниговский землец В.М. Хижняков своему сыну известному общественному деятелю, члену «Союза Освобождения» В.В. Хижнякову, консервативные земцы собрались на частное совещание еще до начала декабрьской сессии земского собрания и подготовили проект адреса в «крайне елейном и славянофильском духе» (правда, в последнем пункте этого документа указывалось на необходимость «выслушать голос земли и собрать представителей народа»). Узнав об этом, земские деятели, придерживавшиеся более радикальных взглядов, устроили собственное совещание и подготовили свой проект<sup>887</sup>. Так что работу самого собрания предвзяли, по сути дела, фракционные совещания. И на земском собрании разразились страстные дебаты: земцы не расходились с 9 часов вечера до половины четвертого ночи. В конце концов, председательствовавший на том заседании предводитель черниговского дворянства (и член кружка «Беседа») А.А. Муханов заявил, что он не может допустить в адресе требования ограничить самодержца, и в итоге «охранительный» проект был отклонен. Утром следующего дня дискуссия продолжилась. В.М. Хижняков представил текст адреса, разработанный земцами радикального толка. Проект обсуждался редакционной комиссией около трех часов на квартире А.А. Муханова и с некоторыми поправками был утвержден большинством голосов. Адрес был зачитан в зале заседаний, где собралось необычайно много народа. И когда гласные одобрили его, раздался гром аплодисментов, а с задних рядов – возгласы «долой самодержавие»<sup>888</sup>.

Любопытную картину, имевшую место в Тамбовской губернии, обрисовал В.И. Вернадский в письме к жене от 11 декабря 1904 г. «Новое – организация консерваторов и теперь здесь определенно говорят: либеральная партия и консервативная партия. Численно они почти равны. В смысле личностей, ораторов, знающих земское дело лиц – перевес на стороне либералов. Но неопределенная по убеждениям группа собрания имеет перевес и ее голос зависит от всякой минуты или случайности ...В общем, это совсем новое деление в тамбовском земстве,

и оно интересно с точки зрения роста общественного сознания в России». И все же при существовавшем равновесии сил, судя по рассказу Вернадского, на том собрании верх взяли либералы<sup>889</sup>.

Общественные деятели консервативного направления перешли в наступление и в Орловской губернии. «Сейчас я на дворянском собрании, очень бурном, так как реакционеры хотели было бы воспользоваться отсутствием брата Михаила (М.А. Стаховича – К.С.) и взять верх», – писал В.Я. Богучарскому А.А. Стахович 16 декабря 1904 г. Однако, по мнению А.А. Стаховича, консервативное крыло собрания было не в силах настоять на своем, и он ожидал адрес в духе мнения меньшинства ноябрьского земского съезда<sup>890</sup>. Тем не менее, можно утверждать, что в Орле также имело место противостояние двух «партий», отстаивавших разные политические идеалы. Согласно сведениям А.В. Олсуфьева, подобная ситуация складывалась и во второй столице. «В самой Москве, по рассказам Юрия (его сына Ю.А. Олсуфьева – К.С.), обозначаются резко два течения: одно чисто конституционное, другое же стоит за сохранение настоящего порядка при энергичном тушении всякого проявления желания перемен в данный момент», – говорилось в письме А.В. Олсуфьева к А.А. Гирсу от 7 января 1905 г.<sup>891</sup>

Процесс консолидации «охранительных» сил в Москве принял очень серьезные формы. Он приобрел характер настоящей кампании, широкомасштабной, хорошо продуманной и подготовленной. В центре ее оказались братья Самарины (прежде всего, Ф.Д. Самарин). Они были возмущены легкомысленной позицией общества, которое, часто самого того не желая, указывая в адресах и ходатайствах на желательность учреждения Земского собора, подыгрывали тем самым конституционалистам. Дабы исправить эту ситуацию, Самарины решили подготовить записку, в которой бы разъяснялось настоящее положение вещей: в ней бы доказывалось, что ни законодательное, ни даже законосовещательное представительство для России в данный момент неприемлемо<sup>892</sup>. Ее должен был выработать кружок идейно близких людей, созданных Самаринными<sup>893</sup>. В ходе обсуждения члены этого кружка пришли к общему мнению, что разрабатываемую записку хорошо было бы приурочить к предстоявшему московскому дворянскому собранию:

если бы ее поддержали дворяне Московской губернии, то она бы стала серьезным политическим документом. По крайней мере, можно было рассчитывать на образование идейно сплоченной группы соратников из участников собрания<sup>894</sup>. Ближе к концу декабря записка была составлена<sup>895</sup>. Ее размножили и по списку рассылали дворянам Московской губернии, на поддержку которых можно было рассчитывать. По этому поводу консультировались с уездными предводителями или же дворянами, хорошо знавшими соседей<sup>896</sup>. Составители записки призывали всех сочувствовавших приехать в Москву и подписаться под этим документом. И, действительно, получившие записку вскоре стали навещать дом Самариных. При этом, Ф.Д. Самарин не упускал случая поговорить с каждым, убеждая в своей правоте и попутно выясняя настроения поместного дворянства. «Насколько могу судить, – вспоминал он впоследствии, – преобладала растерянность и беспомощность. Не знали за кем идти и чего держаться. Чувствовалось, что власть поколебалась, что происходит что-то совершенно необычное и страшное, но никто не отдавал себе ясного отчета, что все это значит и, главное, как относится к переживаемым небывалым явлениям. Искали, куда примкнуть, за что и за кого ухватиться; хотели сплотиться, чтобы не быть затерянными в той толпе, которая гудела, волновалась и всех заглушала»<sup>897</sup>. Иными словами, Самарины пытались вовлечь в политическую борьбу людей, далеких от общественной жизни, не имевших определенных взглядов и до этого момента бывших «статистами» на дворянских или земских собраниях. Необходимо было выразить не имевшие четких очертаний представления в ясной программе – и тем самым удовлетворить неосознанную потребность значительной части общества в политической платформе.

Как впоследствии вспоминала О.Н. Трубецкая, на Поварской у дома Ф.Д. Самарина устраивались настоящие митинги по 100–130 человек, где обсуждалась составленная записка и проект адреса<sup>898</sup>. Конституционалисты и сторонники созыва Земского собора, узнав о такой активности «самаринской партии», решили предпринять схожие шаги<sup>899</sup>. Ф.Ф. Кокошкин составил записку, в которой доказывалась необходимость представительных учреждений. Она была разослана московским дворянам, при-

глашавшимся в дом графа Хрептовича-Бутенева для ее подписания<sup>900</sup>. Однако, было уже слишком поздно: ведь конституционалисты предприняли ответные шаги лишь за три-четыре дня до первого совещания в депутатском собрании<sup>901</sup>. В итоге победа осталась за сторонниками Самариных: их адрес прошел значительным большинством (219 против 147)<sup>902</sup>. Примечательно, что в ходе обсуждения проектов адреса дворянского собрания столкнулись «собеседники», принадлежавшие к разным «партиям». Так, Павел Д. Долгоруков, Ф.Ф. Кокошкин, С.Н. Трубецкой, Н.А. Хомяков, Д.Н. Шипов оппонировали сторонникам самаринского адреса в то время, как П.С. Шереметев и М.А. Олсуфьев, наоборот, его поддерживали. Правда, эта позиция была обусловлена так: «...Они бы подали голос за наш (Самариных – К.С.) адрес, если бы в нем был хоть маленький намек на то, что впоследствии после войны законодательные вопросы не должны разрешаться канцелярским порядком». И «самаринской партии» пришлось пойти на незначительные уступки<sup>903</sup>. Наиболее интересно в данном случае даже не то, что «собеседники» оказались в данном случае по разные стороны «баррикад», а, в первую очередь, то, насколько разошлись пути «собеседников»-неославянофилов. Они оказались в разных фракциях дворянского собрания: П.С. Шереметев и М.А. Олсуфьев – среди сторонников самаринского адреса, а Н.А. Хомяков и Д.Н. Шипов – среди его противников. Одни предпочли союз с врагами образования хотя бы законосовещательного представительства, а другие нашли для себя возможным сотрудничать с конституционалистами. Так что вопрос – где «свой», а где «чужие» – решался в данном случае не в плоскости программных установок, а с точки зрения понимания исторического момента: степень оппозиционности по отношению к существующему режиму у неославянофилов была разная.

Таким образом, с ноября 1904 г. происходила политическая «поляризация» общества. Земские, дворянские собрания раскальваются надвое. Причем, каждый вынужден решить, к какой фракции он примкнет. То есть, уйти от участия в политической борьбе оказывалось невозможным.

Соответственно, перед «Беседой» вставала проблема: какую роль может играть «межпартийное» объединение в условиях ожесточенной «партийной» борьбы на земских и дворянских

собраниях. «Собеседники» собрались на заседание кружка 8 января 1905 г. После традиционного обмена слухами о положении в «высших сферах» и отчетов о недавно прошедших земских собраниях, «Беседа» перешла к вопросам тактики. Обсуждалась линия поведения земства в том случае, если правительство, не желавшее учреждать народное представительство в той или иной форме, решилось бы на создание некоего подобия представительства, о котором еще говорил В.К. Плеве. Если бы власть пошла на формирование земского консультативного органа, состоявшего из назначаемых администрацией лиц, то, по мнению «собеседников», эту инициативу правительства следовало проигнорировать. В то же время, если было бы принято решение о создании совещательного органа с участием деятелей местного самоуправления, непосредственно делегированных земскими собраниями, то земцы должны были включиться в работу. При этом важно было с помощью этого учреждения добиться значительных уступок со стороны правительства. Поэтому деятели местного самоуправления должны были не срывать его работу, «а участвуя в обсуждении вопросов по существу, доказывать несостоятельность избранного правительством способа осуществления реформ по каждому вопросу»<sup>904</sup>. Таким образом, и в одном, и в другом случае «собеседники» предполагали занять конфронтационную позицию по отношению к власти: даже тогда, когда предполагалось участие земцев в учреждаемом правительством совещательном органе, речь шла не о конструктивном сотрудничестве с властью, а о демонстрации своей жесткой оппозиционности.

Вечером 8 января перед «собеседниками» выступил С.Н. Трубецкой. Он рассказал о своем плане издавать еженедельную газету конституционного направления под названием «Московская неделя» и спрашивал «Беседу», в какой форме возможно сотрудничество с объединением. При этом он четко обозначил, что «направление ее конституционное, без кивания в сторону славянофилов. Она должна быть органом партии». На это последовало возражение Павла Д. Долгорукова, что нельзя рассчитывать на содействие «Беседы» и в то же время не учитывать мнение «собеседников»-неославянофилов. «Надо будет с первых же номеров газеты резко отнестись к на-

шим неославянофилам», – настаивал С.Н. Трубецкой. «Тогда мы не можем признать “Московскую неделю” органом “Беседы” и вступить с нею в какую-либо юридическую связь», – отвечал П.Д. Долгоруков. Трубецкой не возражал: «Я думаю то же. Но я бы желал, чтобы члены “Беседы”, не славянофилы, приняли в газете участие. Надо быть до некоторой степени независимыми от профессиональных журналистов и привлекать общественных деятелей». Очевидно, год назад на этом бы дискуссия и закончилась: «Беседа» приняла бы к сведению сообщение С.Н. Трубецкого и, в целом, согласившись со словами Долгорукова, перешла бы к следующим вопросам. Именно так она поступила в 1902 г., когда встала перед необходимостью выработать позицию объединения по отношению к создаваемому «Освобождению»: не отказывая «собеседникам» в праве сотрудничать с органом П.Б. Струве, «Беседа» как единое целое не поддержала новое издание. В 1905 г. решение кружка было принципиально иным. В итоге было постановлено «признать желательным войти в тесную связь с газетой и принять в ней широкое участие как путем сотрудничества, так и путем приобретения паев»<sup>905</sup>. По сути дела, участники объединения с П.Д. Долгоруковым не согласились<sup>906</sup>. Объединение решило поддержать «партийное» издание, при этом не учитывая мнение некоторых видных своих членов. Таким образом, «Беседа» уже не видела себя организацией, сплотившей как конституционалистов, так и неославянофилов: теперь она фактически выступала с позиций конституционализма.

Примечательна дискуссия, развернувшаяся 9 января на заседании «Беседы». Павел Д. Долгоруков поставил вопрос о тех уступках, которые можно было бы сделать консервативному элементу, чтобы в итоге адреса земских и дворянских собраний более или менее устраивали участников объединения. В.А. Бобринский в качестве примера привел адрес новгородского дворянства: там говорилось о самодержавии с народным представительством как о переходной стадии. «Весьма возможно, что так будет и на самом деле», – замечал В.А. Бобринский. С.А. Толстой считал, что лучше устраниваться, чем идти на компромиссы и фактически лгать. В.А. Маклаков, наоборот, выступал в пользу соглашения с более консервативными элементами,

хотя, судя по его оптимистическому настрою, для него этот вопрос был не столь значимый: он верил, что в ходе обсуждения в дворянских и земских собраниях настроение повысится и в результате будут приниматься обращения к власти, более или менее соответствовавшие взглядам «собеседников». П.Д. Долгоруков же сомневался в возможности кого-либо переубедить в настоящее время: «Теперь уже все настолько ясно определили свое воззрение на положение дел, что весь вопрос в голосовании». Так что, по его мнению, ради достижения положительного результата было необходимым добиться договоренности с неославянофилами<sup>907</sup>. А.А. Стахович возможный компромисс сводил к следующему: следует «говорить “долой полицейско-бюрократический строй”, а не “долой самодержавие”, хотя, в сущности, это одно и то же»<sup>908</sup>.

Таким образом, необходимость соглашения с неославянофилами, раньше не подвергавшаяся сомнениям, теперь становилась предметом дискуссий. Если прежде неославянофильские концепции служили своего рода «ширмой», за которой можно было спрятать конституционалистские идеи, то теперь потребность в этом прикрытии отпала. Одни «собеседники» хотели вовсе отказаться от компромиссов со сторонниками Земского собора, другие же предполагали, что этот компромисс должен был свестись к выработке общей, весьма размытой по содержанию, а, соответственно, не подлежащей единообразному прочтению формулы требования к властям привлечь общество к принятию политических решений. Иными словами, компромисс в данном случае носил бы частный и, по существу, не принципиальный характер.

Следующий раз «Беседа» собралась уже в феврале буквально несколько дней спустя после издания рескрипта 18 февраля, в котором провозглашалось намерение государя созвать законосовещательное народное представительство. «До сего времени мы (земская партия) вели борьбу с правительством, выставя известную программу, – на заседании 21 февраля заявил М.Д. Ершов. – Наша программа теперь принята правительством, и в этом отношении события привели к результатам, превышающим наши ожидания». То есть, с учреждением законосовещательного представительства программа «Беседы» была бы реализована. конечно, надо продолжать оказывать давление на пра-

вительство, чтобы заявленные идеи нашли свое практическое применение – утверждал М.Д. Ершов. Но все же, если программа «Беседы» фактически уже близка к реализации, то уже следует требовать большего. В сущности, об этом говорил М.Д. Ершов, когда выступал со следующим предложением: «Не угодно ли будет обсудить вопрос о пропаганде конституционных идей среди крестьян». Однако, «собеседники» решили прежде заняться недавно опубликованным рескриптом<sup>909</sup>.

И, тем не менее, в своих выступлениях они неизбежно выходили на тему необходимости конституционных преобразований и недостаточности мер, предложенных правительством. «Положение дел так серьезно, что этим нельзя удовлетворяться... Надо стоять на почве постановлений ноябрьского съезда», – утверждал Петр Д. Долгоруков. С ним соглашались и Ю.А. Новосильцев, и В.М. Петрово-Соловово<sup>910</sup>. Слова С.А. Толстого перекликались с предложением М.Д. Ершова: «Нужно поставить точки над *i* (т.е. добиться реализации обещанного – *К.С.*) и затем требовать законодательной работы, как следствие данных обещаний»<sup>911</sup>. Таким образом, «собеседники»-конституционалисты в феврале 1905 г. на заседаниях кружка фактически заявляли о том, что программа «Беседы» исчерпана: в настоящих условиях уже нужно открыто требовать учреждения законодательного собрания и, соответственно, перекройки всей политической системы России.

Неославянофилы не посещали заседания «Беседы» с августа 1904 г., так что эта трансформация объединения происходила без их участия<sup>912</sup>. Они стояли перед необходимостью поиска собственных организационных форм, которые бы им позволили оказывать влияние на политическую ситуацию в стране. Объединение сторонников реформированного, обновленного самодержавия должно было стать противовесом все более активному движению конституционалистов. «Сегодня собрались мы, консерваторы, у Головина (константина Федоровича – *К.С.*). Он предлагал сговориться и устроиться в противовес партии “петрункевичей”. Устроить консервативное бюро (здесь) в противовес революционному московскому», – 9 ноября, в день окончания работы земского съезда, записал в своем дневнике А.А. Киреев<sup>913</sup>.

Неославянофилов подтолкнуло к созданию собственной

организации и осознание того, что власть предрержащие оказались не способны самостоятельно пойти на преобразование существующего режима. Судя по записям в дневнике одного из «собеседников» (правда, так ни разу не посетившего заседания кружка) графа А.А. Бобринского, еще в начале декабря люди, рассчитавшие на Земский собор, были уверены, что государь вот-вот подпишет необходимый указ. 8 декабря Бобринский опишет в своем дневнике известную ему по слухам идиллическую картину заседания Совета министров: великие князья (в том числе, и Сергей Александрович), П.Д. Святополк-Мирский, С.Ю. Витте, К.П. Победоносцев – все дружно выступили в пользу участия выборных в Государственном Совете, а также наметили целый ряд других либеральных реформ. «Словом, историческая минута, – в приподнятом состоянии духа констатировал А.А. Бобринский, – и о всем этом будет манифест в субботу 11-го (декабря – К.С.)»<sup>914</sup>. Согласно записной книжке О.Н. Трубецкой, как раз 8 декабря министр юстиции Н.В. Муравьев примерно то же и в таком же приподнятом настроении рассказывал своим знакомым<sup>915</sup>. Следующие два дня Бобринский только и писал в дневнике о предстоявшем манифесте<sup>916</sup>. «Всеобщее ожидание завтрашнего дня и манифеста... Члены Государственного Совета вроде кретина Толя и подобных ему повесили нос. Чиновники бесятся», – записал он 10 декабря<sup>917</sup>. А на следующий день: «Большое разочарование. Никакого манифеста нет»<sup>918</sup>. 12 декабря вышел указ без какого-либо упоминания возможности участия выборных в законодательной работе, и несколько дней спустя, 16-го, А.А. Бобринский записал: «Вялое чувство. Какая-то общая неудовлетворенность»<sup>919</sup>. 13 декабря 1904 г., сразу же после опубликования манифеста, Л.А. Тихомиров с горечью заметил: «Я боюсь, что Государь одинаково не может не уступить, не сопротивляться, а это, конечно, способно из ничего создать гибель»<sup>920</sup>.

В конце января 1905 г. сторонники преобразований в неославянофильском духе проводили консультации в связи с необходимостью образования собственного объединения. Согласно дневниковой записи А.А. Бобринского от 31 января 1905 г., инициативу создания партии этого направления взял

на себя А.Д. Оболенский<sup>921</sup>. В начале февраля проходят совещания на квартире самого А.Д. Оболенского и петербургского губернатора А.Д. Зиновьева. Помимо хозяев и А.А. Бобринского, там собрались министр земледелия А.С. Ермолов, начальник Главного управления уделов В.С. Кочубей, петербургский предводитель дворянства В.В. Гудович<sup>922</sup>. А.А. Бобринский составил проект манифеста, в котором объявлялось о созыве народных представителей<sup>923</sup>. Собравшиеся также обсуждали записки А.Д. Оболенского, А.С. Ермолова и приехавшего из Москвы С.Н. Трубецкого, посвященные тому же самому вопросу – необходимости скорейшей реформы государственного строя<sup>924</sup>. Примерно в это же самое время активизировались сторонники сохранения незыблемым существующего порядка или же, по выражению А.А. Бобринского, члены «ретроградной партии». По инициативе члена Государственного Совета Б.В. Штюрмера они также проводили совместные совещания<sup>925</sup>. Примечательно, что составы этих двух немногочисленных кружков пересекались: в работе и того, и другого принимали участие А.А. Бобринский и В.В. Гудович (причем, последний вел заседания «бюро консервативной партии»)<sup>926</sup>. Иными словами, дифференциация взглядов в этом спектре политической мысли проходила с определенными затруднениями. Однако, общественные деятели, мечтавшие о создании собственной партии, стремились к идеологической монолитности, так что размежевание было неизбежным. И 24 марта на квартире С.А. Толля в ходе «съезда союза консервативной партии» произошел раскол «на ультра-консерваторов под знаменем “Гражданина”» и центр, составлявший большинство собрания<sup>927</sup>. «Знаменательный день, – 24 марта записал в своем дневнике А.А. Киреев. – Мы, консервативные “земско-сборники”, собрались у графа Толя... человек 25. Разные сановники и gros bonnet. Мы решили присоединиться к программе 22-х дворянских предводителей собравшихся в Москве, т.е. Земский собор лишь с совещательным голосом... В сущности, это и программа славянофилов»<sup>928</sup>.

По сути дела, ядро объединения составили завсегдагаи салона К.Ф. Головина: А.А. Нарышкин, А.П. Струков, Н.А. Хвостов, С.С. Бехтеев, А.А. Киреев и сам К.Ф. Головин<sup>929</sup>. По всей види-

мости, и первое заседание 14 апреля 1905 г. состоялось на квартире Головина. «Основоположения (нового объединения – К.С.): самодержавие, совещательный Земский собор, борьба с конституционализмом», – записал в дневнике А.А. Киреев. Помимо того, что были определены основные положения политической платформы зарождавшейся организации, на первом же заседании были также решены организационные вопросы. В частности, председателем бюро был избран А.А. Бобринский<sup>930</sup>. В дальнейшем заседания происходили в его столичном особняке на Галерной улице<sup>931</sup>. Впоследствии это объединение стало известным как «Отечественный союз»<sup>932</sup>. Оно стало центром притяжения сторонников серьезных институциональных реформ при сохранении основ существующего строя. Сохранившиеся анкеты, заполнявшиеся вступающими в объединения лицами, говорят о чрезвычайно представительном составе «Отечественного союза». Так, в него вошли 41 предводитель дворянства (из них 8 губернских и 33 уездных предводителя)<sup>933</sup>. Помимо этого, членами нового политического объединения стали и некоторые государственные мужи: один из организаторов «Отечественного союза», товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко<sup>934</sup>, начальник канцелярии МВД Д.Н. Любимов<sup>935</sup>, директор канцелярии МВД по делам дворянства Н.Л. Мордвинов<sup>936</sup>, директор департамента личного состава МВД А.И. Буксгеведен<sup>937</sup>, бывший товарищ министра внутренних дел А.С. Стишинский<sup>938</sup>. В это объединение вошло 8 сенаторов<sup>939</sup>, 15 военных в звании генерала<sup>940</sup>. К этому еще стоит добавить, что среди немногих членов «Отечественного союза» (судя по анкетам их было чуть более трехсот пятидесяти человек) – 35 представителей титулованной знати<sup>941</sup>. Иными словами, «Отечественный союз» нашел весомую поддержку своей неославянофильской программы среди элиты русского общества. «Очевидно, как люди средних, умеренных, центральных мыслей, идущие по равнодействующей, мы никому не угодим, ни правой, ни левой, но в конце концов Россия несомненно пойдет по равнодействующей», – записал А.А. Киреев в дневнике 4 июня 1905 г., в день, когда съездом «Отечественного союза» была утверждена программа объединения<sup>942</sup>.

Помимо «Отечественного союза» в Петербурге, и в Москве

были центры, вокруг которых сплачивались сторонники преобразований в неославянофильском духе: это кружки Ф.Д. Самарина, П.С. Шереметева и Н.А. Хомякова. кружок Ф.Д. Самарина, при этом, стоял особняком. Самарин был предан прежним идеалам и не мог согласиться с возможностью учреждения представительного собрания, пускай даже и с законосовещательными функциями. На совместных совещаниях представителей правых организаций, происходивших в 1905 г., Ф.Д. Самарин занимал крайние позиции и его речи шли вразрез с общим тоном выступлений собравшихся<sup>943</sup>. Даже участники «кружка москвичей», как впоследствии именовалось объединение Ф.Д. Самарина, зачастую не соглашались с его ортодоксальными взглядами и, будучи членами других организаций неославянофильского толка, выступали в пользу скорейшего созыва Земского собора<sup>944</sup>. Позиция Самарина была из ряда вон выходящей и отпугивала людей, по сути дела, идеологически близких. «Повиновение власти – наша первая обязанность, и быть по французской пословице “консервативнее короля” – не ведет ни к чему», – в письме от 30 июля 1905 г. К.Ф. Головин упрёк Ф.Д. Самарина, очевидно, намекая последнему на намерение верховной власти все же созвать законосовещательное представительство<sup>945</sup>. «Хотя я ближе (по сердцу) с Дмитрием Хомяковым и Самариным, но ввиду того, что они не идут ни на какие уступки явной необходимости (исторической), я присоединяюсь к группе Николая Хомякова, а не Шереметева (разница между ними не велика)», – писал А.А. Киреев Л.А. Тихомирову весной 1905 г.<sup>946</sup>

В феврале 1905 г. П.С. Шереметев опубликовал статью «Объединение сил», в которой доказывалась необходимость массовой организации, способной консолидировать сторонников проведения в жизнь положений рескрипта 18 февраля<sup>947</sup>. Однако, прошел месяц между возникновением замысла и созданием новой организации<sup>948</sup>. 5 апреля 1905 г. в здании Благородного собрания прошло первое ее заседание. Председателем объединения стал П.С. Шереметев<sup>949</sup>. Судя по сохранившимся журналам заседаний, идеологом кружка П.С. Шереметева, (так современники иногда называли новую организацию) на первых порах стал С.Ф. Шарапов. Уже на втором заседании, 10 апреля, он произ-

нес программную речь «Самодержавие и самоуправление», в которой отстаивал идею формирования земско-самодержавного строя<sup>950</sup>. 23 апреля объединение получило официальное название: Союз русских людей<sup>951</sup>. И с этим именем организация существовала вплоть до 1908 года<sup>952</sup>.

Меньше всего известно о «кружке 18 февраля», возглавляемом Н.А. Хомяковым. По словам С.Ф. Шарапова, в Москве в биржевом зале собиралось многолюдное собрание и обсуждались способы реализации рескрипта 18 февраля. Вопрос, более всего волновавший участников этих совещаний, – это система выборов в будущее представительство. Члены этого кружка отрицательно относились как к всеобщему, равному, тайному голосованию, так и выборам по сословиям: они отдавали свое предпочтение системе многоступенчатых выборов при участии общественных, земских и городских учреждений<sup>953</sup>. «Избрание этим путем дает не представителей интересов, а представителей общественного разума, истолкователей общественной нужды. Такой порядок выдвинет не борцов за те или иные частные интересы, а работников на пользу общества», – писал Н.А. Хомяков в газете С.Ф. Шарапова «Русское дело». Эти выводы естественным образом вытекали из общих для неославянофилов идеологических построений. «...В основу государственного строя должно быть поставлено начало “нравственное”, а не начало “правовое”... народное представительство должно вытекать не из права каждого гражданина на долю власти, а из обязанности каждого заботиться о нуждах общих», – рассуждал Н.А. Хомяков<sup>954</sup>.

Таким образом, в начале 1905 г. конституируется целый ряд неославянофильских объединений. Осознание тяжести кризиса переживаемого Россией и, вместе с тем, неприятие возможности конституционных преобразований способствовало консолидации сторонников серьезных государственных реформ при сохранении основ существующего режима. В контексте данного исследования наиболее примечательный факт – это жесткая полемика с конституционалистами как ключевой элемент программы. Если раньше задачей неославянофилов было убедить власть пойти на определенные уступки, то теперь, помимо этого, они должны были противодействовать

возможному введению конституции: это провозглашалось лидерами и «Отечественного союза»<sup>955</sup>, и Союза русских людей<sup>956</sup>, и, естественно, «кружка москвичей»<sup>957</sup>. По всей видимости, исключение составил «кружок 18 февраля». как отмечал П.А. Гейден в письме к жене от 26 февраля 1905 г., встретившись с Н.А. Хомяковым, он как раз обнаружил в нем стремление «дружить с конституционной группой»<sup>958</sup>. Но, в целом, можно констатировать, что возможность дальнейшего сотрудничества неославынофилов и конституционалистов вызвала большие сомнения. И символично, что два из трех основных неославынофильских объединений, занимавших, очевидно, конфронтационную позицию по отношению к либералам радикального толка, возглавили бывшие члены «Беседы»<sup>959</sup>, кружка, основанного как раз на взаимодействии консервативного и радикального крыла земского движения.

Проблема формирования собственной партии стояла и перед конституционалистами. «Наши съезды являлись совещаниями довольно замкнутой земской группы единомышленников, а теперь, по мнению Бюро, настала очередь подумать об организации более широкой политической партии, к чему до некоторой степени нами уже подготовлена почва в виде довольно разработанной уже партийной платформы», – говорил Д.И. Шаховской на съезде «Союза земцев-конституционалистов» 9 июля 1905 г.<sup>960</sup> Но чем более четко ставились программные вопросы, тем больше разногласий они вызывали. Так, например, конституционалисты относились по-разному к возможности введения всеобщего избирательного права. Характерно, что бескомпромиссные споры имели место даже в тесном кругу редакционной коллегии «Московской недели», газеты С.Н. Трубецкого. конституционалисты-единомышленники, совсем недавно решившиеся бросить вызов не только правительству, но и прежним товарищам, неославынофилам, сами расходились по ключевому вопросу и не могли прийти к консенсусу. На редакционном совещании, состоявшемся в марте 1905 г., мнения разошлись следующим образом. В.Е. Якушкин, Е.Н. Трубецкой, А.А. Мануйлов выступали за систему двухстепенных выборов<sup>961</sup>, а Д.И. Шаховской, И.И. Петрункевич и Петр Д. Долгоруков – за прямые выборы<sup>962</sup>. Ф.Ф. Кокошкин

и Н.Н. Львов заняли промежуточную позицию<sup>963</sup>. Причем, дискуссия приняла принципиальный характер. Если Д.И. Шаховской говорил о необходимости доверия массам и о равноправии всех граждан<sup>964</sup>, то Н.Н. Львов усматривал в прямом голосовании опасную «тенденцию к демократическому абсолютизму»<sup>965</sup>. Если И.И. Петрункевич аргументировал свою поддержку прямого голосования важностью сохранения союза с социалистами<sup>966</sup>, то Е.Н. Трубецкой отрицал возможность каких-либо принципиальных уступок левым радикалам из тактических соображений<sup>967</sup>.

Эта дискуссия продолжилась в апреле 1905 г. на общеземском съезде. В итоге большинство (71 из 125 человек) высказалось в пользу прямого голосования. Однако, и голосовавших против этого решения было тоже немало (54 делегата съезда)<sup>968</sup>. Д.Н. Шипов инициировал совещание противников «четырёххвостки»<sup>969</sup>. Среди согласившихся приехать на этот съезд, намеченный на 22–23 мая 1905 г., были и «собеседники»-конституционалисты: М.Д. Ершов<sup>970</sup>, В.А. Бобринский<sup>971</sup>, П.А. Гейден<sup>972</sup>, Н.Н. Глебов<sup>973</sup>. П.А. Гейден удивлялся, что братья Долгоруковы делали вид, что раскола внутри конституционного движения не было, а существовали лишь частные противоречия – судя по всему, для него процесс дифференциации различных, пускай и родственных политических течений в данном случае был очевиден<sup>974</sup>.

Созванное Д.Н. Шиповым совещание предвляло общеземский съезд, состоявшийся 24–26 мая 1905 г. И на нем проявились серьезные противоречия<sup>975</sup>. «Вчерашний съезд собрал около 300 человек, – писал о нем П.А. Гейден В.Я. Богучарскому. – Но он нагнал на меня грусть. “Всеобщая равная прямая тайная” до того многих гипнотизировала, что в ней спасение Отечества. Не хотят поступиться мелочами для единения»<sup>976</sup>. О расколе, вызванном излишней принципиальностью радикального крыла съезда, П.А. Гейден писал и жене: «Никто не поступает своими мелочными убеждениями по второстепенным вопросам. Настроения патриотического никакого. Правая в этом отношении лучше. Но левая несет свою ахинею ...Боюсь, что сегодня многие уже уедут, и полный крах единения партии»<sup>977</sup>. Несмотря на возникавшие разногласия, П.А. Гейден рассчиты-

вал на сохранение широкого объединения общественных сил, однако среди либералов радикального толка понимания он не находил. И здесь возникало еще одно противоречие между конституционалистами умеренных и радикальных взглядов: какая должна была быть линия поведения общественных деятелей в настоящее время.

Умеренность Гейдена заключалась не в склонностях к уступкам, а в особом видении задач, стоявших перед общественностью. На съезде «Союза земцев-конституционалистов» в июле 1905 г. П.А. Гейден вместе с другим бывшим «собеседником» Н.А. Шишковым, вопреки всем, настаивали на необходимости сохранения земской конституционной партии, способной объединить широкие круги общественности. «...Я уверен, что нашей партии суждено сыграть виднейшую роль и занять первое место среди других политических группировок, благодаря умеренности и благоразумию нашей программы», – говорил Н.А. Шишков. «При образовании более широкой политической партии мы не должны ничем поступаться в пользу более крайних общественных групп. Мы должны твердо стоять на своей земской программе, в основании которой лежит борьба за право», – продолжал мысль Н.А. Шишкова П.А. Гейден<sup>978</sup>. Иными словами, существование широкого объединения могло быть обеспечено выдвижением умеренных, взвешенных требований. Эта позиция неслучайна для Гейдена и его сторонников и вытекает из его принципиальных убеждений: он всегда с недоверием относился к крайним элементам<sup>979</sup> и считал важным следовать «равнодействующей», сохраняя тем самым стабильность в стране<sup>980</sup>. Еще 14 января 1905 г. он писал жене, что его чрезвычайно настораживает неготовность правительства идти на уступки сторонникам умеренных взглядов. Ведь в этом случае можно было бы «идти постепенно. Взрыв повторный, вроде бывшего (9 января 1905 г. – К.С.), но более сильный, повлечет скачок в неизвестное»<sup>981</sup>.

Таким образом, в процессе развития политической ситуации в стране нарастали противоречия и среди сторонников конституционализма: возникали разногласия по вопросам, которые раньше были неактуальны и, соответственно, просто не вставляли. Кроме того, в условиях обострения политического кризиса

происходила эволюция во взглядах некоторых общественных деятелей. Так, по словам одного из лидеров «Отечественного союза» Н.А.Хвостова, многие ему знакомые либералы «поумнели» за время пребывания в деревне. Например, «Бобринский Богородицкий (Владимир Алексеевич – К.С.), предводитель, сделался лидером консерваторов после того, как его бывшие друзья сожгли ему несколько хуторов», – писал Н.А.Хвостов Ф.Д.Самарину 1 ноября 1905 г.<sup>982</sup> И, действительно, взгляды одного из самых радикальных участников «Беседы» значительно поправились. В октябре 1905 г. он основал в Туле организацию «За царя и порядок», которая в скором времени стала частью тульского отделения «Союза русского народа»<sup>983</sup>. «Страшно важно дать партии порядка восторжествовать, так как надо же, наконец, поставить предел революции и заняться созиданием, а не разрушением», – писал он своему троюродному брату А.А.Бобринскому 20 октября 1905 г.<sup>984</sup>

Так что по тем или иным причинам конституционалисты расходились в разные стороны. Возникали серьезные разногласия и среди неославянофилов. И если внутри этих течений возникали трещины, то между ними ширилась пропасть. В той ситуации, когда казалось, что Россия стоит на перепутье, выбирая между неославянофильской и конституционной моделью развития, возможность для прежнего сотрудничества между конституционалистами и неославянофилами сводилась к минимуму. Процесс дифференциации взглядов сопровождался организационным размежеванием. Появлялись неославянофильские объединения, четко заявлявшие о своем желании всячески противодействовать планам конституционалистов. Сами же конституционалисты радикального толка, думая о создании собственной партии, не только отказывались от идеи компромисса с неославянофилами, но также и не желали идти на уступки своим более умеренным коллегам по конституционному движению. В этих условиях программа «Беседы», возникшая в результате компромисса различных кругов земской общественности, становилась уже анахронизмом.

### *§3. В водовороте революции*

Своеобразие политической ситуации конца 1904 г. определялось наличием двух «неизвестных»: в обществе не знали, чего ожидать от власти, и спорили о характере народных настроений. В столице о скорой революции говорили и в шутку и всерьез. Например, в начале ноября 1904 г. председатель екатеринославской земской управы М.В. Родзянко в личном разговоре с П.Д. Святополк-Мирским предсказывал скорое кровопролитие, если власть все же не пойдет на уступки обществу<sup>985</sup>. А в декабре великий князь Сергей Михайлович, очевидно, подшучивая над приехавшей в Петербург родственницей, посоветовал ей не выкладывать белье, так как все равно скоро будет революция<sup>986</sup>. Видный анархист В.Н. Черкезов в письме к П.Б. Струве от 22 ноября 1904 г. утверждал, что недавно прошедший земский съезд – первый акт русской революции и недолго остается ждать, когда народные массы поднимутся на борьбу за свои права<sup>987</sup>. В консервативных кругах ожидали совсем иной ответ народа на происходившие события. «Недовольные петербургские крикуны только умеют критиковать и ни на что другое не способны. Провинциальные балалайки, вроде Стаховича, люди, мнящие, что они государственные люди, – ведь это горстка. Попробуй-ка они предложить купечеству, духовенству, народу конституцию, как им голову свернут», – 6 декабря 1904 г. писал А.А. Нарышкин историку Н.П. Барсукову<sup>988</sup>. Так что люди разных убеждений, по разному интерпретируя народное настроение, воспринимают его как фактор внутренней политики.

События в Петербурге 9 января 1905 г. такому отношению только способствовали. «Сегодня весь день все в страшном возбуждении; ждут на завтра сражения в Москве. Средь дня говорили о забастовке 25 тысяч рабочих. Говорят, что Цинделевская фабрика хотела работать, но с других фабрик пришли рабочие и заставили их примкнуть к движению», – 11 января записала в дневнике О.Н. Трубецкая<sup>989</sup>. В тот же день член «Союза Освобождения» В.Я. Герд делился впечатлениями со своей сестрой и женой П.Б. Струве Н.А. Герд: «Это громадная чисто народная волна на почве нервного настроения, созданного войной и до известной незначительной степени предшествующими годами социал-демократической пропаганды. Волна захватила народные массы серого неорганизованного народа, наэлектри-

зованного Гапоном»<sup>990</sup>. Совсем иначе произошедшие события объяснял консерватор, издатель газеты-журнала «Гражданин» князь В.П. Мещерский. «Вникни правительство в мысль, что либеральные нужды интеллигенции – это только ее мозговые прихоти, шум, из-за которого заглушает голос нужд многомиллионного народа и отвлекает от него заботы правительства, чтобы привлечь их к чуждым народу нуждам интеллигенции, и проникнись правительство этой мыслью – разве мыслимо было бы пережить нам в эти четыре месяца все, что мы пережили», – писал Мещерский 11 января 1905 г.<sup>991</sup> Иными словами, правительство, желая удовлетворить чаяния интеллигенции, забыло о нуждах народа, и это в итоге и привело к столь кризисной ситуации.

Независимо от того, каких политических взглядов придерживался тот или иной общественный деятель, в своей практической работе он вынужден был считаться с существованием такого фактора как настроения народа и, по-своему их интерпретируя, полагаться на поддержку населения. Иначе говоря, вставала необходимость агитации в пользу своих взглядов. Как писал В.И. Вернадский жене 13 декабря 1904 г., активизировавшиеся тамбовские консерваторы немедленно приступили к популяризации собственной позиции. Крестьянам они говорили, что «господа... хотят захватить власть у Царя и вернуть путь на времена крепостного права» и земледельцам оставалось лишь рассчитывать на самодержавие. В биржевом же комитете консерваторы пугали купечество «земской олигархией», жаждущей власти<sup>992</sup>. В дальнейшем общественные деятели консервативных убеждений не раз подчеркивали, что их сторонники могут добиться успеха лишь при поддержке широких масс. Так, в статье «Объединение сил», написанной П.С. Шереметевым в феврале 1905 г., отмечалось: «Состав единомышленных людей должен быть непременно всесословный, чем шире, тем лучше»<sup>993</sup>. «Оплотом консерватизма, – писал Ф.Д. Самарин К.Ф. Головину, – служит у нас все-таки та народная масса, которая одна или почти одна живет у нас преданиями и унаследованным от отцов идеалами...»<sup>994</sup>

Необходимость корректирования тактики с учетом особой роли широких масс осознавалась и конституционалистами. «...Единственная разумная со всех точек зрения тактика состоит в том, чтобы овладеть революцией в самом начале и,

признав в существе эту революцию законной, вдвинуть ее в русло закономерной социальной реформы, осуществляемой в связи с полным политическим преобразованием страны теми средствами, которые дает демократическая конституция, – утверждал П.Б. Струве 18 марта 1905 г. – Если настоящий момент будет пропущен для активной тактики, то “закон действия” будет продиктован или, вернее, навязан русскому конституционализму, с одной стороны, самодержавным правительством, с другой же стороны, стихийным движением народных масс и поведением социалистических партий»<sup>995</sup>. Т. е., стихийным процессом движения широких масс необходимо научиться управлять, или, по словам самого Струве, «политик должен исходить из предположения, что он может и должен овладеть движением, ибо если он в это не верит, ему как политику нужно... ложиться спать»<sup>996</sup>. Представители левого крыла «Союза Освобождения» (В.Я. Герд, Г.А. Ландау) настаивали на кардинальных изменениях в тактике в смысле большего внимания к народным массам, упрекая при этом умеренных «освобожденцев» в «кабинетности» и «народобоязни»<sup>997</sup>. «Я считаю лично, что союз должен сейчас совершенно изменить свою тактику: он должен объединить радикальные и демократические элементы и двинуть их на политически незрелую массу народа», – писал В.Я. Герд<sup>998</sup>. Впрочем, и земцы-конституционалисты, обвиняемые в излишней умеренности, говорили примерно о том же. В марте 1905 г. на редакционном совещании «Московской неделе» И.И. Петрункевич настаивал на необходимости учитывать настроения и интересы народных масс при разработке программы будущего издания<sup>999</sup>. На июльском съезде земско-городских деятелей Петр Д. Долгоруков выступил с докладом «О приобщении широких масс населения к работе по политическим вопросам». Там был рассмотрен целый ряд практических мер, которые могли быть использованы общественными деятелями с целью вовлечения населения страны в политический процесс – и съезд в итоге согласился с Долгоруковым<sup>1000</sup>. «Нужно проникать в среду населения, так как, оставаясь в составе земских и городских деятелей, мы теряем прозелитов, – несколько дней спустя, на июльском съезде

де земцев-конституционалистов говорил В.И. Вернадский. – В стране происходит народное движение. Нужна пропаганда наших идей, так как иначе через нас и мимо нас отходят целые слои населения»<sup>1001</sup>.

Ориентация на все нарастающую активизацию народных масс предполагала и новые тактические приемы. Еще в декабре 1904 г. В.Я. Богучарский писал П.Б. Струве, что «средства мирного заявления своих требований, в сущности, уже исчерпаны», «освобожденцы» встали перед необходимостью обсудить способы борьбы, предполагавшие задействовать широкие массы: например, организация демонстраций, в той или иной форме бойкот правительства или даже вооруженное восстание. Правда, все эти формы воздействия на власть вызывали сомнения у самого Богучарского, однако примечательно, в какую сторону он рассчитывал повернуть тактику «Союза Освобождения».<sup>1002</sup> Другой «освобожденец», Г.А. Ландау, выступал «за массовое действие, за подготовку (не случайную, а хорошо организованную) бойкота... наконец, за принципиальное решение революционности поведения, а, следовательно, за принципиальное решение принять организованное участие в предстоящих насильственных столкновениях правительства с народом»<sup>1003</sup>. Такой точки зрения придерживалось не только левое крыло «Союза Освобождения». Например, В.Д. Набоков 13 апреля 1905 г. писал П.Б. Струве: «...Я глубоко убежден, что пока у господствующего режима есть в его распоряжении физическая сила, оно добровольно не уступит своей позиции. Рано или поздно неизбежно открытое столкновение...»<sup>1004</sup> Иными словами, сын министра юстиции, камер-юнкер В.Д. Набоков исходил из того, что лишь, располагая возможностью силовым способом разрешить конфликт, конституционалисты могли рассчитывать на реализацию своей программы. Практически об этом говорил и П.Н. Миллюков на июльском съезде земцев-конституционалистов: «Если члены нашей группы настолько щекотливо относятся к физическим средствам борьбы, то я боюсь, что ваши планы об организации партии в партийно-политической работе окажутся бесплодными. Ведь трудно рассчитывать на мирное разрешение назревших вопросов государственного переустройства в то время, как кругом происходит уже революция. Или, может быть, вы при этом

рассчитываете на чужую физическую силу, надеясь в душе на известный исход, но, не желая лично участвовать в актах физического воздействия?»<sup>1005</sup>

Таким образом, и неославянофилы, и конституционалисты, осознавая значительную роль народных масс на современном этапе, рассчитывали привлечь их на свою сторону и использовать в политической борьбе. Под этим углом рассматривали сложившуюся ситуацию и «собеседники» на заседаниях кружка 20–21 февраля 1905 г. «Избежать народа в начинающемся движении нельзя. Народ уже выступил. Слово свое он скажет. Необходимо, чтобы это слово было наиболее разумно, сделать его таковым – наша обязанность, а поэтому необходимо агитировать», – так говорил Д.И. Шаховской, отвечая на вопрос председательствующего, нужна ли пропаганда среди крестьян. Возражал исключительно В.М. Петрово-Соловово. По его мнению, любая агитация среди сельского населения могла вызвать исключительно озлобление, так как абсолютному большинству сельских жителей свойственны монархические настроения. Выступавшие на том же заседании С.А. Котляревский, Н.А. Шишков, Ю.А. Новосильцев и Петр Д. Долгоруков склонялись к точке зрения Д.И. Шаховского. «Чем менее на лицо политическое понимание крестьян, тем необходимее его просвещение, т.е. пропаганда, – оспаривал позицию В.М. Петрово-Соловово С.А. Котляревский. – Важно не только развить политическое понимание, но необходимо и указать ему практическое поле»<sup>1006</sup>. С этих же позиций выступал и Н.А. Шишков: чрезвычайно опасно оставлять без ответа агитационную деятельность правительства и социалистов в деревне, ведь скоро крестьянское движение, подобно рабочему, наберет мощь и станет серьезной силой. «Наша роль – руководить крестьянами, вывести их на мирный путь развития», – подытожил Шишков<sup>1007</sup>. П.Д. Долгоруков и Ю.А. Новосильцев выступили с конкретным предложением: по их мнению, следовало разработать экономическую программу, которая бы понравилась крестьянству и привлекла бы его на сторону земской партии<sup>1008</sup>.

Следующее заседание было намечено посветить другому вопросу – а именно недавно изданным указом и рескриптом от 18 февраля 1905 г.<sup>1009</sup> Ход дискуссии нарушил неожиданно

явившийся Н.Н. Львов: он прервал обсуждение и попросил заслушать свое сообщение. «Я видел ужасы, нечто вроде пугачевщины», – начал он рассказ, повествовавший о серьезных беспорядках в деревне, вылившихся в конфликт между Н.Н. Львовым и местным крестьянством<sup>1010</sup>. «Это обезумевшие люди, возбужденные хищники», – описывал Львов крестьян. Он вынужден был обратиться к помощи саратовского губернатора П.А. Столыпина. Естественно, Н.Н. Львов вывез семью из деревни, и сам не знал, сможет ли вернуться туда, так как, прибегнувший к силе, он становился врагом всей округи<sup>1011</sup>.

Рассказ Н.Н. Львова стал поводом для настоящей дискуссии. Выступавший первый П.А. Гейден определил аграрное движение как реакционное и считал невозможным хоть как-то его соотносить с рабочим. Аграрное движение по самой своей природе реакционно, так как это не борьба за права, а, прежде всего, неприятие сложившиеся правовых отношений. Иначе говоря, крестьянские беспорядки носили безусловно антиправовой характер<sup>1012</sup>. «Нас стараются убедить, что аграрное движение есть движение реакционное. Но, однако, так ли это, – оппонировал Д.И. Шаховской. – Но это явление неизбежное. Причина этим явлениям – весь существующий строй». По мнению Шаховского, в условиях тотального насилия и попрания всякого права подобное поведение крестьянства вполне ожидаемо, и можно только удивляться, что размеры аграрного движения пока не так велики. Правительство едва ли не намеренно ведет ситуацию к гражданской войне. «Надо устанавливать порядок, а оно разрушает его всюду». Но теперь в силу развития массового движения в городах ситуация уходит из-под контроля власти. «Нам пора перестать надеяться на правительство, надеяться вразумить его. Нам надо самим стать правительством», – сделал вывод Д.И. Шаховской<sup>1013</sup>.

Менее оптимистично был настроен С.А. Котляревский. Он сравнивал ситуацию, сложившуюся в России, с тем, что происходило во Франции в середине XIX в.: «При политических переворотах большую роль играет чувство самосохранения. Большинство близоруко и ищет спасение в реакции. Поэтому реакция возможна». По мнению Котляревского, народные настроения по природе своей неустойчивы, они могут кач-

нуться вправо, и в этом случае конъюнктура резко изменится. Помимо этого, он не считал возможным характеризовать события, описанные Н.Н. Львовым, как аграрное движение: «Это просто грабеж, отзвуки старины, крепостного права, эгоистические инстинкты». Так что к проявлениям народного гнева С.А. Котляревский относился весьма настороженно и не считал массовое движение безусловным аргументом в борьбе с господствующим режимом.

Впрочем, большинство собравшихся скорее соглашалось с Д.И. Шаховским. «Я думаю, что есть хорошая сторона аграрных беспорядков – они расшатывают существующий строй», – утверждал П.М. Толстой<sup>1014</sup>. По сути дела, о том же говорил и В.А. Маклаков, правда, свою мысль он изложил более развернуто. Во-первых, массовое движение затрудняет деятельность правительства и вносит панику в «высшие сферы»: «Самодержавие делается все более опасной профессией». Во-вторых, аграрные беспорядки, бесспорно, влияют на настроения в обществе. Характер этого воздействия определить сложно. Возможно, массовое движение склоняет симпатии обывателей в пользу реакции. Так что, по мнению В.А. Маклакова, перед «Беседой» вставала задача убедить «публику», что «пугачевщина есть следствие бесправия», и тем самым превратить факт наличия массового движения в весомое доказательство кризиса режима.

С.А. Толстой считал неверным делать различия между «пугачевщиной» и аграрным движением. Ведь «аграрное движение обыкновенно происходит из эгоистических побуждений. Эти беспорядки у нас являются естественным следствием всего предшествующего реакционного периода и могут быть полезны как симптом. Высокая температура служит показателем сильного тифа, но не в ней причина тифа». Иначе говоря, С.А. Толстой оценивал аграрное движение не с точки зрения его политической направленности: он исходил из того, что брожение в деревне, в принципе, не имело определенной идеологической окраски. Согласно его позиции, аграрное движение – не политическая сила, а скорее один из факторов, определявших условия, в которых разворачивалась политическая борьба<sup>1015</sup>. Примерно в этом же духе выступал Ю.А. Новосильцев. Он срав-

нивал происходившее в Саратовской губернии с крестьянскими беспорядками в Западной Европе и приходил к выводу, что аграрное движение не имеет каких-либо политических целей и его нельзя увлечь лозунгом вроде всеобщего избирательного права. При этом в данном случае, описанном Н.Н. Львовым, надо делать скидку на «мордовское дикое население»<sup>1016</sup>. Дискуссия подытожил Павел Д. Долгоруков: «Наш долг, как легко раненым офицерам надо возвращаться в строй, – так нам в деревню при беспорядке». Затем председательствующий на том заседании М.Д. Ершов предложил «собеседникам» вернуться к обсуждению рескрипта от 18 февраля<sup>1017</sup>.

«Беседа» не пришла к какому-либо формальному решению по вопросу об отношении к аграрному движению. Однако, можно выделить общие позиции, с которых выступали практически все «собеседники». Во-первых, всеми признавалось, что политический процесс вошел в новую стадию в связи с активизацией аграрного и рабочего движения. Во-вторых, превалировала точка зрения, что массовое народное движение по своей природе аполитично и общественным деятелям необходимо приложить усилия, чтобы направить его в необходимую сторону и придать ему вес в глазах общественности. По ключевым вопросам разногласия не было. В сущности, характер дискуссии определялся внутренне противоречивой оценкой происходившего в деревне. Умозаключения П.А. Гейдена об антиправовой направленности аграрного движения фактически никто и не старался опровергнуть. Просто одни (Д.И. Шаховской, С.Л. Толстой) считали крестьянские выступления печальной закономерностью, другие (С.А. Котляревский, Ю.А. Новосильцев) описанные Н.Н. Львовым события относили к явлению исключительному, третьи (П.М. Толстой, В.А. Маклаков) в своих выступлениях не касались сути происходившего. Таким образом, «собеседники» уходили от принципиальной для себя проблемы – можно ли принять то, что имело место в деревне. Попытка уйти от категоричного ответа П.А. Гейдена «нет» создавала все многообразие мнений по этому вопросу. В итоге наиболее приемлемая позиция сводилась к следующему: аграрное движение, словно природное явление, надо учитывать и использовать<sup>1018</sup>.

Преобладание этой точки зрения, по существу, должно было

привести к отказу от прежней тактической линии «Беседы», основанной на личных связях «собеседников», их влиянии в кудуарах земских собраний и осведомленности о происходившем в «высших сферах». Попытка задействовать массовое движение требовала совсем иных организационных форм. координационный центр, коим, по существу, и была «Беседа», для этой цели был уже недостаточен.

В феврале 1905 г. «Беседа» фактически прекратила свое существование. Правда, «собеседникам» удалось провести еще одно заседание 27 мая 1905 г., однако поставить его в один ряд с прежними совещаниями участников объединения не представляется возможным. В тот день обсуждалась исключительно издательская деятельность кружка. Вопрос, стоявший особняком на том заседании, – какой характер должна носить дальнейшая работа «Беседы». И примечательно решение на этот счет: выражая желание продолжить прежнюю деятельность кружка, собравшиеся постановили считать «Беседу» конституционным объединением, но, вместе с тем, не исключать неконституционалистов из ее рядов<sup>1019</sup>. В следующий раз, 10 октября 1905 г., в доме Долгоруковых собралось всего лишь три человека: сам П.Д. Долгоруков, В.А. Маклаков и краснинский уездный предводитель дворянства Н.И. Мазарович. Начинаясь Всеобщая российская забастовка, и как раз этим объяснялось отсутствие многих «собеседников». Было решено считать заседание несостоявшимся и перенести его на ноябрь<sup>1020</sup>. Однако, более «Беседа» не собиралась.

Итак, вызов времени, обусловленный обострением политического кризиса в 1904–1905 гг., «Беседа» принять не смогла. В новых условиях программа, тактика и организационная структура объединения представлялись уже архаичными.

Неуклонная радикализация общества в 1904–1905 гг. привела к обострению противоречий между представителями различных идеологических направлений. Более того, возникали серьезные разногласия даже между сторонниками одного политического течения. Эта дифференциация взглядов стала причиной организационного размежевания. Программа «Беседы», основанная на компромиссе двух на тот момент противобор-

ствующих идеологий (конституционалистской и неославянофильской), в этих условиях была не востребована.

Активизация массового народного движения в 1905 году поставила перед общественными деятелями новую задачу: как использовать потенциал больших коллективов в политической борьбе. Так что «собеседники» осознавали необходимостью пересмотреть прежние тактические установки кружка.

Однако организационная структура объединения была выстроена в соответствии с тактическими приемами «Беседы», обозначенными участниками объединения еще на раннем этапе существования кружка. «Беседа» предполагалась как координационный центр земского движения, но как организация кружкового типа контролировать (или, по крайней мере, делать вид, что контролирует) разворачивающиеся по всей стране массовые народные движения она не могла. Таким образом, организационная структура, более или менее успешно функционировавшая во времена Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, по самой своей природе не могла приспособиться к новым условиям.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К концу XIX в. правительственная власть устала от роли «единственного европейца в России». Формирующимся институтам гражданского общества она противопоставила репрессивную политику авторитарного режима. Тем самым она создавала политическое напряжение там, где все, казалось бы, должно было ограничиваться частными, хозяйственными, имущественными спорами. Общество было вынуждено искать способы консолидации собственных усилий, чтобы суметь эффективно противостоять наступлению власти. Неслучайно, что как раз в это время возник целый ряд объединений, которые впоследствии перерастут в политические партии. Это был период протопартий, необходимых хотя бы для того, чтобы «людская пыль», наконец, обрела предварительные организационные формы и идеологические ориентиры. Это было время знакомства политически активных общественных деятелей, обретения ими начального опыта выработки общей программы, совместной борьбы во имя ее реализации. Их изначально сравнительно узкий круг знакомства постепенно разрастался, становился частью единого политического пространства, имевшего общенациональный характер. В таких кружках формировались устойчивые личные связи, алгоритмы поведения, идеологические модели, которые сыграют определяющую роль в 1905 г..

Подобные процессы происходили во всех «фракциях» общественного движения, в том числе, и среди земцев, которые почувствовали угрозу, нависшую над органами местного самоуправления. Активизировавшиеся земцы искали наиболее удобные для себя способы самоорганизации. В итоге они сошлись на том, что лишь объединение кружкового типа может на постоянной основе существовать в самодержавной России, оставаясь практически незаметной для органов политического сыска.

По сути дела, такой организацией и была «Беседа». Это было объединение влиятельных земцев преимущественно из центральных губерний России. Оно основывалось на личных связях участников: «Беседа» в значительной степени состояла из родственников, друзей, коллег. Организация не строилась

вокруг какого-либо формального принципа. Более того, она сопротивлялась любой попытке формализации отношений внутри кружка, образованию более сложной структуры объединения. И вместе с тем, неформальные связи «собеседников» позволяли поддерживать единство «Беседы», несмотря на существовавшие идейно-политические разногласия. К тому же, общность интересов деятелей местного самоуправления требовала от участников объединения нахождения компромисса относительно идеологических и программных установок.

«Беседа» включала в себя как конституционалистов, так и неославянофилов, сторонников обновленного, реформированного самодержавия. При том, что политическая философия тех и других заметно различалась и эти различия основывались на принципиально отличном видении мира, существовал целый ряд как идеологических, так и программных позиций, по которым конституционалисты и неославянофилы сходились. Права человека, принцип самоуправления общества, ограничение власти бюрократии (а, в сущности, самодержавия) – идеи, отстаиваемые сторонниками этих двух идеологических течений. Непреодолимых разногласий между ними было немного. Можно даже утверждать, что противоречия становились значительными, как только обсуждение вопроса переходило в плоскость более или менее абстрактной философии, и, наоборот, они сходили на нет по мере конкретизации проблемы.

Так что основания для компромисса были. Оставалось лишь ожидать уступок с той или другой стороны. И уступать вынуждены были, прежде всего, конституционалисты, так как единая политическая платформа «Беседы» скорее могла выстроиться вокруг «программы-минимум», признаваемой всеми участниками кружка, нежели максимальных требований, отстаиваемых лишь частью объединения. В результате «Беседа» отстаивала идею последовательной реализации принципа самоуправляющегося общества, не предпринимая при этом вопроса о будущей форме правления.

Из этой посылки логически вытекали и программные требования кружка. Во-первых, «собеседники» настаивали на децентрализации системы управления, иными словами, на передаче больших полномочий земствам. Во-вторых, «Беседа»

выступала в пользу учреждения органов местного самоуправления на всех уровнях власти. В связи с этим возникал вопрос о мелкой земской единице, то есть, о волостном или, может быть, даже сельском земстве. В-третьих, «собеседники» отстаивали идею участия избранных представителей общества в работе центральных правительственных органов. Правда, «Беседа» предпочитала не уточнять, какими полномочиями должно было обладать проектируемое представительство.

Тактика «Беседы» определялась социальным статусом большинства «собеседников»: положение земского деятеля, с одной стороны, давало заметные преимущества, с другой, – налагало некоторые ограничения. «Собеседникам», не готовым к подпольной конспиративной работе, приходилось быть «корректными»: они не собирались скрывать свою оппозиционность, однако перенимать тактику революционных партий было для них неприемлемо. Ведь, в первую очередь, они рассчитывали на земские собрания, которые были встроены в систему власти в России и, естественно, должны были соответствовать «правилам игры», установленным правительством. С помощью постановлений, петиций, адресов, ходатайств земских собраний «собеседники» надеялись сформировать общественное мнение, которое изнутри «взломало» бы сложившуюся политическую систему, заставило бы власть идти на уступки, которые бы влекли за собой дальнейшее «отступление» режима, что в итоге привело бы к его полному преобразению. При этом, общественное мнение, выраженное в земских адресах или ходатайствах, не было предназначено для популяризации, распространения в широких массах населения: оно было непосредственно адресовано власти и должно было так или иначе влиять на ее решения.

Члены «Беседы», в целом, оптимистично смотрели в будущее: они были уверены, что у правительства не было другого выхода, кроме как прислушаться к их голосу. В противном случае, рассуждали они, власть окажется вынужденной капитулировать. Убежденные, что историческая логика на их стороне, «собеседники» ожидали, что дальнейшие события в стране будут играть им «на руку» и нужно лишь умело воспользоваться выгодной конъюнктурой, чтобы добиться искомого результата. А пока ситуация не столь благоприятна для оппозиции, «со-

беседники» рассчитывали отстаивать идею эволюционного развития политической системы России, основанного на диалоге земства и власти. Успешное взаимодействие правительства и оппозиционной общественности, по мнению участников «Беседы», могло бы уберечь страну от серьезных катаклизмов и обеспечить ей поступательное развитие.

Придерживаясь этих принципов, «собеседники» определялись с конкретными тактическими приемами. Один из них – одновременная подача петиций со схожими требованиями земских или дворянских собраний. Действительно, есть основания полагать, что «Беседе» удавалось координировать деятельность земств. «Собеседники» стремились к тому, чтобы синхронно возбужденные ходатайства приносили бы в случае их удовлетворения максимальный результат. В силу этого тексты петиций должны были соответствовать двум критериям. Во-первых, заключенные в них требования должны быть приемлемы для властей, они не должны а priori «отпугивать» правительственных чиновников. Во-вторых, проведение в жизнь этих требований должно привести к определенным подвижкам в политической системе России, которые в итоге стали бы причиной изменений всего механизма управления страной.

«Собеседники» также рассчитывали на личные контакты с представителями власти. Они были готовы на диалог, а, соответственно, на уступки в надежде на ответные шаги со стороны правительства. Помимо этого, «Беседа» не упускала из вида «печатное слово». Объединение тесно взаимодействовало с периодическими изданиями, а также занималось собственной издательской деятельностью. В данном случае цель кружка – опять же формирование общественного мнения. Так, от органов печати ожидалась информационная поддержка разнообразных акций земского движения. Сборники же «Беседы», посвященные наиболее актуальным вопросам российской действительности, – своего рода агитационная литература, отстаивавшая определенный способ решения той или иной общественно-политической проблемы.

Тактика «Беседы», некоторое время казавшаяся единственно возможной, уже с начала 1904 г. стала вызывать серьезные сомнения. Ужесточение политики правительства по отношению

к обществу, в целом, и земству, в частности, подрывало всякую надежду на возможность компромисса со существующей властью. В этих условиях настроения в земских кругах неуклонно радикализировались. Вместе с тем, и постановления «Беседы» становились все менее «корректными» и более конфронтационными по отношению к власти. как это не странно, либерализация курса в период министерства П.Д. Святополк-Мирского не способствовала умиротворению общества. Завышенные ожидания вкупе с опасениями поворота правительственной политики в сторону реакции порождали ощущение неустойчивого равновесия, когда активная позиция той или иной части общества была способна в корне изменить ситуацию. Так что конституционалисты теперь уже были уверены в возможности вынудить власти пойти на учреждение законодательного представительства. Неославянофилы, в свою очередь, имели все основания рассчитывать на проведение своей программы министерством П.Д. Святополк-Мирского. В этой ситуации сохранение единой программы конституционалистов и неославянофилов оказывалось невозможным. «Беседа» же, построенная на консенсусе представителей этих двух политических течений, теряла идеологические основания своей деятельности. Более того, новые вызовы времени давали почву разногласиям как среди конституционалистов, так и среди неославянофилов. Иными словами, шла дифференциация взглядов внутри этих идеологических направлений. И этот процесс находил свое институциональное выражение: общественные деятели стремились к созданию объединений с отчетливой, детально проработанной политической программой. компромиссная по своей природе программа «собеседников» была уже в этом случае анахронизмом. «Беседа» невольно эволюционировала в сторону организации конституционалистского толка, теряя, таким образом, значение координационного центра всего земского движения.

Бурные события начала 1905 г. поставили под вопрос и тактические установки «Беседы». Стало очевидным, что массовое движение является серьезным фактором внутренней политики и необходимо научиться его использовать в целях общественно-политической борьбы. Тактика же «Беседы» строилась на лич-

ных связях «собеседников» и была рассчитана на «кулуарное» ведение дел. Не имея сложной организационной структуры, будучи объединением кружкового типа, «Беседа» по самой своей природе не могла превратиться в массовое объединение или же организацию, способную мобилизовывать широкие массы населения.

Таким образом, в условиях первой русской революции «Беседа» не отвечала новым вызовам времени. Ее организационная структура, программа, тактика принадлежали периоду относительной стабильности авторитарного режима. Остаться на прежних позициях «Беседа» не могла, но и перестроиться оказалось невозможным. В итоге кружок для его участников потерял всякий интерес. И однажды «собеседники» не пришли на назначенное заседание.

Буквально несколько дней спустя начнет работу учредительный съезд партии кадетов. Вскоре будет создан «Союз 17 октября». В руководстве одной и другой партии ведущую роль играли бывшие члены «Беседы». Многие из них познакомились в кружке, где им впервые приходилось занимать политическую позицию. Там впервые формулировались мысли, которые впоследствии находили свое место в партийных программах. И, наконец, в кружке в прошлом единомышленники расходились, а непримиримые оппоненты, наоборот, сближались. «Беседа» «до самого конца олицетворяла молодость русской либеральной общественности. В ней были еще живы и сильны те иллюзии на безболезненное и мирное обновление России, которые позднее ослабли. Она не потеряла еще веры во власть и была полна веры в русское общество... Исторический интерес «Беседы» в том и заключался, что она как бы зафиксировала один из этапов в развитии русской общественности, когда эта общественность еще не забыла традиций 60-х годов, помнила о сотрудничестве «власти» и «общества» и готовилась именно к этому»<sup>1021</sup>.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Виргинский Р.С. Хотеев Р.Ф. Очерки истории науки и техники. 1870–1917. М., 1986. С. 93–94.
- <sup>2</sup> Там же. С. 111.
- <sup>3</sup> Там же. С. 132–133.
- <sup>4</sup> Там же. С. 152.
- <sup>5</sup> Там же. С. 153.
- <sup>6</sup> Там же. С. 154.
- <sup>7</sup> Там же. С. 158.
- <sup>8</sup> Там же. С. 174.
- <sup>9</sup> Муравьева И.А. Век модерна. СПб., 2004. С. 11–12.
- <sup>10</sup> Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914. М., 1997. С. 22.
- <sup>11</sup> Первая революция в России: Взгляд через столетие. М., 2004. С. 53.
- <sup>12</sup> Miliukov P. Russia and it's crisis. N.Y., 2005. P.165.
- <sup>13</sup> История Великобритании. М., 2008. С. 349–350.
- <sup>14</sup> Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 27.
- <sup>15</sup> Там же. С. 30.
- <sup>16</sup> Черменский Е.Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905–1907 гг. // История СССР. М., 1965. № 5. С. 41–60; Лаврычев В.Я. Общие тенденции развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX – начала XX века // История СССР. 1976. №3. С. 45–63; Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985; Пайпс Р. Струве: Биография: В 2 т-х. М., 2001; Fischer G. Russian liberalism from gentry to intelligentsia. Cambridge, 1958; Galai S. The liberation movement in Russia, 1900–1905. Cambridge, 1973
- <sup>17</sup> Канищев В.Ю. Роль журнала «Освобождение» в формировании конституционно-демократической партии: Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 2006.
- <sup>18</sup> Лукоянов И.В. Русское собрание. СПб., 1998. С. 165–170; Кирьянов Ю.И. Русское собрание, 1900–1917. М., 2003.
- <sup>19</sup> Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда. СПб., 2007.
- <sup>20</sup> Розенталь И.С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007. С. 239–283.
- <sup>21</sup> Шаховской Д.И. «Союз Освобождения» // Либеральное движение, 1902–1905 гг. М., 2001. С. 544–546.
- <sup>22</sup> Там же. С. 544.
- <sup>23</sup> Будницкий О.В. Василий Алексеевич Маклаков // Российские либералы. М., 2001. С. 521–522.

- <sup>24</sup> «Совершенно лично и доверительно»: В.А.Маклаков – Б.А.Бахметьев: Переписка, 1919–1951: В 3 т-х. М., 2002. Т.3. С. 438.
- <sup>25</sup> Там же. С. 439–440.
- <sup>26</sup> Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России: В 2 т-х. Париж, 1936. Т. 2. С. 295; См. также: Он же. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 304.
- <sup>27</sup> Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России... С. 293.
- <sup>28</sup> Там же. С. 296.
- <sup>29</sup> Там же. С. 292.
- <sup>30</sup> Там же. С. 291; См.также: Он же. Из прошлого // Современные записки. Париж, 1932. Т.48. С. 354–360; Адамович Г.В. Василий Алексеевич Маклаков. Париж, 1959. С. 138.
- <sup>31</sup> Милюков П.Н. Воспоминания: В 2 т-х. М., 1990. Т.1. С. 282.
- <sup>32</sup> Милюков П.Н. Либерализм, радикализм и революция // Современные записки. №57. Париж, 1935. С.292.
- <sup>33</sup> Милюков П.Н. Воспоминания: В 2 т-х. М., 1990. Т.1 С. 282.
- <sup>34</sup> Милюков П.Н. Либерализм, радикализм и революция//Современные записки. № 57. Париж, 1935. С. 290.
- <sup>35</sup> Белоконский И.П. Земство и конституция. М., 1910. С. 69; Он же. Земское движение. М., 1914. С. 80; Долгоруков П.Д. Князь Павел Дмитриевич Долгоруков // Долгоруков П.Д. Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 332–334.
- <sup>36</sup> Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 19–20; Он же. Земско-либеральное движение накануне революции 1905–1907 гг... С. 44–46; Он же. О социальном облике «освобожденчества» (1902–1905) // История СССР. 1977. №6. С. 231.
- <sup>37</sup> Лаврычев В.Я. Общие тенденции развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX – начала XX века... С. 53; Пайпс Р. Струве: Биография: В 2 т-х. М., 2001. Т.1. С. 408–412; Шлемин П.И. Земско-либеральное движение на рубеже XIX–XX вв.: Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 1973. С. 10–11, 14–15; Fischer G. Russian liberalism from gentry to intelligentsia. Cambridge, 1958. P. 125; Galai S. The liberation movement in Russia, 1900–1905. Cambridge, 1973. P. 52–57.
- <sup>38</sup> См.: Шацилло К.Ф. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» и «Союза Освобождения» в фонде Д.И.Шаховского // Археографический ежегодник. М., 1974. С. 285–296.
- <sup>39</sup> Шацилло К.Ф. О составе русского либерализма накануне революции 1905–1907 гг. // История СССР. 1980. №1. С. 74.
- <sup>40</sup> Там же. С. 67–68; Шацилло К.Ф. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901–1904 гг.) // Исторические записки. М., 1976. С. 55,

- 77; Он же. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 38, 108; См. также: Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С. 125.
- <sup>41</sup> Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 140; Он же. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901–1904 гг.)... С. 55; Он же. О составе русского либерализма накануне революции 1905–1907 гг... С. 68–69.
- <sup>42</sup> Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 210–211; Королева Н.Г. Земство на переломе (1905–1907). М., 1995. С. 80; Чо Хо Ен. Оформление либерального движения в России (1890–1906 гг.): Дис...канд. ист. наук. СПб., 1996. С. 118, 122–123, 173; Frohlich K. The emergence of Russian constitutionalism. L., 1981. P. 135–136, 246.
- <sup>43</sup> Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 17–18.
- <sup>44</sup> Manning R.T. The crisis of the old regime in Russia. Princeton, 1982. P. 62–63.
- <sup>45</sup> Красавин А.С. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» в фонде В.А.Маклакова // Археографический ежегодник. М., 1968. 354–359 с.; Шацилло К.Ф. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» и «Союза Освобождения» в фонде Д.И.Шаховского // Археографический ежегодник. М., 1974. С. 285–296.
- <sup>46</sup> ОПИ ГИМ Ф.31. Оп.1. Д.142.
- <sup>47</sup> Михеева Э.П. Несколько дополнений к истории «Беседы» // История СССР. 1966. №2. С. 242.
- <sup>48</sup> Там же. С. 243.
- <sup>49</sup> Там же. С. 242.
- <sup>50</sup> Там же. С. 243.
- <sup>51</sup> Там же. С. 242.
- <sup>52</sup> Там же. С. 241.
- <sup>53</sup> Emmons T. The Beseda circle, 1899–1905 // Slavic Review. V.32. № 3. 1973. P. 465–470.
- <sup>54</sup> Ibid. P. 470–471.
- <sup>55</sup> Ibid. P. 483–487.
- <sup>56</sup> Ibid. P. 473–482.
- <sup>57</sup> Ibid. P. 487–488.
- <sup>58</sup> Ibid. P. 488.
- <sup>59</sup> Ibid. P. 488.
- <sup>60</sup> Emmons T. Additional notes on the Beseda circle, 1899–1905 // Slavic Review. V. 33. № 4. P. 741.
- <sup>61</sup> Emmons T. The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge, 1983. P. 28.

- <sup>62</sup> Лаверычев В.Я. «Беседа» и тенденции к консолидации консервативных сил в России конца XIX – начала XX вв. // Отечественная история. 1994. №3. С. 43, 49.
- <sup>63</sup> Там же. С. 49.
- <sup>64</sup> Там же. С. 45.
- <sup>65</sup> Там же. С. 52.
- <sup>66</sup> См.: Глава первая. Организация «Беседа»: образование, состав, структура.
- <sup>67</sup> Лаверычев В.Я. «Беседа» и тенденции к консолидации консервативных сил в России конца XIX – начала XX вв.... С. 49.
- <sup>68</sup> Шаццлло К.Ф. Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. М., 2000. С. 366–371; Он же. Русский либерализм в конце XIX – начале XX века // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 286.
- <sup>69</sup> Шаццлло К.Ф. Консерватизм на рубеже XIX–XX вв... С. 369.
- <sup>70</sup> В статье «Русский либерализм в конце XIX – начале XX века», опубликованной в 1999 г., в качестве единого требования «собеседников» К.Ф.Шаццлло только упоминает о Земском соборе, попутно замечая, что для многих участников объединения просьба к государю созвать законосовещательное представительство звучала слишком скромно. (Шаццлло К.Ф. Русский либерализм в конце XIX – начале XX века... С. 286).
- <sup>71</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 17–34, 90–98, 137–156; 170–170-а, 173–174, 228, 230–231, 234–235, 238–239, 242–246, 253–254
- <sup>72</sup> Там же. Л. 157–158; ОПИ ГИМ Ф. 385. Оп.1. Д. 2. Л. 6–7
- <sup>73</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп.1. Д. 651. Л. 25 об.-31
- <sup>74</sup> Там же. Л. 18.
- <sup>75</sup> Там же. Л. 24 об.-25.
- <sup>76</sup> Там же. Л. 25.
- <sup>77</sup> Шереметев П.С. О кружке «Беседа»: Письмо в редакцию // Новое время. 28 февр.1907. С. 4.
- <sup>78</sup> РГАДА Ф.1287; РГИА Ф. 1088; ОР РГБ. Ф. 341.
- <sup>79</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 177–195, 207–211, 292.
- <sup>80</sup> Там же. Л. 314.
- <sup>81</sup> Там же. Л. 312, 341–342; ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 28. Л. 31; Д. 50. Л. 111–115; Д. 62. Л. 91–92, 95–96.
- <sup>82</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 293–296, 303, 334; ОПИ ГИМ Ф. 385. Оп.1. Д. 2. Л. 88–91; ОР ГИМ Ф. 53. Кн. 15596; ОР РГБ Ф. 70. К. 79. Д. 10. Л. 1–7.
- <sup>83</sup> Всеобщее образование в России. М., 1902; Мелкая земская единица: В 2 вып. СПб., 1902–1903; Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: В 2 т-х. СПб.,

- 1904; Крестьянский строй. СПб., 1905; Политический строй современных государств: В 2 т-х. СПб., 1905; Аграрный вопрос: В 2 т-х. М., 1905; Конституционное государство: В 2 т-х. СПб., 1905.
- <sup>84</sup> Шаховской Д.И. Адресы земств 1894–1895 гг. и их политическая программа // Избранные статьи и письма, 1881–1895. М., 2002. С. 90–132; А. П[олонов]. Самодержавие, бюрократизм и земство. – Берлин, 1902; РГИА Ф. 1088 Оп. 2. Д. 465.
- <sup>85</sup> Власть и реформы. СПб., 1996. С. 399
- <sup>86</sup> Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С. 118
- <sup>87</sup> Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 216
- <sup>88</sup> Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980. С. 27
- <sup>89</sup> Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 256
- <sup>90</sup> Там же. С. 258
- <sup>91</sup> Там же. С. 295
- <sup>92</sup> Там же. С. 306
- <sup>93</sup> Там же. С. 305–306.
- <sup>94</sup> Там же. С. 336–339.
- <sup>95</sup> Цит. по: Мельгунов С.П. Московский университет в 1894 году // Голос минувшего. 1913. № 5. С. 188.
- <sup>96</sup> Могилянский Н. Из воспоминаний о Петербурге конца XIX и начала XX века // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. №4. С. 107–108.
- <sup>97</sup> Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914. М., 1997. С. 165–167.
- <sup>98</sup> Там же. С. 173–174.
- <sup>99</sup> Зайончковский П.А. Указ.соч. С. 205–206.
- <sup>100</sup> Лазаревский Н.И. Земское избирательное право//Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С. 53.
- <sup>101</sup> Переписка Витте и Победоносцева // Красный архив. 1928. №5. С. 103.
- <sup>102</sup> Пирумова Н.М. Указ.соч. С. 173.
- <sup>103</sup> Дневник А.С. Суворина. Л.-М., 2000. С. 330.
- <sup>104</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 13. Л. 51
- <sup>105</sup> Библиотека РГИА. Коллекция печатных записок. Записка № 3072. С. 1
- <sup>106</sup> В.К. Плеве согласился с А.А. Киреевым о необходимости отменить личный доклад министров: «“Верхние дела” должны вершиться сообща в “боярской думе” (Государственном Совете) в присутствии государя». Местные интересы должны вершиться выборными

местными людьми лишь при участии администрации. Общегосударственные же вопросы (в первую очередь финансовые) должны обсуждаться «Думой». (ОР РГБ Ф. 126 К. 13 Л. 313–314). Эту программу реформ сложно согласовать с тем курсом, который на практике проводил Плеве. Но в данном случае даже не столь важно, что, в действительности, В.К. Плеве находил полезным. Любопытно то, что, говоря, вероятно, лишь о гипотетических преобразованиях, министр, по существу, вторил Кирееву: именно славянофильская программа привлечения «земли», общества к законодательной деятельности и противопоставления его чиновничеству приходила на ум В.К. Плеве.

<sup>107</sup> Дневник кн. Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 241

<sup>108</sup> ГАРФ Ф.601. Оп. 1. Д. 872 Л. 33, 47–49, 75, 101–106; Действия П.Д. Святополк-Мирского встречали полное сочувствие славянофила Киреева. Еще в августе 1904 г. он писал Л.А. Тихомирову: «Имел вчера основательный разговор с Святополк-Мирским. Наконец-то, слава Богу, имеем министра, совершенно ясно смотрящего на дела. Он понимает, что настоящий бюрократический строй не может держаться долее; понимает и то, что конституция для нас – гибель. Стало быть, в будущем, – необходимость монархии с совещательным голосом, наша древняя московская». (25 лет назад: Из дневников Л. Тихомирова // Красный архив. Т.1. М.-Л., 1930. С. 62). В письме Л.А. Тихомирову от 17 октября 1904 г. были такие слова о предполагавшемся созыве земских деятелей: «Призываются земцы. – Земство! Так сказать, *in cogroge*, важный и правильный почин – а тут его (П.Д. Святополк-Мирского – К.С.) свалила астма! Это шаг настоящего государственного ума, да и Плеве хотел его сделать, вся его ошибка состояла в том, что он хотел сначала справиться с крамолкой; нужно было не начать с уничтожения крамолы, а кончить им. Ведь крамола сама пропадет, когда к ней перестанут приходить резервы из земства и дворянства! Нет, я так верю в действительность, современность, под условием, чтобы мы не свернулись с того пути, на который вступили...» (ГАРФ Ф. 634 Оп. 1 Д. 101 Л. 118)

<sup>109</sup> Следует учитывать, что четкой грани, отделявшей общественность от представителей власти, не было. В качестве примера можно привести семью князей Трубецких, братьев Сергея и Евгения, двух известных философов, общественных деятелей, членов кружка «Беседа». Их сводный брат П.Н. Трубецкой был предводителем московского губернского дворянства. Московский губернатор Г.И. Кристи был женат на их сестре М.Н. Трубецкой. Московский обер-полицеймейстер, а затем петербургский генерал-губернатор Д.Ф. Трепов также породнился с семьей Трубецких, выдав свою дочь

за племянника князей Сергея и Евгения П.В. Глебова. Их двоюродный брат А.А. Лопухин был директором Департамента полиции. А.Д. Оболенский, товарищ министра внутренних дел (1897–1901), с 1902 г. товарищ министра финансов, а впоследствии (с 1905 г.) обер-прокурор Синода, был двоюродным братом их матери. (Трубецкая О.Н. Из прошлого // Современные записки. 1937. №64. С. 284).

<sup>110</sup> Политические партии России: История и современность. М., 2000. С. 169.

<sup>111</sup> Там же. С. 172.

<sup>112</sup> Там же. С. 173–174.

<sup>113</sup> Аптекман О.В. Партия Народного права // Былое. 1907. №7 / 19. С. 190.

<sup>114</sup> Широкова В.В. Партия «Народного права»: Из истории освободительного движения 90-х годов XIX века. Саратов, 1972. С. 175.

<sup>115</sup> Там же. С. 64.

<sup>116</sup> Аптекман О.В. Указ.соч. С. 198–204.

<sup>117</sup> О том же писал В.В. Хижняков в своих воспоминаниях. (ОР РГБ Ф.322. К. 2. Д. 10. Л. 138).

<sup>118</sup> Маргов Ю.О. История российской социал-демократии // Избранное. М., 2000. С. 25–27.

<sup>119</sup> Там же. С. 28.

<sup>120</sup> Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 650–651; См. также: Костылев В.Н. Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. 1992. №6–7. С.37.

<sup>121</sup> Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 534–536.

<sup>122</sup> Лукоянов И.В. Русское собрание // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 165–166; Если же обратиться к взглядам С.Н. Сыромятникова, одного из инициаторов образования Русского собрания, политическую «платформу» этого объединения на момент его основания можно реконструировать более детально В записке от 6 июня 1902 г., адресованной В.К. Плева, Сыромятников призывал нового министра внутренних дел готовиться к созыву Земского собора: «Не забудьте, что Земский собор есть единственная идея, примиряющая Россию с самодержавием. Это наша святыня, и будет преступно обращать ее в оперетту». Если же не будет создано народное представительство с совещательным голосом, то в обществе еще с большей силой будут раздаваться голоса в пользу учреждения парламента – предсказывал публицист. (ГАРФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1136. Л. 2–3). Таким образом, один из основателей Русского собрания, отстаивал, по сути дела, неославянофильскую программу. Кстати, в славянофильских кругах эту организацию сразу же расценили как идейно родственную. «Теперь к тому же как будто опять начинается в обществе

- поворот в сторону славянофильства. Видел ли ты, что в Петербурге состоялось общество для разработки, уяснения и проведения в жизнь русских начал», – писал о Русском собрании Ф.Д.Самарин своему отцу 19 февраля 1901 г. (ОР РГБ Ф. 265 К. 153 Д. 1 Л. 154 об.). Так что, по всей видимости, можно говорить, что эта организация задумывалась как объединение славянофилов, это была попытка консолидации умеренной оппозиции правящему режиму.
- <sup>123</sup> Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни // Минувшее. Т. 24. СПб., 1998. С. 37.
- <sup>124</sup> Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 169.
- <sup>125</sup> «Оказалось, что за лето агенты Сигмы (С.Н.Сыромятников – К.С.) (Соколов и др.) обошли слабоумного Комарова (редактора журнала “Русский вестник” – К.С.), и он под их влиянием стал делать мне гадость за гадостью... В Русском собрании Комаров примкнул к кружку наших отбросов, противников Совета и твердого патриотического направления. Дошло до того, что эта кучка самозванно от имени Совета рассылала членам повестки и печатала извещения в газетах», – писал В.А.Величко С.Д. Шереметеву 12 октября 1903 г. (РГАДА Ф. 1287. Оп. 1. Д. 260. Л. 92).
- <sup>126</sup> Архив РАН Ф. 518. Оп. 2. Д. 33. Л. 38 об.
- <sup>127</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 491. Л. 5.
- <sup>128</sup> См.: Galai S. A note on the establishment of the liberation movement // The Russian Review. V.37. № .3. 1978. P. 310–311
- <sup>129</sup> РГИА Ф. 1093. Оп. 1. Д. 382. Л. 1-а
- <sup>130</sup> Архив РАН Ф. 518. Оп. 2. Д. 32. Л. 25 об.–26
- <sup>131</sup> Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: В 4 т-х. СПб., 1911. Т.3. С. 372; Общественное движение в России в начале XX века. Т.1. С. 539–540; Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 39; Шлемин П.И. Земско-либеральное движение и адреса 1894–1895 гг. // Вестник Московского университета. Серия IX. М., 1973. № 1. С. 60.
- <sup>132</sup> РГАЛИ Ф. 40. Оп. 1. Д. 32. Л. 36.
- <sup>133</sup> Лаврычев В.Я. Общие тенденции развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX– начале XX века... С. 52.
- <sup>134</sup> РГАЛИ Ф. 40. Оп. 1. Д. 32. Л. 130; Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. Т. 21–22. М., 1993. С. 276; Шаховской Д.И. Толстой и русское освободительное движение // Минувшие годы. 1908. № .9. С. 314–315.
- <sup>135</sup> Вернадский В.И. Письма Н.Е.Вернадской, 1889–1892. М., 1991. Кн. 2. С. 181.
- <sup>136</sup> Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 139.
- <sup>137</sup> ГАРФ Ф. 5102. Оп. 1. Д. 148. Л. 25.
- <sup>138</sup> Emmons T. The Formation of Political Parties and the first National Elections in Russia. Cambridge, 1983. P. 71.

- <sup>139</sup> Архив РАН Ф.518. Оп.4. Д. 198. Л. 16–20.
- <sup>140</sup> Там же. Л. 51–64.
- <sup>141</sup> Там же. Л. 50.
- <sup>142</sup> Там же. Л. 36 об.
- <sup>143</sup> Правительственный вестник. 18 янв.1895. С. 1
- <sup>144</sup> Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. М., 1977. С. 158–161.
- <sup>145</sup> Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 199.
- <sup>146</sup> Кизеветтер А.А. Указ.соч. С. 145.
- <sup>147</sup> Шаховской Д.И. Указ.соч. С. 316.
- <sup>148</sup> ГАРФ ДП Ф.102. III дел-во. 1895. Д. 640. Л. 2.
- <sup>149</sup> Там же. Л. 2 – об. 3.
- <sup>150</sup> Государственные деятели России глазами современников. Николай II: Воспоминания, дневники. СПб., 1994. С. 82.
- <sup>151</sup> Веселовский Б.Б. Указ.соч. С. 379–380; См. также: Fallows T.S. The Russian fronde and the zemstvo movement: Economic agitation and gentry politics in the mid-1890's // Russian review. Vol. 44. № 2. 1985. P. 127–129.
- <sup>152</sup> Ibid. P. 127–129.
- <sup>153</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 1. Д. 13. Л. 3 об.–4.
- <sup>154</sup> Белокоцкий И.П. Земское движение. М., 1914. С. 59.
- <sup>155</sup> Веселовский Б.Б. Указ.соч. С. 508.
- <sup>156</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 1. Л. 3.
- <sup>157</sup> ОР РГБ Ф. 440. К.5. Д. 21. Л. 4.
- <sup>158</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 1. Л. 4.
- <sup>159</sup> Савельев А.А. На заре освободительного движения // Голос минувшего. 1914. №1. С. 162.
- <sup>160</sup> Там же. С. 163.
- <sup>161</sup> Там же. С. 164–165.
- <sup>162</sup> Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 160.
- <sup>163</sup> ГАРФ Ф. 102. ДП ОО. 1905. Оп. 233. II отд. Д. 2425. Ч. 32. Л. 7.
- <sup>164</sup> РГАЛИ Ф. 86. Оп.1. Д. 19. Л. 10–11.
- <sup>165</sup> Архив РАН Ф. 518. Оп. 2 Д. 33. Л. 38 об.–39; Более того, судя по дневнику В.И. Вернадского, С.Ю. Витте высказывался в пользу разрешения издавать газету и либералы рассчитывали, что министр финансов воспользуется в данном случае своим влиянием на Д.С. Сипягина. (Там же. Л. 39 об.)
- <sup>166</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 13. Л. 22.
- <sup>167</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 12. Л. 73 об.
- <sup>168</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 13. Л. 28.
- <sup>169</sup> См.: ОР РГБ Ф. 440 К. 1 Д. 19
- <sup>170</sup> ГАРФ Ф. 102. ДП ОО. 1905. Оп. 233. II отд. Д. 2425. Ч. 32. Л. 7.
- <sup>171</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 492. Л. 20.
- <sup>172</sup> Петрищев А.Б. Среди предгрозовых вихрей (о работе в провинции-

- альной прессе 1893–1901): Отрывки из воспоминаний // Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М., 2003. С. 108.
- <sup>173</sup> Там же. С. 107.
- <sup>174</sup> Там же. С. 109.
- <sup>175</sup> РГИА Ф. 1088. Оп. 2. Д. 659. Л. 1–7.
- <sup>176</sup> ГАРФ Ф. 5102. Оп. 1. Д. 947. Л. 9.
- <sup>177</sup> ГАРФ Ф. 5102. Оп. 1. Д. 468. Л. 83 об.
- <sup>178</sup> РГИА Ф. 1088. Оп. 2. Д. 659. Л. 3 об.
- <sup>179</sup> ОР РГБ Ф. 58. р. II. К. 31. Д. 4. Л. 7.
- <sup>180</sup> Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 60.
- <sup>181</sup> Белоконский И.П. Указ. соч. С. 54.
- <sup>182</sup> РГАЛИ Ф. 40. Оп. 1. Д. 33. Л. 4; Д. 34 Л. 244 об.
- <sup>183</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 7–12.
- <sup>184</sup> Савельев А.А. Указ. соч. С. 174–175.
- <sup>185</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 2. Д. 15. Л. 9–10.
- <sup>186</sup> Веселовский Б.Б. Указ. соч. С. 563–564.
- <sup>187</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 153. Д. 1. Л. 38 об.
- <sup>188</sup> Савельев А.А. Указ. соч. С. 174–175.
- <sup>189</sup> ОР РГБ Ф. 75. Д. 21. Л. 126. об.–127
- <sup>190</sup> Там же. Л. 126.
- <sup>191</sup> Там же. Л. 126 об.
- <sup>192</sup> Белоконский И.П. Указ. соч. С. 79.
- <sup>193</sup> ОР РГБ Ф. 169. К. 77. Д. 54. Л. 6.
- <sup>194</sup> Архив РАН Ф. 518. Оп. 7. Д. 45. Л. 38 об.
- <sup>195</sup> Белоконский И.П. Указ. соч. С. 80.
- <sup>196</sup> Изредка заседания «Беседы» проходили в доме Шереметевых на Воздвиженке или же в их Фонтанном доме в Петербурге (Голицын М.В. Мои воспоминания, 1873–1917. М., 2007. С. 272, 288).
- <sup>197</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 25 об.
- <sup>198</sup> Шереметев П.С. О кружке «Беседа»: Письмо в редакцию... С. 4
- <sup>199</sup> Бобринский В.А. Письмо в редакцию // Новое время. 1 март. 1907. №11124. С. 5
- <sup>200</sup> Долгоруков П.Д. Князь Пав. Д. Долгоруков: Биографический очерк ... С. 450.
- <sup>201</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 25.
- <sup>202</sup> Шереметев П.С. О кружке «Беседа»: Письмо в редакцию... С.4.
- <sup>203</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л.18, 24 об.
- <sup>204</sup> Там же. Л. 24 об.–25; ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–3.
- <sup>205</sup> Голицын М.В. Указ. соч. С. 262.
- <sup>206</sup> Там же. Л. 170; Петр Долгоруков в своих воспоминаниях писал, что для кооптации в состав «Беседы» необходимо было заручится со-

- гласием всех собравшихся: «собеседниками» становились лишь при единогласном одобрении присутствующих. (Долгоруков П.Д. Указ. соч. С. 334). Однако, протоколы «Беседы» не подтверждают этой информации. (ОПИ ГИМ Ф.31. Оп. 1. Д. 142. Л. 170).
- <sup>207</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп.1. Д. 651. Л. 25.
- <sup>208</sup> Там же. Л. 25; ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 137, 142.
- <sup>209</sup> Там же. Л. 90, 137, 142, 152, 170, 170 об., 173, 218, 230, 234, 238, 242, 253; РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 25.
- <sup>210</sup> Надо иметь в виду, что в некоторых случаях отсутствует информация о присутствующих на заседаниях «Беседы».
- <sup>211</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп.1. Д. 651. Л. 25; ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 90, 137, 142, 152, 170, 170 об., 173, 218, 230, 234, 238, 242, 253.
- <sup>212</sup> Долгоруков П.Д. Указ. соч. С. 334.
- <sup>213</sup> Среди 56 человек, числившихся в составе «Беседы», – 21 представитель титулованной знати (12 князей, 7 графов, 2 барона). (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–3).
- <sup>214</sup> Там же. Л. 1–3; Если же иметь в виду всех «собеседников», то лиц недворянского происхождения будет двое: М.В. Челноков и представитель не менее известной семьи московских промышленников Н.И. Гучков, ставший в 1905 году московским городским головой.
- <sup>215</sup> Пирумова Н.М. Земско-либеральное движения: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 232–281.
- <sup>216</sup> Лаврычев В.Я. «Беседа» и тенденции к консолидации консервативных сил в России конца XIX – начала XX вв... С. 45.
- <sup>217</sup> ОПИ ГИМ Ф.31. Оп. 1. Д. 142. Л. 92.
- <sup>218</sup> Emmons T. The Beseda circle, 1899–1905... P. 489–490.
- <sup>219</sup> При этом, здесь не учитываются три «собеседника», состоявшие членами земских управ.
- <sup>220</sup> Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 302; Emmons T. Op. cit. P. 489–490.
- <sup>221</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–3.
- <sup>222</sup> Emmons T. Op. cit. P.467
- <sup>223</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–3.
- <sup>224</sup> Долгоруков П.Д. Памяти гр. П.А. Гейдена // Былое. 1907. №8. С. 303.
- <sup>225</sup> Среди «собеседников», ни разу не посетивших заседания кружка, были земцы Санкт-Петербургской, Черниговской, Смоленской, Казанской, Калужской, Екатеринославской губернии.
- <sup>226</sup> Так, на заседании «Беседы» 11 января 1904 г. гласный харьковского земского собрания Н.Н. Ковалевский предложил кооптировать в состав кружка председателя харьковской губернской земской управы В.Г. Колокольцева. На том же заседании ярославский земец Д.И. Шаховской предложил кандидатуру своего коллеги, гласного ярославского земского собрания Н.Н. Глебова. (ОПИ ГИМ Ф.31.

- Оп. 1. Д. 142. Л. 139) На заседании 30 октября 1904 г. по предложению саратовских земцев С.А.Котляревского и Н.Н.Львова был введен в состав «Беседы» предводитель дворянства Балашовского уезда Саратовской губернии С.А.Унковский. Тогда же был избран член владимирской земской губернской управы П.П.Булыгин, рекомендованный в том числе Г.А.Смирновым, также заседавшим в земской управе Владимирской губернии. (Там же. Л. 170) Правда, далеко не всегда рекомендовали «земляков»: предлагали также кандидатуры родственников, знакомых и просто известных земцев. Сложно сказать, как часто «собеседники» вспоминали о своих коллегах по земскому собранию, так как отсутствует информация о том, кто рекомендовал того или иного общественного деятеля в первые годы существования «Беседы». Однако, судя по протоколам, отражающим деятельность кружка за последние два года, такое явление имело место, и было бы логичным объяснить своеобразие распределения членов «Беседы» по губерниям именно этим.
- <sup>227</sup> И.П.Демидов и Л.П.Демидов, Петр Д. Долгоруков и Павел Д. Долгоруков, А.Ф.Мейендорф и Ю.Ф.Мейендорф, Д.А.Олсуфьев и М.А.Олсуфьев, А.А.Стахович и М.А.Стахович, С.Н.Трубецкой и Е.Н.Трубецкой. Троюродными братьями были А.А.Бобринский и В.А.Бобринский. (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–3)
- <sup>228</sup> Долгоруков П.Д. Долгоруков П.Д. Князь Пав. Д. Долгоруков: Биографический очерк... С. 333.
- <sup>229</sup> Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. М., 2001. С. 73.
- <sup>230</sup> ГАРФ Ф. 102. ДП ОО. 1905. Оп. 233. II отд. Д. 2425. Ч. 32. Л. 5
- <sup>231</sup> ГАРФ Ф. 102. ДП ОО. 1905. Оп. 233. II отд. Д. 2425. Ч. 51. Л. 7 об.–8.
- <sup>232</sup> Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 170.
- <sup>233</sup> ГАРФ Ф. 102. ДП ОО. 1902. Оп. 230. Д. 1508. Л. 15 об.
- <sup>234</sup> Либеральное движение в России. М., 2001. С. 13.
- <sup>235</sup> Там же. С. 25.
- <sup>236</sup> Там же. С. 609–611.
- <sup>237</sup> Там же. С. 613–616.
- <sup>238</sup> Там же. С. 13, 25, 609–611, 613–616.
- <sup>239</sup> ГАРФ Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 232. Д. 1000. Л. 83–96.
- <sup>240</sup> Шаховской Д.И. Союз Освобождения... С. 575.
- <sup>241</sup> Долгоруков П.Д. Памяти гр. П.А.Гейдена... С. 304.
- <sup>242</sup> Либеральное движение в России. М., 2001. С. 242.
- <sup>243</sup> Н.Н.Глебов, Ф.А.Головин, И.П.Демидов, Павел Д. Долгоруков, Петр Д. Долгоруков, Ф.Ф.Кокошкин, С.А.Котляревский, С.А.Котляревский, Н.Н.Львов, В.А.Маклаков, А.А.Муханов, А.А.Свечин, М.В.Челноков, Д.И.Шаховской. (Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 759–767).

- <sup>244</sup> Н.С. Волконский, П.А. Гейден, П.В. Каменский, С.Н. Маслов, Д.А. Олсуфьев, В.М. Петрово-Соловово, М.А. Стахович, Н.А. Хомяков, Д.Н. Шипов. (Там же. С. 746–755).
- <sup>245</sup> Там же. С. 424.
- <sup>246</sup> Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Документы и материалы, 1906–1916. М., 2002. С. 158–159.
- <sup>247</sup> Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 428–429.
- <sup>248</sup> М.В. Голицын, Г.Е. Львов, Н.Н. Львов, М.А. Стахович, С.Л. Толстой, Е.Н. Трубецкой, Д.Н. Шипов. (Там же. С. 756–758).
- <sup>249</sup> Правые партии: Документы и материалы: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 632.
- <sup>250</sup> Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 71.
- <sup>251</sup> Там же. С. 72.
- <sup>252</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 26–34.
- <sup>253</sup> ГАРФ Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 43. Л. 12 об.
- <sup>254</sup> ОПИ ГИМ Ф. 164. Оп. 1. Д. 58. Л. 204–6 об.
- <sup>255</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 25.
- <sup>256</sup> Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. №4. С. 137.
- <sup>257</sup> Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве // Непрочитанное. М., 2001. С. 419.
- <sup>258</sup> ГАРФ Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 43. Л. 12.
- <sup>259</sup> Полнер Т.И. Указ. соч. С. 47.
- <sup>260</sup> ГАРФ Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 43. Л. 12 об.
- <sup>261</sup> Цит. по: Полнер Т.И. Указ. соч. С. 47
- <sup>262</sup> ГАРФ Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 43. Л. 12 об.
- <sup>263</sup> Там же. Л. 3.
- <sup>264</sup> Корнилов А.А. Указ. соч. С. 137.
- <sup>265</sup> Там же. С. 140.
- <sup>266</sup> Братья Долгоруковы, И.П. Демидов, Ф.А. Головин, Н.И. Гучков, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский, Н.Н. Ковалевский, В.Г. Колокольцов, Г.Е. Львов, Н.Н. Львов, А.А. Муханов, Ю.А. Новосильцев, В.М. Петрово-Соловово, А.А. Стахович, А.А. Свечин, Е.Н. Трубецкой, Д.И. Шаховской, определенно, входили в «Союз Освобождения». По всей видимости, «освобожденцами» также были Р.А. Писарев, П.М. Толстой, С.Л. Толстой, М.В. Челноков. (Emmons Т. Op.cit. P. 468).
- <sup>267</sup> Кирьянов Ю.И. Русское собрание, 1900–1917. М., 2003. С. 320–339.
- <sup>268</sup> Лаверычев В.Я. «Беседа» и тенденции к консолидации консервативных сил в России конца XIX – начала XX вв... С. 52; Шацилло К.Ф. Консерватизм на рубеже XIX–XX вв... С. 385.
- <sup>269</sup> РГАЛИ Ф. 87 Оп. 1 Д. 73 Л. 96; Д. 74. Л. 283, 712; Д. 76 Л. 180, 433, 441; Д. 77 Л. 127, 342, 417, 653, 879, 1006; Д. 78 Л. 94, 483, 573 об., 683; Д. 79. Л. 33, 59, 631 об.; Д. 82 Л. 51 об., 319.

- <sup>270</sup> РГАЛИ Ф. 87 Оп. 1 Д. 80 Л. 36 об., 459.
- <sup>271</sup> РГАЛИ Ф. 87 Оп. 1 Д. 79 Л. 631.
- <sup>272</sup> Глинский Б.Б. Памяти Н.П.Барсукова // Исторический вестник. 1907. №1. С. 215.
- <sup>273</sup> РГАЛИ Ф. 87. Оп. 1. Д. 68. Л. 459; Д. 69. Л. 931 об.; Д.73 Л.96, 367, 552; Д. 74. Л. 182, 187, 234, 283, 333, 343, 379, 467, 501, 597, 619, 638 об., 712, 719, 751, 808; Д. 75. Л. 46, 46 об., 100, 108, 113 об., 131, 227, 228, 299, 323, 363, 382, 430, 479, 493, 495, 496, 545, 604, 610, 628, 629, 667, 693, 703, 708, 720, 730, 769, Д.76 Л.2, 7, 22, 26, 31, 36, 74, 76, 114, 180, 338, 398, 433, 441 454, 467, 488, 497, 533, 603, 607 об., 683, 877; Д.77 Л.71, 71 об., 71-6, 94, 127, 141, 342, 381 об., 417, 464, 511, 542, 653, 879, 880, 993, 1002, 1006, 1035 об.; Д.78. Л. 44, 94, 196, 374, 483, 550, 573об., 588, 615, 683, 751, 813 об.; Д. 79. Л.59, 60, 187, 271, 305, 333, 555, 583, 631, 631 об.; Д. 80. Л. 36 об., 237, 376, 459; Д. 82. Л. 44, 151 об., 175, 243, 243 об., 268, 269, 319, 472 об., 493, 511 об., 522, 654; Д. 83 Л. 31, 138, 167, 394 об., 534, 535, 581, 668 об., 741, 772; Д. 84 Л. 318 об., 339 об., 373 об., 592.
- <sup>274</sup> ОР РГБ Ф. 18. К. 14. Д. 8. Л. 40 об., 41 об., 44, 55 об., 58, 58 об., 65, 68 об., 72, 72 об., 73 об., 74 об., 77, 87, 208, 212, 216 об., 219, 220; К. 15. Д. 1. Л. 46, 53, 67, 88 об., 94, 123; Д.2 Л.39 об., 49, 50 об., 52 об., 56, 57, 66 об., 67 об., 70, 71, 74 об., 78, 84, 92, 102 об., 108 об., 117; Д. 3. Л. 45 об., 60 об., 61 об., 81 об.
- <sup>275</sup> С.Д.Шереметев был женат на Е.П.Вяземской. (Шереметевы в судьбе России: Воспоминания, дневники, письма. М., 2001. С. 402). Его двоюродная сестра С.А.Шереметева была замужем за А.В.Бобринским. (Шереметев С.Д. Мемуары. М., 2001. С. 629). Их дочь Е.А.Бобринская стала женой будущего министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского. (Шипов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: Биобиблиографический указатель, 1802–1917. СПб., 2001. С. 592). Другой министр внутренних дел – Д.С. Сипягин – был женат на свояченице С.Д.Шереметева А.П.Вяземской. (Шереметев С.Д. Указ. соч. С. 684). Сын С.Д.Шереметева Д.С.Шереметев был женат на урожденной И.И.Воронцовой-Дашковой. (Шереметевы в судьбе России: Воспоминания, дневники, письма. М., 2001. –С. 402). Сестра ее матери С.А.Шувалова была замужем за А.А.Бобринским. (Шереметев С.Д. Указ. соч. С. 402). Сестра Д.С.Шереметева А.С.Шереметева была замужем за А.П.Сабуровым. А М.С.Шереметева была супругой А.В.Гудовича. (Шереметевы в судьбе России: Воспоминания, дневники, письма. М., 2001. С. 402).
- <sup>276</sup> С.Д.Шереметев, будучи сам историком, возглавлял Общество любителей древней письменности и Общество ревнителей русского исторического просвещения. (Там же. С. 415).
- <sup>277</sup> ОР РГБ Ф. 18. К. 15. Д. 2. Л. 39, 51 об., 65, 82 об., 83, 86 об., 107, 111,

- 121, 137 об., 148; В этом смысле очень показательна дневниковая запись, сделанная А.П. Барсуковым 10 февраля 1903 г.: «Сегодня у нас вместо карт литературный вечер...» (ОР РГБ Ф. 18. К. 15. Д. 1. Л. 79). Судя по этому высказыванию, карточная игра – это обычный способ проведения времени в «Патриаршей палате», литературный вечер – скорее исключение из правил.
- <sup>278</sup> ОР РГБ Ф. 18. К. 15. Д. 1. Л. 79; Д. 2. Л. 108 об.; ГАРФ Ф. 1729. Оп. 1. Д. 318. Л. 8, 25 об.
- <sup>279</sup> ОР РГБ Ф. 18. К. 15. Д. 1. Л. 88 об., 113 об., 131; Д. 2. Л. 68 об.; Д. 3. Л. 48, 170; См. также: Корсаков Д.А. Воспоминания о Н.П. Барсукове // Исторический вестник. 1907. №6. С. 953
- <sup>280</sup> ОР РГБ Ф. 18. К. 15. Д. 2. Л. 197; Д. 3. Л. 159.
- <sup>281</sup> РГАЛИ Ф. 87. Оп. 1. Д. 83. Л. 138; ОР РГБ Ф. 18. К. 15. Д. 2. Л. 107.
- <sup>282</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 18.
- <sup>283</sup> Долгоруков П.Д. Князь Пав. Д. Долгоруков: Биографический очерк... С. 334.
- <sup>284</sup> Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России... С. 295.
- <sup>285</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Д. 142. Л. 90, 137, 142, 152, 173, 218, 234, 238, 242, 253.
- <sup>286</sup> Там же. Л. 91 об.
- <sup>287</sup> Там же. Л. 158 об.
- <sup>288</sup> Список членов бюро отсутствует. Так что с полной уверенностью можно назвать лишь тех членов организационного бюро «Беседы», которые упомянуты в постановлении кружка 1 сентября 1904 г.: Павел Д. Долгоруков, Р.А. Писарев, Ф.А. Головин, В.А. Маклаков. (Там же. Л. 158 об.) Также маловероятно, что Петр Д. Долгоруков, к которому «собеседники» обращались по организационным вопросам, связанным с деятельностью кружка, не был членом организационного бюро. (Там же. Л. 341–342).
- <sup>289</sup> Там же. Л. 158 об.
- <sup>290</sup> Например, на заседании «Беседы» 11 января 1904 г. было решено разослать всем участникам кружка адрес смоленского дворянства, который был признан удачным как по тону, так и по содержанию. (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 137 об.). 30 октября 1904 г. «Беседа» постановила отпечатать и доставить членам кружка проект конституции. (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 170 об.).
- <sup>291</sup> ОПИ ГИМ Ф. 385. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
- <sup>292</sup> Там же. Л. 158.
- <sup>293</sup> Там же. Л. 170.
- <sup>294</sup> Там же. Л. 158.
- <sup>295</sup> Минимальный членский взнос составлял 10 рублей. Иногда «собеседники» вносили и большую сумму: так, в 1904 г. Павел Долгоруков внес 240 рублей. (Там же. Л. 170, 314).

- <sup>296</sup> Там же. Л. 238, 242, 253.
- <sup>297</sup> Там же. Л. 91.
- <sup>298</sup> Там же. Л. 92 об.–93.
- <sup>299</sup> Там же. Л. 92.
- <sup>300</sup> Там же. Л. 97 об.
- <sup>301</sup> А.А. Стахович говорил о земском съезде мая 1902 г. Его участникам было высказано высочайшее неудовольствие. (Там же. Л. 91).
- <sup>302</sup> Там же. Л. 92.
- <sup>303</sup> Шацилло К.Ф. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» и «Союза Освобождения» в фонде Д.И. Шаховского... С. 293.
- <sup>304</sup> Там же. С. 293.
- <sup>305</sup> Действительно, письма Павла Долгорукова перлюстрировались, так что у князя были все основания рассчитывать, что и это послание в итоге дойдет высокопоставленного адресата. (ГАРФ Ф. 102. 1902 г. Оп. 230. Д. 550. Л. 4, 8, 11).
- <sup>306</sup> Шацилло К.Ф. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» и «Союза Освобождения» в фонде Д.И. Шаховского... С. 293–294
- <sup>307</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 139.
- <sup>308</sup> ГАРФ Ф. 102. 1902. Оп. 230. Д. 1508. Л. 15.
- <sup>309</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 137–142.
- <sup>310</sup> Михеева Э.П. Несколько дополнений к истории «Беседы»... С.241
- <sup>311</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 94.
- <sup>312</sup> Там же. Л. 150 об.
- <sup>313</sup> Там же. Л. 158 об.
- <sup>314</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 62. Л. 92.
- <sup>315</sup> РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 90. Л. 53.
- <sup>316</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1 Д. 142. Л. 170 об.
- <sup>317</sup> Так, можно лишь с уверенностью говорить, что эта организация просуществовала вплоть до января 1905 г. Так, 6 декабря 1904 г. П.М. Толстой в письме к В.А. Маклакову просил при назначении даты заседания «Беседы» учитывать, что на 5 и 6 января должно было проходить «Совещание в Петербурге». (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 62. Л. 95). На заседании «Беседы» 8 января 1905 г. А.А. Стахович прочел доклад «Петербургской беседы», составленный П.М. Толстым. (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 230 об.). В письме к В.А. Маклакову от 14 марта 1905 г. П.М. Толстой сообщал об организуемом им союзе «прогрессивных элементов чиновничества». Толстой просил Маклакова дать ему какие-нибудь сведения об образующихся в Москве корпорациях судебных деятелей, с которыми мог бы связаться этот союз. Толстой просил ответить как можно скорее, до очередного совещания центрального бюро. (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 62. Л. 96). Судя по контексту, в данном случае речь идет о центральном бюро создаваемого «союза чиновников». В данном случае наиболее важен

тот факт, что на этот раз П.М. Толстой писал письмо В.А. Маклакову не как секретарю «Беседы», а как известному адвокату и в этом послании о «Петербургской беседе» он уже не упоминал (хотя до сих пор все письма П.М. Толстого В.А. Маклакову были посвящены либо предстоящим заседаниям «Беседы», либо создававшемуся кружку в столице). Так что есть некоторые основания полагать, что «Совещание в Петербурге» прекратило свое существование к марту 1905 г.

<sup>318</sup> Еще на заседании «Беседы» 23 августа 1902 г. Ф.В. Татаринов, председатель орловской уездной земской управы, говорил о необходимости преобразования кружка в партию. (РО ИРЛИ Ф.334 Оп.1. Д. 651. Л. 32).

<sup>319</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 97 об.

<sup>320</sup> Там же. Л. 140.

<sup>321</sup> Там же. Л. 140 об.

<sup>322</sup> Там же. Л. 141.

<sup>323</sup> Там же. Л. 92.

<sup>324</sup> Там же. Л. 92 об.

<sup>325</sup> Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 17; Черменский Е.Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905–1907 гг... С.45; Шаццлло К.Ф. О составе русского либерализма накануне революции 1905–1907 гг... С.68–69; Он же. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 38; Он же. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901–1904)... С. 77; Emmons T. The Beseda circle, 1899–1905... P.476; Frohlich K. The emergence of Russian constitutionalism, 1900–1904. L., 1981. P. 136; Manning R.T. The crisis of the old order in Russia. Princeton, 1982. P. 63

<sup>326</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 141 об. –142.

<sup>327</sup> Шаццлло К.Ф. Консерватизм на рубеже XIX–XX вв... С. 366.

<sup>328</sup> В литературе термин «неославянофильство» (позднее славянофильство) интерпретируется по-разному. В одних случаях неославянофилами называют К.Н. Леонтьева и Н.А. Данилевского (Чуйко В. Старое и новое славянофильство // Наблюдатель. 1890. № 3. С. 107), в других к этому направлению мысли приписывают религиозных философов «серебряного века» (Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 126). Отсутствие определенности по этому вопросу объясняется тем, что проблема неославянофильства в историографии остается практически неосвоенной. Так, ведущий отечественный исследователь славянофильства Н.И. Цимбаев, в принципе, отказывает этому явлению в существовании: по его мнению, о славянофильстве нельзя говорить уже с 1870-х годов, когда оно начинает постепенно сливаться с земским либерализмом (Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из исто-

рии русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 231). Консерваторы же начала XX века, именовавшие себя славянофилами, лишь прикрывали свои крайне правые взгляды этим именем (Там же. С. 51). Схожие идеи высказывал М. Чадов еще в 1905 году. С его точки зрения, славянофильство как политическая концепция к началу XX в. исчерпало себя и обратилось к началу двадцатого века в реакционное учение (Чадов М. Возможно ли возрождение славянофильства // Образование. 1905. №5. С. 86). Возрождение же славянофильства, по мнению исследователя, возможно лишь при его превращении в исключительно этическую философию (Там же. С. 87).

Е.А. Дудзинская работу, посвященную славянофильству в пореформенной России, заканчивает 1882 годом: по мнению автора, примерно в это время прекращает свое существование классическое славянофильство (Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 271). Неославянофильство оказалось вне поле зрения исследователя. Казалось бы, идеи поздних славянофилов должны были стать объектом исследования М.И. Пановой, посвятившей свою диссертацию месту славянофильства в общественно-политической мысли в 1850–1917 гг. В действительности, столь пространные хронологические рамки работы не позволили уделить особое внимание специфике идей неославянофильства, и М.И. Панова ограничилась лишь анализом концепций классиков-славянофилов, очевидно, подразумевая, что и представители позднего славянофильства оставались верными идеям А.С. Хомякова и братьев Аксаковых. Соответственно, динамичное развитие славянофильства как идеологического направления осталось на периферии исследовательского интереса. Говоря о поздних славянофилах, автор, во-первых, описывает, насколько они соответствовали новым политическим условиям, и, во-вторых, анализирует место славянофильских идей в построениях мыслителей «серебряного века» (Панова М.И. Идеи славянофильства в русской общественно-политической мысли в 1850–1917 гг.: Автореф. дис...канд. ист. наук М., 1998. С. 20–23).

В рамках данного исследования представляется наиболее оправданным исходить из определения неославянофильства, вытекающего из характеристики состояния славянофильской мысли в конце XIX века, данной одним из идеологов этого направления А.А. Киреевым: «Мы живем бессознательно, без точной формулировки наших принципов, наши “три кита”, на которых стоит Русь – православие, самодержавие и народность – были, безусловно, тверды, пока на них смотрели с детской райской простотой, но с тех пор, как мы начали относиться критически к этим формулам, мы сообразили, что пора отдать себе ясный отчет в значении их. Отцы славянофильства, конечно, вкладывали в них очень определенный смысл, но со

временем, хотя самые принципы остаются неизменными, способ их применения к жизни видоизменяется вследствие изменения видоизменившихся обстоятельств... Можно считать половину XIX столетия эпохой прочного установления славянофильства как теории. С тех пор много воды утекло! Три "кита" поплыли и проплыли далеко. Явились новые факторы, новые вопросы и во внешней, и во внутренней политике России, которые требуют, чтобы русское общество стало к ним в известное отношение; иначе оно будет сбито со своего пути!» (ОР РГБ Ф. 126. К. 13. Л. 184). Иными словами, позднее славянофильство есть приспособление идей «отцов-основателей» к современным условиям. В этой связи А.А. Киреев не считал ни В.С. Соловьева, ни К.Н. Леонтьева славянофилами (Киреев А.А. Спор с западниками настоящей минуты // Русское обозрение. 1895. №5. С. 207–208). Для него славянофильство на настоящем этапе – не переосмысление интеллектуального опыта А.С. Хомякова или И.С. Аксакова, а его необходимая конкретизация в соответствии с новыми запросами времени.

<sup>329</sup> Градовский А.Д. Славянофильская теория государства: Письмо в редакцию // Сочинения. СПб., 2001. С. 464.

<sup>330</sup> Аксаков И.С. Ответ г. Градовскому на его разбор «Записки» К.С. Аксакова // Отчего так нелегко живется в России. М., 2002. С. 480–481.

<sup>331</sup> Струве П.Б. Либерализм и так называемое «революционное» направление // Освобождение. №7. 18 сент. 1902. С. 105.

<sup>332</sup> Струве П.Б. Предисловие ко второму изданию // Витте С.Ю. Самодержавие и земство. Stuttgart, 1903. С. XLIX.

<sup>333</sup> Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 262.

<sup>334</sup> Там же. С. 42.

<sup>335</sup> Там же. С. 44.

<sup>336</sup> Там же. С. 46.

<sup>337</sup> Шаховской Д.И. Политика либеральной партии // Либеральное движение в России. М., 2001. С. 69–70.

<sup>338</sup> Долгоруков П.Д. Исторический урок // Освобождение. №57. 15 окт. 1904. С. 118.

<sup>339</sup> РГАЛИ Ф.607. Оп. 1. Д. 14. Л. 7–10.

<sup>340</sup> Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007 С. 164–165.

<sup>341</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 492. Л. 22.

<sup>342</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 11. Л. 24 об.–25.

<sup>343</sup> Там же. Л. 25.

<sup>344</sup> Киреев А.А. Россия в начале XX столетия. СПб., 1903. С. 41.

<sup>345</sup> Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 169.

<sup>346</sup> Там же. С. 169–170.

- <sup>347</sup> Там же. С. 169.
- <sup>348</sup> Хомяков Д.А. Самодержавие: Опыт схематического построения этого понятия // Православие, самодержавие, народность. М., 1993. С. 136–137.
- <sup>349</sup> Может ли Земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С. 37.
- <sup>350</sup> Там же. С. 37.
- <sup>351</sup> ОР РГБ Ф. 126. К.13. Л.359.
- <sup>352</sup> Шаховской Д.И. Политика либеральной партии // Либеральное движение в России. М., 2001. С. 71.
- <sup>353</sup> Кошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 145.
- <sup>354</sup> Там же. С. 146.
- <sup>355</sup> Программа «Союза Освобождения» // Либеральное движение в России. М., 2001. С. 159
- <sup>356</sup> Письмо графа П.А. Гейдена министру внутренних дел В.К. Плеве 26 августа 1902 года // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1907. №6. С.5
- <sup>357</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 2. Д. 7. Л. 3 об.
- <sup>358</sup> Там же. Л.4.
- <sup>359</sup> РО ИРЛИ Ф. 134. Оп. 6. Д. 2. Л. 20 об.
- <sup>360</sup> ОПИ ГИМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.
- <sup>361</sup> Там же. Л.8 об.; Шарапов С.Ф. Самодержавие и самоуправление. М, 1903. С. 24, 55
- <sup>362</sup> ОПИ ГИМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 28; Шарапов С.Ф. Указ. соч. С. 37–38
- <sup>363</sup> ОПИ ГИМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 8 об.
- <sup>364</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 2. Д. 7. Л. 2.
- <sup>365</sup> РГИА Ф. 1088. Оп.2. Д.465. Л. 3.
- <sup>366</sup> Киреев А.А. Указ.соч. С. 30.
- <sup>367</sup> Там же. С. 33.
- <sup>368</sup> Там же. С. 37–40.
- <sup>369</sup> Там же. С. 34.
- <sup>370</sup> Там же. С. 35.
- <sup>371</sup> См.: Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С. 149–150.
- <sup>372</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 13. Л. 272 об–273.
- <sup>373</sup> Может ли Земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С. 17; ОР РГБ Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 10.
- <sup>374</sup> Так, Федор Самарин 22 января 1900 г. писал брату Петру: «То, что там (во Франции – К.С.) происходит теперь, должно, кажется, убедить самых горячих защитников парламентаризма, что свобода почти также не обеспечена при парламентском строе, созданном ис-

- кусственно, как и при самодержавной монархии. В нынешней Франции парламентаризм приводит буквально к деспотическому образу правления. Учреждения и законы изменяются и ниспровергаются ради удовлетворения минутных вожделений также легко и просто, как в государствах с неограниченным монархическим образом правления. Не нравится состав суда, разбирающего известное дело (дело Дрейфуса – К.С.), и самодержавному парламенту ничего не стоит передать рассмотрение этого дела другому составу судей. Это ли не произвол, считающийся признаком деспотического образа правления». (ОР РГБ Ф.265. К. 154. Д. 9. Л. 15 об. –16; См. также: Может ли Земский собор вывести нас из настоящего положения... С. 17).
- <sup>375</sup> Там же С. 17; ОР РГБ Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 11.
- <sup>376</sup> Может ли Земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С. 20.
- <sup>377</sup> Там же. С. 18–19.
- <sup>378</sup> ОР РГБ Ф. 265. К.156. Д. 10. Л. 16.
- <sup>379</sup> Может ли Земский собор вывести нас из настоящего положения... С. 17.
- <sup>380</sup> Там же. С. 22.
- <sup>381</sup> Там же. С. 41–42.
- <sup>382</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 16.
- <sup>383</sup> Может ли Земский собор вывести нас из настоящего положения... С. 29.
- <sup>384</sup> Там же. С. 28.
- <sup>385</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 28 об.
- <sup>386</sup> Может ли Земский собор вывести нас из настоящего положения... С. 29.
- <sup>387</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 34 об. –35.
- <sup>388</sup> Может ли Земский собор вывести нас из настоящего положения... С. 29–30.
- <sup>389</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 36.
- <sup>390</sup> ОР РГБ Ф. 265 К. 116 Д. 31–33 Л. 3 об.
- <sup>391</sup> Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 79.
- <sup>392</sup> Котляревский С.А. Власть и право. СПб., 2001. С. 100, 106, 268; По мнению же известного правоведа Гнейста, наличие административной юстиции, которую Ф.Д. Самарин считал необходимой, – важнейший признак правового государства. (См.: Там же. С. 69).
- <sup>393</sup> Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 288.
- <sup>394</sup> См.: Виноградов П.Г. Местное самоуправление в Англии // Мелкая земская единица: В 2 вып. Вып.1. С. 92; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 100, 102–103.
- <sup>395</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 493. Л. 17 об.

<sup>396</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 208. Д. 29. Л. 38 об.–39.

<sup>397</sup> В этом отношении очень любопытна фраза Д.Н. Шипова, сказанная им на заседании кружка «Беседа» 22 августа в ходе обсуждения записки Н.Н. Львова: «...Надо только, чтобы общество могло высказать свои нужды, а верховная власть выслушала, в силу нравственно-го чувства самодержец, конечно, исполнит желание народа». (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 33).

<sup>398</sup> Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 169–173.

<sup>399</sup> Ф.Ф. Кокошкин писал: «В заключение мы приходим к следующим выводам. В основании государственной власти, несомненно, лежит коллективная поддержка населения, вытекающая из признания данной власти, если не всеми членами общегития, то огромным большинством их. Так как общественное признание, которое служит основанием власти, вместе с тем, в тех или иных формах, служит и основой права, то всякая признаваемая населением власть имеет юридический характер: в нем переплетаются два психических элемента: 1. стихийное инстинктивное подчинение, основанное на чувствах и привычках; 2. сознательное, рассудочное повиновение, вытекающее из рациональных мотивов. Политический прогресс в истории человечества сводится к постепенному расширению второго элемента на счет первого». (Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 79) При этом, подчеркивал Кокошкин, любая поддержка власти не может быть безусловной: «Общественное признание, поддерживающее государственную власть, является всегда признанием не только обязанности повиноваться власти, но вместе с тем и главных начал, положенных в основу ее организации». (Там же. С. 144) Иными словами, власть вынуждена соответствовать ожидаемой от нее модели поведения. Поэтому на правителях всегда лежат обязанности – раннее утверждаемые церковью, теперь гражданским правосознанием – которые они никак не могут проигнорировать. (Там же. С. 146). Описанное Кокошкиным «стихийное подчинение» вкупе со столь же «стихийными» представлениями об обязанностях власти как раз очень напоминает шиповскую народную совесть.

<sup>400</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 11. Л. 88 об.

<sup>401</sup> Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 114 «Самодержавие, – писал Д.А. Хомяков, – есть олицетворенная воля народа, следовательно, честь его духовного организма и потому сила служебная, зависящая, как в отдельном индивидууме воля от совокупности всех психологических сил – в одном случае, собирательно органической единицы – в другом». Соответственно, самодержец не творит собственную волю, а старается реализовать народные чаяния: «Задача самодержца в том, чтоб угадывать потребности народные, как у отца семейства –

семейные, а не перекраивать народ по своим, хотя бы и по “гениальным” планам». (Там же. С. 110).

<sup>402</sup> «Пока у народа преобладают интересы духовно-бытовые, он смотрит на власть, как на нечто, так сказать, служебное, имеющее сравнительно узкую сферу – поддержания того порядка и той безопасности, при которых можно жить безмятежно этими высшими интересами», – писал Д.А.Хомяков. (Там же. С. 126) Принадлежность же русских к этим «высшим» народам, не желающим участвовать в борьбе за власть, – аксиома неославянофильства, определяющая одну из характерных черт уникальной русской цивилизации.

<sup>403</sup> А.Д. Поленов, брат известного художника. Ему принадлежит авторство очень любопытной записки «Самодержавие, земство, бюрократизм», посвященной вероятным перспективам русского самодержавия. Своеобразие данного текста состоит в сочетании, казалось бы, не сочетаемого: следуя логике славянофилов, А.Д. Поленов приходит к выводам конституционалиста. В действительности, под этой запиской стоят лишь инициалы, но установить авторство в данном случае не столь уж и трудно. Во-первых, идеи, высказанные в записке, идентичны известным по заседаниям «Беседы» идеям Поленова. Во-вторых, инициалы «А. П.», скрывающие автора, позволяют утверждать, содержательное сходство записки с выступлениями А.Д. Поленова неслучайно. В-третьих, Д.И. Шаховской в своей работе посвященной истории освободительного движения в России приписывает авторство этой записки одному из членов кружка «Беседа» (кому именно – Д.И. Шаховской не уточняет). (Шаховской Д.И. «Союз освобождения»... С. 545).

<sup>404</sup> А.П. Самодержавие, бюрократизм и земство. Берлин, 1902. С. 61–63.

<sup>405</sup> Там же. С. 63.

<sup>406</sup> Там же. С. 65–66.

<sup>407</sup> Там же. С. 70.

<sup>408</sup> Там же. С. 64.

<sup>409</sup> Там же. С. 66–67; Эта мысль была выражена А.Д. Поленовым на заседании «Беседы» от 22 августа 1902 г. следующим образом: «Самодержавие есть продукт исторической жизни. Жизнь не стоит на месте, а развивается. Самодержавие также не может выражаться в одних и тех же формах целые тысячелетия. Теперь правительство полагает, что самодержавие есть нечто среднее между деспотизмом и абсолютизмом, а между тем современная жизнь требует развития местного самоуправления, вполне совместимого с самодержавием Государя, но не уживающегося с самодержавием бюрократии». (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп.1. Д. 142. Л. 28). Данное высказывание – своего рода конспект исследуемой записки, что и позволяет говорить об авторстве А.Д. Поленова. Однако, есть ряд несоответствий

между этим выступлением и текстом записки. Так, в записке внимание читателя сфокусировано на монархической власти, одной из стадий которой как раз и является самодержавие. В выступлении же Поленова сохранена логика записки, но вместе с тем словосочетание «монархическая власть» подменено другим термином, «самодержавие». Поэтому и выходило, что самодержавие – извечная форма правления, а развитие местного самоуправления ему ничем не угрожало (хотя в записке утверждалось нечто иное). Подобные расхождения трудно объяснить, так как у нас нет достаточно источников, характеризующих взгляды А.Д.Поленова. Все же стоит заметить, что опубликование записки и произнесение речи происходит в один и тот же год, так что говорить о какой-либо серьезной эволюции во взглядах Поленова не приходится. Но можно сделать предположение, что существовавшее в концепции А.Д.Поленова противоречие между славянофильским ходом мысли и выводами о неизбежности конституционализма в данном случае было разрешено в пользу неославянофильства. В условиях противостояния конституционалистов и сторонников сохранения самодержавия Поленов, чувствуя «генетическое» родство своих идей с мыслями неославянофилов, примкнул к последним и перенял их терминологию.

<sup>410</sup> А.П. Указ. соч. С. 68.

<sup>411</sup> В этом отношении очень характерно письмо одного из идеологов русского консерватизма Л.А.Тихомирова издателю «Московских ведомостей» В.А.Грингмуту от 4 мая 1904 г.: «У нас, действительно, часто видно безусловное отрицание выборного начала и общественного управления, что не верно теоретически и практически. Вместо искания разумного места этим принципам, мы их совершенно отрицаем. На этой почве нельзя не быть разбитым». (РГАЛИ Ф. 1393. Оп. 1. Д. 99. Л. 15).

<sup>412</sup> См.: Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 116.

<sup>413</sup> Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 79.

<sup>414</sup> Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 161–162.

<sup>415</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 11. Л. 24 об.–25, 88 об.

<sup>416</sup> Шереметев П.С. Заметки, 1900–1905. М., 1905. С. 40–41.

<sup>417</sup> Сыромятников С.Н. Опыт русской мысли. Кн.1. СПб., 1901. С. 69; Щербатов А.Г. Обновленная Россия // Обновленная Россия и другие работы. М., 2002. С. 29; ОР РГБ Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 56 об.

<sup>418</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 186. Д. 16. Л. 54 об.

<sup>419</sup> Сыромятников С.Н. Указ. соч. С. 74.

<sup>420</sup> Шереметев П.С. Указ. соч. С. 53–54.

<sup>421</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 134. Д. 2. Л. 29 об.

<sup>422</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 156. Д. 7. Л. 3.

- 423 ОПИ ГИМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 9 об.
- 424 РО ИРАИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 25 об.
- 425 Там же. Л. 26.
- 426 Там же. Л. 26 об.
- 427 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 94.
- 428 РО ИРАИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 27.
- 429 Там же. Л. 27.
- 430 РО ИРАИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 27.
- 431 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 28.
- 432 Там же. Л. 29.
- 433 Там же. Л. 28–29.
- 434 Там же. Л. 29.
- 435 Там же. Л. 30.
- 436 Там же. Л. 34.
- 437 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 93.
- 438 Там же. Л. 93 об.
- 439 Там же. Л. 93 об.–94.
- 440 Там же. Л. 94.
- 441 Там же. Л. 96.
- 442 Там же. Л. 94.
- 443 Там же. Л. 95 об.–96.
- 444 Там же. Л. 97 об.
- 445 Там же. Л. 93 об.
- 446 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 25.
- 447 Там же. Л. 30.
- 448 Там же. Л. 20–25.
- 449 Там же. Л. 23.
- 450 Там же. Л. 25.
- 451 Там же. Л. 23.
- 452 Там же. Л. 28.
- 453 См.: Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 200; Котляревский С.А. Указ.соч. С. 213–215.
- 454 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 29.
- 455 В этом отношении очень интересным представляется письмо Б.А. Кистяковского Струве от 6 апреля 1903 г., в котором Кистяковский выражал сомнения относительно возможности формирования «Союза Освобождения» в России: «При данных условиях такая партия составитя из объединения нескольких кружков, по преимуществу, литературных. Образовать что-нибудь более обширное, серьезное и прочное в наших условиях жизни совершенно невозможно. Вы сами это признаете, так как Вы, кажется, писали, что в России теперь невозможны настоящие политические партии». Организация конституционалистов, по мнению Кистяковского,

- была бы объединением считанных лиц, не имевших возможность как-либо повлиять на ситуацию. (РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 80. Л. 121. об. –123).
- <sup>456</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 28 об.
- <sup>457</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 141 об. Председатель московской губернской земской управы 8 октября 1904 г., за месяц до ноябрьского съезда земцев, на котором возобладала позиция конституционалистов, уверял министра внутренних дел П.Д. Святополка-Мирского, что «огромное большинство конституции не желает и что только крайние элементы, меньшинство не удовлетворится реформой совета (Государственного – К.С.)». (РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 77. Л. 54).
- <sup>458</sup> См.: Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.
- <sup>459</sup> Шаховской Д.И. Адресы земств 1894–1895 гг. и их политическая программа // Избранные статьи и письма, 1881–1895. М., 2002. С. 104.
- <sup>460</sup> Там же. С. 102.
- <sup>461</sup> «И у славянофилов я находил родственные нотки. Я у них искал доводов в защиту начал народности», – писал Д.И. Шаховской. (Шаховской Д.И. Автобиография // Русские ведомости: Сборник статей. М., 1913. С. 197). Так что, по собственному признанию, влияние славянофильских концепций не распространялось на политические убеждения Шаховского.
- <sup>462</sup> Шаховской Д.И. Письма // Избранные статьи и письма, 1881–1895. М., 2002. С. 295–311.
- <sup>463</sup> Там же. С. 292.
- <sup>464</sup> РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 67. Л. 209.
- <sup>465</sup> Там же. Л. 192–197.
- <sup>466</sup> Шаховской Д.И. Письма // Избранные статьи и письма, 1881–1895. М., 2002. С. 69.
- <sup>467</sup> Там же. С. 127.
- <sup>468</sup> Там же. С. 115–117.
- <sup>469</sup> Там же. С. 110–112.
- <sup>470</sup> Там же. С. 114–115.
- <sup>471</sup> Там же. С. 112–114.
- <sup>472</sup> Там же. С. 117–122.
- <sup>473</sup> Там же. С. 122–124.
- <sup>474</sup> Там же. С. 104.
- <sup>475</sup> Там же. С. 109.
- <sup>476</sup> Там же. С. 109.
- <sup>477</sup> ГАРФ Ф. 5102. Оп. 1. Д. 352. Л. 199 об.
- <sup>478</sup> Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 159–160.

- <sup>479</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 491. Л. 5. Д.Н. Шипов считал, что подобную земскую кампанию не может инициировать московское земство, так как другие земства боятся его особой роли и относятся к нему с предубеждением. Поэтому Шипов написал письмо председателю херсонской губернской земской управы Андреевскому с просьбой собрать совещание земских деятелей, которые бы обсудили общий план действий относительно возможной подачи адресов. (Там же. Л.6; См. также: ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 1. Л. 2–3). Однако, Андреевский отказался. (ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 21. Л. 4–5).
- <sup>480</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 491. Л. 8 об.
- <sup>481</sup> Там же. Л. 9.
- <sup>482</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 124. Д. 7. Л. 2.
- <sup>483</sup> Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 160.
- <sup>484</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 124. Д. 7. Л. 3–4.
- <sup>485</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 1. Л. 5 об.
- <sup>486</sup> Там же. Л. 5–12.
- <sup>487</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 637. Л. 40 об. Согласно письму Ф.Д. Самарина отцу, Д.Ф. Самарину, от 22 июля 1901 г., П.Н. Трубецкой в отличие от всех остальных участников майского совещания поддержал как раз позицию Самарина, а не Шипова. (ОР РГБ Ф. 265. К. 153. Д. 1. Л. 159 об.).
- <sup>488</sup> Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 160.
- <sup>489</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 124. Д. 7. Л. 12.
- <sup>490</sup> ОР РГБ. Ф. 440. К. 2. Д. 10. Л. 1–2.
- <sup>491</sup> ОР РГБ. Ф. 265. К. 124. Д. 7. Л. 15; ОР РГБ Ф. 265. К. 153. Д. 1. Л. 159.
- <sup>492</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 491. Л. 16 об.
- <sup>493</sup> Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 178.
- <sup>494</sup> Там же. С. 177–178.
- <sup>495</sup> РГАДА Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5828. Л. 1.
- <sup>496</sup> Конспект доклада Петра Д. Долгорукова «Конституционная партия в предстоящий год» // Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. М., 2001. С. 35.
- <sup>497</sup> Там же. С. 37.
- <sup>498</sup> Конспект доклада Петра Д. Долгорукова «Конституционная партия за прошлый год»... С. 29.
- <sup>499</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 155 об.
- <sup>500</sup> Там же. Л. 152.
- <sup>501</sup> Там же. Л. 155 об.
- <sup>502</sup> Там же. Л. 155.
- <sup>503</sup> Там же. Л. 154–155.
- <sup>504</sup> Общеземский съезд 6–9 ноября 1904 года // Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. М., 2001. С. 107. При этом менее месяца назад, 15 октября 1904 г., в журнале «Освобождение» была

- опубликована статья «Исторический урок», автором которой был Петр Долгоруков. В значительной мере статья была посвящена как раз жесткой критике неославянофильства, которое, по мнению автора, «красноречиво свидетельствует о крайней незрелости нашей политической мысли». Долгоруков утверждал ошибочность теории неославянофилов, так как при сохранении самодержавия никакая серьезная политическая реформа невозможна и вместе с тем любая серьезная реформа приведет к упразднению самодержавия. (Долгоруков П.Д. Исторический урок // Освобождение. – № 57. 15 окт.1904. С. 114–118)
- <sup>505</sup> Общеземский съезд 6–9 ноября 1904 года... С. 106.
- <sup>506</sup> Михеева Э.П. Несколько дополнений к истории «Беседы»... С.241; Шацкило К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 106; Emmons T. Op.cit. P.488; Frohlich K. The emergence of Russian constitutionalism, 1900–1904. L., 1981. P.132
- <sup>507</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп.1. Д. 651. Л. 26.
- <sup>508</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп.1. Д. 142. Л. 90.
- <sup>509</sup> Там же. Л.90.
- <sup>510</sup> Шрейдер Г.И. Мелкая земская единица в условиях русской жизни // Мелкая земская единица: В 2 вып. Вып.2. СПб., 1903. С. 65.
- <sup>511</sup> По сути дела, о том же самом писал в письме в 1903 г. один из «собеседников» Н. Шишков: «В мелкой земской единице, т.е. в тесном союзе с массой населения, думают (земства – К.С.) найти силу для этой борьбы (с бюрократией – К.С.) и ставят поэтому на первый план проведение этой меры». (РГИА Ф. 1093. Оп.1. Д. 382. Л. 40 а.)
- <sup>512</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 26; См. также: РГИА Ф. 1088. Оп.2. Д. 659. Л. 1–7.
- <sup>513</sup> Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Т.22–23. М., 1993. С. 162.
- <sup>514</sup> Говоря о «местных исполнительных органах», Н.И. Лазаревский подразумевал мелкую земскую единицу: «Отсутствие у современного нашего земства местных исполнительных и наблюдательных органов, как мы уже указывали, не может не отражаться самым вредным образом на всем ходе нашей земской жизни. Поэтому создание всесословной волости, как мелкой самоуправляющейся единицы, включенной в общую систему земских учреждений, т.е. создание мелкой земской единицы, явилось бы самым целесообразным средством восполнить этот недостаток нашего современного земства». (Лазаревский Н.И. Самоуправление // Мелкая земская единица: В 2 вып. Вып.1. СПб., 1902. С. 50)
- <sup>515</sup> Виноградов П.Г. Местное самоуправление в Англии // Мелкая земская единица: В 2 вып. Вып.1. СПб., 1902. С. 92.
- <sup>516</sup> Там же. – С. 92; Лазаревский Н.И. Самоуправление // Мелкая зем-

- ская единица: В 2 вып. Вып.1. СПб., 1902. С. 39; Шрейдер Г.И. Мелкая земская единица в условиях русской жизни // Мелкая земская единица: В 2 вып. Вып.2. СПб., 1903. С. 70.
- <sup>517</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 2 Д. 6. Л. 1.
- <sup>518</sup> Савельев А.А. В.К. Плевелю и земство // Земство и власть. Арзамас, 1995. С. 74.
- <sup>519</sup> Савельев А.А. На заре освободительного движения // Голос минувшего. 1914. №1. С. 167.
- <sup>520</sup> Шипов Д.Н. К вопросу о взаимных отношениях губернских и уездных земств. М., 1899. С. 50–54.
- <sup>521</sup> Савельев А.А. На заре освободительного движения // Голос минувшего. 1914. №1. С. 167.
- <sup>522</sup> Шереметев П.С. Заметки, 1900–1905. М., 1905. С. 40–41.
- <sup>523</sup> Там же. С. 38.
- <sup>524</sup> Там же. С. 40.
- <sup>525</sup> ГАРФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1205. Л. 1–4.
- <sup>526</sup> Там же. Л. 2.
- <sup>527</sup> Шереметев П.С. Заметки, 1900–1905. М., 1905. С. 59.
- <sup>528</sup> Толстой П.М. Вопрос о приближении земства к населению // Общественный отдел. Саратовская земская неделя. 1904. №1. С. 3.
- <sup>529</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 173 об.
- <sup>530</sup> РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 79. Л. 131 об.
- <sup>531</sup> ГАРФ Ф. 5102. Оп. 1. Д. 466. Л. 62.
- <sup>532</sup> Там же. Л. 90.
- <sup>533</sup> ЦИАМ Ф. 380. Оп. 3. Д. 18. Л. 22.
- <sup>534</sup> Там же. Л. 22 об.–23.
- <sup>535</sup> Там же. Л. 90.
- <sup>536</sup> РГИА Ф. 1088. Оп. 2. Д. 659. Л. 1 об.–7.
- <sup>537</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 26.
- <sup>538</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 7–12.
- <sup>539</sup> Там же. Л. 12.
- <sup>540</sup> РГИА Ф. 1088. Оп. 2. Д. 659. Л. 3–5.
- <sup>541</sup> См.: Всеобщее образование в России. М., 1902.
- <sup>542</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 39. Л. 4 об.
- <sup>543</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 25 об.
- <sup>544</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 93.
- <sup>545</sup> Там же. Л. 94 об.–95 об.
- <sup>546</sup> РГИА Ф. 1093. Оп. 1. Д. 382. Л. 46.
- <sup>547</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 493. Л. 14 об.
- <sup>548</sup> Там же. Л. 17.
- <sup>549</sup> РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 72. Л. 60 об.–61.
- <sup>550</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 25 об.
- <sup>551</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 90, 145, 146, 150, 155 об., 156 об., 157–158,

- 170 об., 234 об., 238 об.; РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 26 об., 31 об.
- 552 ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 94 об.–95 об.
- 553 Шаховской Д.И. Политика либеральной партии // Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. М., 2001. С. 70.
- 554 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 30 об.
- 555 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 97.
- 556 Там же. Л. 153.
- 557 Там же. Л. 153 об.
- 558 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп.1. Д. 651. Л. 25 об., 30 об.; ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 96, 97, 242.
- 559 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп.1. Д. 651. Л. 29.
- 560 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп.1. Д. 142. Л.154 об. Естественно, высказываемое политиком мнение должно соответствовать общественным настроениям. Однако, эти настроения должны быть «расшифрованы» общественными деятелями и уже в «готовом» виде представлены публике в качестве ее собственного суждения. Сам Н.Н. Львов так об этом говорил на заседании «Беседы» 10 ноября 1903 г.: «Оно (дворянство – К.С.) должно идти вместе с народом – там его сила. Но жить одним интересом с народом не значит только идти к нему; надо считаться с народом, надо его предвинуть. В бессознательных массах приходит сознание, а потом понять сознание – в задаче всякого образованного, сознательно живущего человека». (РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 30 об.).
- 561 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 154.
- 562 ГАРФ Ф. 810. Оп.1. Д. 493. Л. 17.
- 563 РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 85. Л. 51.
- 564 ОР РГБ Ф. 265. К. 208. Д. 29. Л. 36.
- 565 ГАРФ Ф. 102. ДП ОО. Оп. 230. 1902 г. Д. 550. Л. 1.
- 566 РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 67. Л. 209.
- 567 Там же. Л. 209.
- 568 ОР РГБ Ф. 550. К. 3. Д. 2. Л. 20–21.
- 569 Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001. С. 71.
- 570 Корнилов А.А. Воспоминания... С.140.
- 571 Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 221.
- 572 ОР РГБ Ф. 550. К. 3. Д. 2. Л. 20.
- 573 Оболенский В.А. Указ. соч. С. 170.
- 574 Там же. С. 221–222.
- 575 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 97; При всем при том, что слово «земство» в выступлении П.М.Толстого ни разу не упоминалось, говоривший имел в виду, прежде всего, деятелей местного самоуправления. В пользу такой трактовки свидетельствует ставка П.М.Толстого на «открытое проявления сочувствия» идеям, выдвиг-

гаемым «Беседой»: из всех общественных организаций лишь земство могло заявить громогласно, открыто, на всю страну заявить свою позицию. «...Фактическое положение земской общественной группы в связи с тем демократическими тенденциями, органом которых она является за все время своего существования, налагает на нее высокую обязанность и дает ей нравственное право выступить активной представительницей бессловного общественного мнения в тот период, когда другие группы принуждены молчать или ограничиться менее яркими проявлениями общественный требований», – говорилось в программной статье первого номера журнала «Освобождение». (От русских конституционалистов // Освобождение. №1. С.7). Конкретный положительный пример демонстрации общественного мнения, приводимый Толстым, – это поведение опять же земского гласного Мартынова, потребовавшего упразднения местных комитетов по нуждам сельскохозяйственной промышленности и обсуждения стоявших перед ними вопросов на общероссийском земском собрании. (ОПИ ГИМ Ф. 31 Оп. 1 Д. 142. Л. 97 об.). Примечательно, что, говоря об идее, способной консолидировать общество, П.М. Толстой вспоминал о требованиях Мартынова, вышедших из земской среды и соответствующих, в первую очередь, чаяниям деятелей местного самоуправления. Так что, находясь среди земских деятелей, П.М. Толстой, сам земский гласный, был поставлен в ту систему координат, где слово «общество» подразумевало земство, или, по крайней мере, земство воспринималось в качестве центра, в значительной мере определявшего направление деятельности общества.

<sup>576</sup> Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914. М., 1997. С. 163.

<sup>577</sup> По сведениям председателя курской губернской земской управы Н.В. Раевского, также участвовавшего в этом совещании, В.К. Плеве пригласил к себе на беседу 9 земцев (Н.В. Гордеенко, В.М. Марков, А.Я. Новиков, Д.А. Олсуфьев, А.А. Павлов, Н.В. Раевский, М.В. Родзянко, А.А. Савельев, Н.Н. Сомов) и 5 губернских предводителей дворянства (Ю.В. Арсеньев, Н.Ф. Касаткин-Ростовский, Н.Ф. Сухомлинов, А.В. Толстой, Шатилов). Все они принимали участие в организованном при министерстве совещании по продовольственному вопросу. (ОР РГБ Ф. 440. К. 2. Д. 28. Л. 1).

<sup>578</sup> Этим исключением стал Н.Н. Сомов, председатель новгородской губернской земской управы. (ОР РГБ Ф. 440. К. 2. Д. 28. Л. 3).

<sup>579</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 6. Д. 54. Л. 17.

<sup>580</sup> Там же. Л. 19 об.

<sup>581</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 47. Л. 2.

<sup>582</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 208. Д. 29. Л. 40.

<sup>583</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 493. Л. 6 об.

<sup>584</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 28 об.

- 585 РГИА Ф. 1088. Оп. 2. Д. 465. Л. 2–3
- 586 ОПИ ГИМ Ф. 164. Оп.1. Д. 58. Л. 204-а.
- 587 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп.1. Д. 142. Л.140 об.
- 588 ОР РГБ Ф. 440. К. 2. Д. 28. Л. 5.
- 589 РО ИРЛИ Ф. 134. Оп. 6. Д. 2. Л. 20.
- 590 (Гейден П.А.) Письмо графа П.А. Гейдена министру внутренних дел В.К. Плеве 26 августа 1902 года // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1907. №6. С. 5.
- 591 ОР РГБ Ф. 440. К. 2. Д. 28. Л. 5 об.
- 592 ГАРФ Ф. 887. Оп. 1. Д. 102. Л. 63 об.
- 593 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 30.
- 594 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 153.
- 595 Там же. Л. 154.
- 596 Там же. Л. 153 об.
- 597 Там же. Л. 238–246.
- 598 Там же. Л. 253–254.
- 599 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 28 об.; Фактически о том же самом писал П.А. Гейден московскому земцу Н.Н. Хмелеву 14 июля 1902 г.: «Администрация бессильна остановить исторический ход жизни, и без того, чтобы само общество не дало отпор от себя (разумеется, не в виде доносов и помощи жандармам), может быть катастрофа». (ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 38. Л. 2).
- 600 ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 493. Л. 14.
- 601 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 155.
- 602 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 26 об.
- 603 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 140.
- 604 ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 493. Л. 8 об.
- 605 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 155.
- 606 РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 72. Л. 59.
- 607 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 29.
- 608 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 29.
- 609 РГИА Ф. 1093 Оп. 1. Д. 382. Л. 46.
- 610 Имеется в виду указ 12 декабря 1904 года, провозглашавший скорое проведение целого ряда реформ.
- 611 Рескрипт 18 февраля 1905 года объявлял о намерении властей созвать законосовещательное представительное собрание.
- 612 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 243.
- 613 ОР ГМТ Ф. 1 А7. № 110/5 Л. 2 об.–3
- 614 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 25 об.
- 615 Там же. Л. 24 об., 26; ОПИ ГИМ Ф.31. Оп.1. Д. 142. Л. 90 об., 143 об. – 145 об., 146–157 об., 173 об. – 174, 234, 246 об.
- 616 Там же. Л. 143 об. – 145 об.
- 617 Там же. Л. 143 об.

- <sup>618</sup> Там же. Л. 144.
- <sup>619</sup> Там же. Л. 145 об.
- <sup>620</sup> Там же. Л. 144; О том же «собеседники» говорили и на заседании кружка 14 мая 1904 г.: «При пересмотре вопроса об участии земских деятелей в трудах основываемых ныне комитетов по крестьянскому вопросу решено держаться следующей тактике: а) во всяком случае подвергнуть критике предложенные министерством внутренних дел основы крестьянской реформы и противопоставить им те положения, на основании которых такие реформы могли бы быть целесообразно совершены; б) ввиду непринятия предложенных положений оставить заседания комитета, подробно изложить основания такого решения...Наконец, когда предложится возможность повлиять в желательном смысле на большинство комитета, продолжить в нем работу, отстаивая шаг за шагом свои положения». (ОПИ ГИМ Ф. 385. Оп. 1. Д. 2. Л. 7). Т. е. необходимо максимально использовать предоставляемый правительством ресурс с целью формирования общественного мнения.
- <sup>621</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 145 об.
- <sup>622</sup> Там же. Л. 147.
- <sup>623</sup> Там же. Л. 146.
- <sup>624</sup> Там же. Л. 147.
- <sup>625</sup> Там же. Л. 146 об.
- <sup>626</sup> Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 264–268.
- <sup>627</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 2. Д. 28. Л. 7.
- <sup>628</sup> Гурко В.И. Указ. соч. С. 265.
- <sup>629</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 2. Д. 28. Л. 7 об.; Гурко В.И. Указ. соч. С. 266–267.
- <sup>630</sup> ГАРФ Ф. 887. Оп. 1. Д. 251. Л. 20.
- <sup>631</sup> ОР РГБ Ф. 440. К.2. Д. 28. Л. 8.
- <sup>632</sup> Там же. Л. 9.
- <sup>633</sup> Там же. Л. 9 об.
- <sup>634</sup> Там же. Л. 10 об.
- <sup>635</sup> Там же. Л. 9 об.–10 об., 11 об.–12.
- <sup>636</sup> Там же. Л. 9 об.
- <sup>637</sup> Там же. Л. 10 об.–11.
- <sup>638</sup> Там же. Л. 11 об.
- <sup>639</sup> Там же. Л. 9 об., 10 об., 11 об.
- <sup>640</sup> Там же. Л. 12.
- <sup>641</sup> П.А.Гейден в данном случае ошибается. В манифесте речь идет о привлечении местных людей исключительно при разработке аграрного законодательства. (См.: Гурко В.И. Указ. соч. С. 265).
- <sup>642</sup> ОР РГБ Ф. 440. К.2. Д. 28. Л. 11.

- <sup>643</sup> Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. М., 2001. С. 25.
- <sup>644</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 2. Д. 28. Л. 5 об.
- <sup>645</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 13. Л. 5.
- <sup>646</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 341–342.
- <sup>647</sup> Там же. Л. 137, 158 об., 173.
- <sup>648</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 50. Л. 111 об.
- <sup>649</sup> Там же. Л. 112–113.
- <sup>650</sup> Там же. Л. 115.
- <sup>651</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 90.
- <sup>652</sup> В.М. Петрово-Соловово называет его даже «конституционным», что, учитывая всеми диагностируемое настроение в земских кругах, можно считать очевидным недоразумением, объяснимым либо излишним радикализмом Петрово-Соловово, либо желанием «польстить» Струве.
- <sup>653</sup> РГАСПИ Ф. 279. Оп. 2. Д. 87. Л. 50.
- <sup>654</sup> Журналы XXXIX очередного тульского губернского земского собрания (с 13-го по 19 декабря 1903 г.). Тула, 1904. С. 20–21.
- <sup>655</sup> Там же. С. 21, 26.
- <sup>656</sup> Там же. С. 48–49.
- <sup>657</sup> Журналы заседаний XXXIX очередного курского губернского земского собрания 1903 г., декабрь. Курск, 1904. С. 5; Постановления московского губернского земского собрания очередной сессии 1903 г. (январь и февраль 1904 г.). М., 1904. С. 65–66; Журналы XXXVIII очередного орловского губернского земского собрания 1903 г. Орел, 1904. С. 127–128; Постановления XXXIX очередного псковского губернского земского собрания в съезде 1–20 декабря 1903 г. Псков, 1904. С. 64; Сборник постановлений Санкт-Петербургского губернского земского собрания с 1901 по 1904 гг. СПб., 1904. С. 552–553; Журналы XXXVIII очередного саратовского губернского земского собрания сессии 1903 года. Саратов, 1904. С. 443–444; Журналы очередного тамбовского губернского земского собрания сессии 1903 года. Тамбов, 1904. С. 121, 566–567; Журналы ярославского губернского земского собрания очередной сессии 1903 года. Ярославль, 1904. С. 199, 201–202; Общеземская хроника // Саратовская земская неделя. Саратов, 1904. № 1. С. 38, 48, 54; Хроника // Право. 1904. № 1. С. 36–37; ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 3. Д. 21. Л. 142–149.
- <sup>658</sup> Общеземская хроника // Саратовская земская неделя. Саратов, 1904. № 1. С. 45–54; Сборник постановлений Санкт-Петербургского губернского земского собрания с 1901 по 1904 гг. СПб., 1904. С. 552–553.
- <sup>659</sup> Журналы заседаний XXXIX очередного курского губернского земского собрания 1903 г., декабрь. Курск, 1904. С. 5; Журналы ярославского губернского земского собрания очередной сессии 1903 г. Ярославль, 1904. С. 199, 201–202
- <sup>660</sup> Постановления XXXIX очередного псковского губернского земско-

- го собрания в съезде 1–20 декабря 1903 г. Псков, 1904. С. 64
- <sup>661</sup> Журналы XXXVIII очередного саратовского губернского земского собрания сессии 1903 г. Саратов, 1904. С. 443–444
- <sup>662</sup> Общеземская хроника // Саратовская земская неделя. Саратов, 1904. № 1. С. 45–48.
- <sup>663</sup> Журналы XXXVIII очередного орловского губернского земского собрания 1903 г. Орел, 1904. С. 21–22, 96.
- <sup>664</sup> Журналы ярославского губернского земского собрания очередной сессии 1903 г. Ярославль, 1904. С. 172–189, 264–272.
- <sup>665</sup> Журналы заседаний XXXIX очередного курского губернского земского собрания 1903 г. Курск, 1904. С. 118–122.
- <sup>666</sup> Журналы XXXIX очередного харьковского губернского земского собрания 1903 г. Харьков, 1904. С. 127–128.
- <sup>667</sup> Там же. С. 163.
- <sup>668</sup> Там же. С. 180.
- <sup>669</sup> Там же. С. 163–170.
- <sup>670</sup> Общеземская хроника // Саратовская земская неделя. Саратов, 1904. № 1. С. 38.
- <sup>671</sup> Постановления самарского губернского земского собрания XXXIX очередной сессии. Самара, 1904. С. 294–295.
- <sup>672</sup> Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 194.
- <sup>673</sup> Там же. С. 192–193.
- <sup>674</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 6. Д. 36. Л. 7 об.
- <sup>675</sup> Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 193.
- <sup>676</sup> Там же. С. 197.
- <sup>677</sup> Там же. С. 201.
- <sup>678</sup> РГАСПИ Ф. 279. Оп. 2. Д. 123. Л. 1–2.
- <sup>679</sup> Шипов Д.Н. Указ.соч. С. 207–213.
- <sup>680</sup> Согласно А.А. Савельеву, на том совещании присутствовали В.Е. Якушкин, Д.И. Шаховской, М.Т. Садовский, В.Д. фон Дервиз, М.П. Колобов и, конечно, сам Д.Н. Шипов и А.А. Савельев. (Савельев А.А. В.К. Плеве и земство // Земство и власть. Арзамас, 1995. С. 69).
- <sup>681</sup> Там же. С. 70.
- <sup>682</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 13. Л. 2.
- <sup>683</sup> РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 82. Л. 103 об.
- <sup>684</sup> РО ИРАИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 31 об.
- <sup>685</sup> Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С. 122–123.
- <sup>686</sup> Шипов Д.Н. Указ.соч. С. 217.
- <sup>687</sup> РГАСПИ Ф. 279. Оп.1. Д. 90. Л. 39 об.; ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 56. Л. 1; (Гейден П.А.) Письмо графа П.А. Гейдена министру внутренних дел В.К. Плеве 26 августа 1902 года... С. 3–6.
- <sup>688</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 492. Л. 30 об.
- <sup>689</sup> Там же. Л. 28 об.

- 690 ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 676. Л. 43.
- 691 ГАРФ Ф. 601. Оп. 1. Д. 859. Л. 3.
- 692 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651 Л. 28
- 693 ОР РГБ Ф. 440. К. 6. Д. 54. Л. 8 об.
- 694 ОР РГБ Ф. 440. К. 6. Д. 22. Л. 5 об.–6 об.
- 695 Там же. Л. 6 об.
- 696 РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 90. Л. 50 об.
- 697 Гурко В.И. Указ. соч. С. 253–256.
- 698 Отрывки из воспоминаний Любимова Д.Н. // Исторический архив. М., 1962. №6. С. 82.
- 699 Переписка С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина в 1904–1905 гг.// Красный архив. Т. 6. 1926. С. 69–70.
- 700 Письмо В.К. Плеве к А.А. Кирееву // Красный архив. Т. 5. 1926. С. 201–203; ОР РГБ Ф. 126. К. 13. Л. 259.
- 701 Там же. Л. 312 об.–314.
- 702 Падение царского режима. Т. 5. М.-Л., 1926. С. 387.
- 703 Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 121–122.
- 704 ОР РГБ Ф. 440. К. 6. Д. 54. Л. 39 об.
- 705 Отрывки из воспоминаний Любимова Д.Н. // Исторический архив. М., 1962. № 6. С.82–83.
- 706 Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 201.
- 707 РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 67. Л. 221 об.
- 708 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 30 об.
- 709 Там же. Л. 31 об.; ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 13. Л. 2 об.
- 710 РГИА Ф. 1093. Оп.1. Д.382. Л. 46.
- 711 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп.1. Д.651. Л.25 об.
- 712 Там же. Л. 26 об.
- 713 Там же. Л. 27.
- 714 ОПИ ГИМ Ф.31. Оп.1. Д.142. Л. 7.
- 715 Там же. Л. 11–12.
- 716 Там же. Л. 12.
- 717 Из общественной хроники // Вестник Европы. №2. 1902. С. 874.
- 718 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп.1. Д.651. Л.26 об.
- 719 Из общественной хроники // Вестник Европы. №2. 1902. С. 874–875.
- 720 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп.1. Д.142. Л.157.
- 721 Архив РАН Ф. 649. Оп.1. Д.437. Л.5.
- 722 Emmons T. The Beseda circle, 1899–1905... P.482–483.
- 723 РГИА Ф. 1088. Оп. 2. Д. 659. Л. 1–7; ГАРФ Ф. 5102. Оп.1. Д. 947. Л. 9.
- 724 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 12.
- 725 РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 26.
- 726 Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет... С. 161.
- 727 Там же. С. 162.

- <sup>728</sup> Там же. С. 163.
- <sup>729</sup> ГАРФ Ф. 102. ДП ОО. Оп. 230. 1902 г. Д. 550. Л. 4.
- <sup>730</sup> Там же. Л. 6.
- <sup>731</sup> Барон А.Ф. Мейендорф был одновременно и сотрудником «Права» (а, следовательно, литератором), и «собеседником» (он был кооптирован в феврале 1901 г.). (РО ИРЛИ Ф. 334. Д. 651. Л. 18). Правда, А.Ф. Мейендорф заседания «Беседы» не посещал, хотя и платил членские взносы. (Там же. Л.25; ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 90, 137, 139 об., 142, 152, 170, 170 об., 173, 218, 234, 238, 242, 243, 254, 314).
- <sup>732</sup> РГАЛИ Ф. 40. Оп. 1. Д. 35. Л. 258 об.
- <sup>733</sup> Emmons T. Op. cit. P. 485.
- <sup>734</sup> ГАРФ Ф. 102. ДП ОО. Оп. 230. 1902 г. Д. 550. Л. 4.
- <sup>735</sup> ОР ГМТ Ф. 53 Кп. 15596 Письмо Петра Долгорукова от 10 сентября 1903 года. Л. 2 об.; Петр Д. Долгоруков, недовольный догматизмом представителей литературного мира, рассчитывал на то, что сами «собеседники» примут более активное участие в написании статей для будущих сборников. На заседании «Беседы» 12 января 1904 г. он предложил в следующее издание «Мелкой земской единицы» включить раздел с описанием «бытовой стороны мелкой земской единицы в Западной Европе, для чего желательны поездки членов “Беседы” на места (т.е. в европейские страны – К.С.), причем, может быть изучен и политический строй государства». Собравшиеся одобрили предложение П.Д. Долгорукова. (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 143). Иными словами, «собеседники», по мнению Долгорукова, должны были накопить необходимый материал для того, чтобы выступить в качестве авторов статей будущих сборников
- <sup>736</sup> ОР ГМТ Ф. 53. Кп.15596. Проект программы, тезисы предполагаемого к изданию сборника «Правовое положение крестьян». Л. 1 об.
- <sup>737</sup> ОР РГБ Ф. 70. К. 79. Д. 10. Л. 1–7.
- <sup>738</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 170.
- <sup>739</sup> ОР ГМТ Ф. 53. Кп. 15596. Письмо Павла Долгорукова от 5 марта 1903 года. Л. 1.
- <sup>740</sup> ОПИ ГИМ Ф. 385. Оп. 1. Д. 2. Л. 88.
- <sup>741</sup> Там же. Л. 88 об.–91.
- <sup>742</sup> Там же. Л. 88.
- <sup>743</sup> Гессен И.В. Указ.соч. С. 165.
- <sup>744</sup> Там же. С. 166.
- <sup>745</sup> РО ИРЛИ Ф.334. Оп. 1. Д. 651. Л. 27 об.
- <sup>746</sup> Гессен И.В. Указ.соч. С. 166.
- <sup>747</sup> ОР ГМТ Ф. 53. Кп.15596. Письмо Павла Долгорукова 5 июня 1904 года. Л. 2.
- <sup>748</sup> Там же. Л. 1об.–2.

- <sup>749</sup> Гессен И.В. Указ. соч. С. 164.
- <sup>750</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 143 об.
- <sup>751</sup> ОР ГМТ Ф. 53. Кп. 15596. Записи расходов на нужды товарищества «Беседа». Л. 8 об.
- <sup>752</sup> Так, на заседании «Беседы» 15 февраля 1904 г. Петр Д. Долгоруков внес предложение использовать 800 рублей издательского фонда на нужды готовящегося сборника «Крестьянский строй». Однако, «собеседники» это предложение отклонили. (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп.1. Д. 142. Л. 150). С аналогичным предложением выступил С.Л. Толстой на заседании 8 января 1905 г. Судя по протоколу, возражения на сей раз не последовали (Там же. Л. 230 об.).
- <sup>753</sup> Там же. Л. 142 об.
- <sup>754</sup> ОР ГМТ Ф. 53. Кп. 15596. Письмо Павла Долгорукова 5 марта 1903 г. Л. 1.
- <sup>755</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 142 об.
- <sup>756</sup> Там же. Л. 230 об.
- <sup>757</sup> Гессен И.В. Указ. соч. С. 162.
- <sup>758</sup> В этом отношении примечательно письмо Д.И. Шаховского А.А. Корнилову от 18 января 1904 г. с предложением написать для сборника «Крестьянский строй» статью о крестьянской реформе 1861 года. «Конечно, следует не столько рассказывать историю, как выяснить общие принципы и основания совершающегося (курсив мой – К.С.) преобразования», – писал Д.И. Шаховской. (ГАРФ Ф. 5102. Оп. 2. Д. 115. Л. 39). Иначе говоря, автор должен сконцентрироваться на актуальных проблемах современного крестьянства, причем, свести эти проблемы к неким общим идеям, объясняющим современную ситуацию в деревне. В период министерства В.К. Плеве Д.И. Шаховской вряд ли мог в письме объяснить подробнее, какую статью он в действительности ожидал. Однако, можно не сомневаться, что близкий друг и единомышленник Шаховского Корнилов и так понял его.
- <sup>759</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 97 об.
- <sup>760</sup> Шереметев П.С. Заметки, 1900–1905. М., 1905. С. 18; ОПИ ГИМ Ф. 385. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.
- <sup>761</sup> Штевен А.А. Чему учить в народной школе // Всеобщее образование в России. М., 1902. С. 41.
- <sup>762</sup> Блинов Л.Н. Народный учитель // Там же. С. 84.
- <sup>763</sup> Бычков Н.М. Расходы городов на народное образование // Там же. С. 175.
- <sup>764</sup> Лазаревский Н.И. Самоуправление // Мелкая земская единица. СПб., 1902. Вып. 1 С. 1–61.
- <sup>765</sup> Виноградов П.Г. Местное самоуправление в Англии // Там же. С. 62–93.
- <sup>766</sup> Шрейдер Г.И. Мелкая земская единица в условиях русской жизни //

- Мелкая земская единица в 1902–1903 гг. СПб., 1903. Вып.2. С. 1–89.
- <sup>767</sup> Подробнее о сборнике «Мелкая земская единица» см. выше, во второй главе.
- <sup>768</sup> Пешехонов А.В. Земельные нужды деревни // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. Т. 2. С. 1–115.
- <sup>769</sup> Страховский И.М. Крестьянский вопрос // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. Т. 1. С. 108–109.
- <sup>770</sup> Милюков П.Н. Введение // Там же. С. 24–26.
- <sup>771</sup> Там же. С. 40.
- <sup>772</sup> Гессен В.М. Основы правопорядка // Там же. С. 42.
- <sup>773</sup> Там же. С. 46–47.
- <sup>774</sup> Там же. С. 82–83.
- <sup>775</sup> Розенберг В.А. Земские начальники // Там же. С. 175–176.
- <sup>776</sup> Гессен И.В. Юридическая помощь населения // Там же. С. 181  
И.В. Гессен позволил себе весьма недвусмысленное заявление: «Необходимо поэтоому разъяснить крестьянину, что хотя в самодержавном государстве закон и не имеет столь абсолютного значения, как в странах с представительным образом правления, тем не менее и здесь при нормальных условиях можно требовать строгого соблюдения закона и на этом основании отстаивать свои права, если их кто-либо нарушит».
- <sup>777</sup> Шрейдер Г.И. Земское самоуправление // Там же. С. 292, 308.
- <sup>778</sup> Чупров А.А. Общинное землевладение // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. Т.2. С. 232.
- <sup>779</sup> Анненский Н.Ф. Общие течения финансовой политики государства // Там же. С. 653.
- <sup>780</sup> ОР ГМТ Ф. 53. Кп. 15596. Письмо Петра Д. Долгорукова 10 сентября 1903 года. Л. 2 об.
- <sup>781</sup> ОР ГМТ Ф. 53. Кп. 15596. Проект программы, тезисы предполагаемого к изданию сборника «Правовое положение крестьян». Л. 1 об.
- <sup>782</sup> Лаппо-Данилевский А.С. Очерк и история главнейших разрядов крестьянского населения в России // Крестьянский строй. СПб., 1905. С. 155–156.
- <sup>783</sup> Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века // Там же. С. 294–295.
- <sup>784</sup> Корнилов А.А. Крестьянская реформа 19 февраля 1861 года // Там же. С. 367, 369.
- <sup>785</sup> Страховский И.М. Крестьянский вопрос в законодательстве и в законосовещательных комиссиях после 1861 года // Там же. С. 454.
- <sup>786</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 230 об.

- <sup>787</sup> Рейснер М.А. Введение // Политический строй современных государств. СПб., 1905. Т. 1. С. 11.
- <sup>788</sup> Он же. Избирательное право // Там же. С. 115.
- <sup>789</sup> Гессен В.М. Теория правового государства // Там же. С. 134.
- <sup>790</sup> Виноградов П.Г. Государственный строй Англии // Там же. С. 271.
- <sup>791</sup> Милуков П.Н. Болгарская конституция // Там же. С. 545.
- <sup>792</sup> Об этом свидетельствует, в частности, то, что на заседаниях кружка о планах издавать сборники «Конституционное государство» и «Аграрный вопрос» ничего не упоминалось, а т. к. издатели перед коллегами регулярно отчитывались о ходе работы текстами, называли необходимую сумму для их издания, рассказывали, сколько экземпляров продано, а сколько осталось, иными словами, держали «собеседников» в курсе издательской деятельности объединения, то можно уверенно утверждать, что и об этих сборниках вспомнили бы, если бы они, действительно, готовились к публикации. Итак, работа над ними скорее всего началась не ранее января 1905 г. (т. к. январская «сессия» «Беседы» – последняя, оставившая после себя довольно подробный текст протоколов всех заседаний). В протоколе фактически последнего заседания «Беседы» 27 мая 1905 г. есть некоторые фразы, которые с определенной долей сомнения можно соотнести с планами издать последние два сборника. Так, Петр Д. Долгоруков утверждал, что на тот момент наиболее актуальный вопрос – проблема национализации земли. Учитывая, что обсуждение было посвящено перечню насущных вопросов, требовавших тщательного изучения, и в этом контексте было упомянуто о необходимости переговорить и И.В.Гессеном, можно сделать вывод, что, в действительности, речь шла об издательских проектах «Беседы», а П.Д. Долгоруков имел в виду сборник, посвященный национализации земли, иными словами, «Аграрный вопрос». В пользу этого говорит и то, что П.Д. Долгоруков указал еще и на другую важную проблему: ему представлялось полезным заняться вопросами общественного призрения. А известно, что сборник о теории и практике общественного призрения как раз готовился к изданию. Кроме того, П.Д. Долгоруков, отчитываясь об издательской деятельности кружка, сообщил, что С.А. Котляревский, С.А. Муромцев, П.А. Новгородцев и Ф.Ф. Кокошкин выступили с инициативой издать третий том сборника «Политический строй современных государств», посвященный возможности применения конституции в России. (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 253). Можно предположить, что эта идея в итоге вылилась в публикацию сборника «Конституционное государство». Если эти предположения верны, то получается, что работа над этими сборниками в конце мая 1905 года только начиналась: ведь П.Д. Долгоруков, сообщая «собеседникам» об этих проектах, лишь очерчивал перспективу.

- <sup>793</sup> Петрункевич И.И. К аграрному вопросу // Аграрный вопрос. М., 1905. Т. 1. С. XXIX.
- <sup>794</sup> Герценштейн М.Я. Национализация земли // Там же. 84–128 с.; Кауфман А.А. Переселение и его роль в аграрной программе // Там же. С. 169; Мануйлов А.А. Поземельный вопрос в России // Там же. С. 61.
- <sup>795</sup> Совещания земских деятелей по аграрному вопросу 27–29 апреля 1905 года // Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. М., 2001. С. 182–183, 198–199, 211–212.
- <sup>796</sup> Шаховской Д.И. Союз Освобождения // Там же. С. 545–546.
- <sup>797</sup> Гессен И.В. Указ. соч. С. 166–167.
- <sup>798</sup> ГАТО Ф. 2203. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2.
- <sup>799</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 139 об.–142
- <sup>800</sup> РО ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 25.
- <sup>801</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 142.
- <sup>802</sup> Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. М., 2001. С. 91.
- <sup>803</sup> ГАТО Ф. 2203. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.
- <sup>804</sup> Некоторые земцы заняли откровенную антивоенную позицию. В частности, К.К. Арсеньев 30 апреля 1905 г. в кулуарах санкт-петербургского земского собрания говорил: «Все земства, в том числе и петербургское, затеяли общую земскую организацию для помощи семьям больных и раненых воинов. На это дело идут сотни тысяч рублей. Конечно, семьи солдат страдали, страдают и будут страдать, но не являются эти жертвуемые земствами деньги явной поблажкой царствующему у нас алчному милитаризму. Мы жертвуем сотни тысяч на войну в то время, когда наши вечные страдальцы крестьяне еще тяжелее стонут именно теперь, до последней нитки разоренные войной...» По сведениям Департамента полиции, хотя слова К.К. Арсеньева и не встречали особого сочувствия среди петербургских земцев, однако к нему прислушивались в провинции. (ГАРФ Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 232. Д. 1228. Л. 1–2).
- <sup>805</sup> Judge E.H. Plehve: Repression and reform in imperial Russia, 1902–1904. Syracuse, 1983. P. 208.
- <sup>806</sup> Шаховской Д.И. «Союз Освобождения»... С. 549.
- <sup>807</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 149.
- <sup>808</sup> Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания: То, чего больше не будет. М., 1998. С. 325.
- <sup>809</sup> Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 297, 723–724.
- <sup>810</sup> Там же. С. 297.
- <sup>811</sup> ГАТО Ф. 2203. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.
- <sup>812</sup> Там же. Л. 1 об.–2.

- <sup>813</sup> Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914. М., 1997. С. 249.
- <sup>814</sup> ОПИ ГИМ Ф. 385. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
- <sup>815</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 13. Л. 314.
- <sup>816</sup> Там же. Л. 312 об.–313 об.
- <sup>817</sup> Е.Н. Трубецкой, преподававший в то время в Киевском университете, также числился в составе «Беседы», хотя заседания кружка он не посещал и когда он был кооптирован, остается неизвестным. (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 2 об.; РО ИРАИ Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 24 об.–25).
- <sup>818</sup> РГАЛИ Ф. 503. Оп. 1. Д. 149. Л. 15.
- <sup>819</sup> Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет... С. 175. Практически о том же писал С.Ю. Витте А.Н. Куропаткину 19 августа 1904 г.: «С господином фон Плеве сделалось то, что должно было сделаться, и страшно то, что нигде это преступление не встретило соболезнования. Только слышался вздох облегчения и проклятия его памяти». (Переписка С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина в 1904–1905 гг. // Красный архив. Т. 6. 1926. С. 71).
- <sup>820</sup> (Тихомиров Л.А.) 25 лет назад: Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 1. С. 59.
- <sup>821</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 494. Л. 8 об.–9.
- <sup>822</sup> Суворин А.С. Дневник. Л.-М., 2000. С. 466.
- <sup>823</sup> Мельгунов С.П. Из истории русской печати: К 50-ти летию «Русских ведомостей» // Голос минувшего. 1913. №10. С. 221.
- <sup>824</sup> Суворин А.С. Указ. соч. С. 467.
- <sup>825</sup> (Тихомиров Л.А.) Указ. соч. С. 62.
- <sup>826</sup> (Святополк-Мирская Е.А.) Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 77. С. 241–242.
- <sup>827</sup> ГАРФ Ф. 810. Оп. 1. Д. 494. Л. 7.
- <sup>828</sup> Там же. Л. 8 об.
- <sup>829</sup> Суворин А.С. Указ. соч. С. 470–471.
- <sup>830</sup> Полнер Т.И. Указ. соч. С. 104, 129.
- <sup>831</sup> Шереметевы в судьбе России: Воспоминания, дневники, письма. М., 2001. С. 244.
- <sup>832</sup> ОПИ ГИМ Ф. 164. Оп. 1. Д. 58. Л. 132.
- <sup>833</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 234 об.
- <sup>834</sup> Там же. Л. 152.
- <sup>835</sup> Там же. Л. 152 об.
- <sup>836</sup> Там же. Л. 152 об.–153 об.
- <sup>837</sup> Там же. Л. 153.
- <sup>838</sup> ГАРФ Ф. 629. Оп. 1. Д. 16 Л. 6.
- <sup>839</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 153 об.
- <sup>840</sup> Там же. Л. 154.

- <sup>841</sup> Там же. Л. 155.
- <sup>842</sup> Там же. Л. 155 об.
- <sup>843</sup> Там же. Л. 152.
- <sup>844</sup> Там же. Л. 155 об.
- <sup>845</sup> Там же. Л. 154.
- <sup>846</sup> Там же. Л. 153–154; Примечательно, что на том же заседании предметно обсуждался и крестьянский вопрос. В итоге было принято решение о необходимости полного сложения выкупных платежей. (Там же. Л. 157).
- <sup>847</sup> Там же. Л. 157–158.
- <sup>848</sup> РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 90. Л. 53.
- <sup>849</sup> Суворин А.С. Указ.соч. С. 474.
- <sup>850</sup> Трубецкая О.Н. Из пережитого // Современные записки. 1937. №64. С. 287
- <sup>851</sup> ЦИАМ Ф. 2244 Оп. 1. Д. 3039. Л. 97 об.
- <sup>852</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 13. Л. 353.
- <sup>853</sup> (Святополк-Мирская Е.А.) Указ.соч. С. 251.
- <sup>854</sup> Там же. С. 253.
- <sup>855</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 8. Д. 292. Л. 142.
- <sup>856</sup> Там же. Л. 144 об.
- <sup>857</sup> Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 295.
- <sup>858</sup> Там же. С. 299.
- <sup>859</sup> Там же. С. 301.
- <sup>860</sup> Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 578.
- <sup>861</sup> Л-аго И. Банкетная кампания в Саратове // Минувшие годы. 1908. № 12. С.30–31.
- <sup>862</sup> ГАРФ Ф. 1729. Оп. 1. Д. 318. Л. 130.
- <sup>863</sup> Трубецкой Е.Н. Война и бюрократия // Право. 26 сент.1904. №39. Стб. 1871–1875.
- <sup>864</sup> ГАРФ Ф. 892. Оп. 1. Д. 204. Л. 46.
- <sup>865</sup> (Тихомиров Л.А.) Указ. соч. С. 63.
- <sup>866</sup> Гессен И.В. Указ. соч. С. 181.
- <sup>867</sup> Трубецкая О.Н. Указ. соч. С. 286–287.
- <sup>868</sup> Богданович А.В. Указ. соч. С. 304.
- <sup>869</sup> ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д.3039. Л. 96 об.
- <sup>870</sup> ГАРФ Ф. 629. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.
- <sup>871</sup> РГАСПИ Ф.279. Оп.1. Д.77. Л.54.
- <sup>872</sup> Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 568.
- <sup>873</sup> Там же. С. 575–576.
- <sup>874</sup> ОПИ ГИМ Ф.31. Оп.1. Д.142. Л.170.
- <sup>875</sup> Там же. Л. 173.
- <sup>876</sup> Там же. Л. 170.
- <sup>877</sup> Там же. Л. 170–а.

- <sup>878</sup> Там же. Л. 173 об.
- <sup>879</sup> Как впоследствии писал Д.И. Шаховской, основным возмутителем спокойствия среди конституционалистов был П.А. Гейден, которого все же с трудом удалось переубедить. (Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 575). И П.А. Гейден, как раз присутствовавший 30 октября и 1 ноября на заседаниях «Беседы», очевидно, к этому времени успел уже согласиться с доводами своих радикальных коллег. (ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 170, 170-а, 173).
- <sup>880</sup> Общеземский съезд 6–9 ноября: Протоколы // Либеральное движение в России, 1902–1905. М., 2001. С. 105.
- <sup>881</sup> Там же. С. 99–102, 104–108.
- <sup>882</sup> Там же. С. 102–104.
- <sup>883</sup> Там же. С. 107, 137.
- <sup>884</sup> (Святополк-Мирская Е.А.) Указ. соч. С. 251.
- <sup>885</sup> ГАРФ Ф. 887. Оп. 1. Д. 102. Л. 59.
- <sup>886</sup> РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 20.
- <sup>887</sup> ОР РГБ Ф. 322. К. 2. Д. 10. Л. 72.
- <sup>888</sup> Там же. Л. 72–73.
- <sup>889</sup> Архив РАН Ф. 518. Оп. 2. Д. 33. Л. 33. об.–34; Как писал В.И. Вернадский, большинство земского собрания высказалось в пользу участия «свободно избранных представителей русской земли в осуществлении государственной власти». А после того, как стало известно о царской телеграмме черниговскому собранию, где выражалось высочайшее неудовольствие его адресом государю, большинство земцев высказалось в пользу составления адреса, аналогичного черниговскому. И только, благодаря вмешательству председательствующего, губернского предводителя дворянства Чолокаева, этого не произошло. «Мне говорил Чолокаев, – писал Вернадский, – что он пошел бы на какое угодно пари, что после царской телеграммы в собрании будут только единичные голоса за посылку политического адреса, и вдруг за него большинство». (Там же. Л. 33 об.–34).
- <sup>890</sup> ОРФ ГЛМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 388. Л. 1 об.
- <sup>891</sup> ГАРФ Ф. 892. Оп. 1. Д. 204. Л. 53 об.–54.
- <sup>892</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 124. Д. 3. Л. 35 об.–36 об.
- <sup>893</sup> Судя по воспоминаниям Ф.Д. Самарина, в этот кружок входили А.М. Голицын, В. Голицын, П.Б. Мансуров, Н.М. Павлов, К.В. Рукавишников, А.Д. Самарин, С.Д. Самарин, Ф.Д. Самарин, И.Ф. Тютчев, Ф.И. Тютчев. (Там же. Л. 11–17).
- <sup>894</sup> Там же. Л. 20.
- <sup>895</sup> Там же. Л. 23.
- <sup>896</sup> Там же. Л. 33.
- <sup>897</sup> Там же. Л. 33 об.–34.
- <sup>898</sup> РГАЛИ Ф. 503. Оп. 1. Д. 24. Л. 55.

- <sup>899</sup> Конечно, конституционалисты (С.Н. Трубецкой, П.Д. Долгоруков, Ф.Ф. Кокошкин) играли ключевую роль в оппонировании «самаринской партии»: на депутатском собрании они были основными ораторами, защищавшими идею народного представительства; Ф.Ф. Кокошкин составил записку о необходимости участия общества в законодательной работе, да и съезжаться для подписания этой записки было предложено к дому Хрептовича-Бутенева. И все же многие неославянофилы выступили вместе с конституционалистами: Н.А. Хомяков, П.Н. Трубецкой, Д.Н. Шипов. (ОР РГБ Ф. 265. К. 124. Д. 3. Л. 37, 41–49 об.).
- <sup>900</sup> Там же. Л. 37.
- <sup>901</sup> РГАЛИ Ф. 503. Оп. 1. Д. 24. Л. 55.
- <sup>902</sup> Трубецкая О.Н. Указ. соч. С. 303; ОР РГБ Ф. 265. К. 124. Д. 3. Л. 56.
- <sup>903</sup> Там же. Л. 54–55. «...Россия найдет путь для надежного устроения своей внутренней жизни на завещанных нам нашей историей началах единения Самодержавного царя с землей», – как раз эти слова были включены в адрес по настоянию П.С. Шереметева и М.А. Олсуфьева. (Трубецкая О.Н. Указ. соч. С. 303).
- <sup>904</sup> ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 218.
- <sup>905</sup> Там же. Л. 230.
- <sup>906</sup> Конечно, ни о каких формализованных отношениях между «Беседой» и «Московской неделей» (о чем говорил П.Д. Долгоруков) в постановлении сказано не было. Однако, было бы ошибочным понимать слова П.Д. Долгорукова слишком буквально. «Беседа» – объединение нелегальное по статусу и неформальное по существу. В силу особенностей организационной структуры кружка никакие договорные, а тем более юридические обязательства «Беседа» взять на себя не могла. Она могла только признать «Московскую неделю» «своей» и, соответственно, считать желательным всяческое содействие новому изданию, что фактически и было сделано.
- <sup>907</sup> Сам П.Д. Долгоруков говорил о неизбежности «приличного» компромисса с «консервативным элементом», судя по дискуссии, имея в виду включение в адрес земского или дворянского собрания требования введения народного представительства хотя бы в форме законосовещательного учреждения. Иными словами, он рассчитывал на соглашения с земцами или же депутатами дворянского собрания, исповедовавшими славянофильские убеждения. Так что интерпретация «консервативного элемента» как неославянофилов представляется вполне корректной.
- <sup>908</sup> Там же. Л. 234.
- <sup>909</sup> Там же. Л. 242.
- <sup>910</sup> Там же. Л. 242 об.
- <sup>911</sup> Там же. Л. 243.

- <sup>912</sup> Там же. Л. 152, 170, 173, 218, 234, 238, 242
- <sup>913</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 13. Л. 355 об.
- <sup>914</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 8. Д. 892. Л. 147 об.; (Бобринский А.А.) Дневники А.А. Бобринского, 1910–1911 // Красный архив. 1928. №1. С. 130.
- <sup>915</sup> Трубецкая О.Н. Указ.соч. С. 292.
- <sup>916</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 8. Д. 892. Л. 148.
- <sup>917</sup> Там же. Л. 148 об.
- <sup>918</sup> Там же. Л. 149; (Бобринский А.А.) Указ. соч. С. 130.
- <sup>919</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 8. Д. 892. Л. 151 об.
- <sup>920</sup> (Тихомиров Л.А.) 25 лет назад: Из дневника Л.Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 2. С. 52.
- <sup>921</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 8. Д. 892. Л. 174.
- <sup>922</sup> Там же. Л. 175, 177; (Бобринский А.А.) Указ. соч. С. 131.
- <sup>923</sup> Там же. Л. 175; РГАДА Ф. 1412. Оп. 2. Д. 699. Л. 1–3.
- <sup>924</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 8. Д. 892. Л. 175 об.; (Бобринский А.А.) Указ. соч. С. 131; С.Н. Трубецкой участвовал в работе этого кружка 6 февраля 1905 г. (а его записка обсуждалась еще 3-го). (РГАДА Ф. 1412. Оп. 8. Д. 892. Л. 175 об., 177).
- <sup>925</sup> Согласно дневниковым записям А.А. Бобринского, в этих совещаниях принимали участие члены Государственного совета Б.В. Штюрмер, С.А. Толь, А.А. Ширицкий-Шихмагов, С.Ф. Платонов, А.С. Стишинский, П.А. Полторацкий, А.С. Брянчаниной, а также А.А. Бобринский, предводитель дворянства Петербургской губернии В.В. Гудович, товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко и начальник канцелярии министерства императорского двора А.А. Мосолов. (Там же. Л. 177 об., 189 об.); См. также: Гурко В.И. Указ.соч. С. 450.
- <sup>926</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 8. Д. 892. Л. 177 об., 189 об., 198 об.
- <sup>927</sup> Там же. Л. 200.
- <sup>928</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 14. Л. 28 об. Записка, принятая на съезде губернских предводителей дворянства в марте 1905 г., представляла собой весьма сложный и противоречивый текст. Дворянские предводители исходили из того, что введение конституционализма было невозможным в России. По их мнению, самодержавие, самобытная русская форма правления, не имело в данный исторический момент альтернативы, так как только оно соответствовало мировоззрению большинства населения. Конституция, лишённая какой-либо поддержки в стране, лишь дестабилизировала бы ситуацию. Но сохранять status quo, по мнению предводителей, было также опасно. Поэтому было чрезвычайно важным воплотить в жизни положения рескрипта 18 февраля 1905 г., в котором, наконец, провозглашалось намерение государя привлечь народных представителей в законодательной работе. (ЦИАМ Ф. 380. Оп. 4. Д. 437. Л. 1; ЦИАМ Ф. 380. Оп. 4. Д. 440. Л. 139 об.). Оставаясь сторонниками сохранения самодержавия, предводители дворянства, тем не менее, не считали возможным определить функ-

ции будущего представительства исключительно как законосовещательные, так как это лишало бы представительство всякой инициативы и права контролировать правительство. Будущие народные избранники, по мнению губернских предводителей, должны были иметь право законодательной инициативы, право надзора за исполнением законов, право запроса к правительству. Также в записке говорилось о необходимости гласного контроля над бюджетом. Если же представительство не будет обладать этими правами, «будут переименования, а не реформы. Без них не будет того обновления всего государственного механизма, которого события обличили...» (Там же. Л. 141–142; ЦИАМ Ф. 380. Оп. 4. Д. 437. Л. 2).

Но, согласно записке, ни о каком при этом ограничении власти самодержца не может быть и речи. «Возможность при самодержавии учреждений не строго совещательного характера, а даже распорядительного, лучше всего доказывается сорокалетним плодотворным существованием земства», – оправдывались предводители уже на своем апрельском съезде. Помимо этого, невозможно себе представить, рассуждали авторы записки, чтобы царь, стоявший над разнообразными интересами всевозможных групп и классов, оказался бы на стороне злоупотребляющего властью правительства, а не на стороне представительного собрания, отражающего мнение всего народа. Следовательно, мнению самодержца будет всегда совпадать с мнением представителей. Таким образом, записка губернских предводителей сводилась «к ограничению не власти царя, а власти правительства». (ЦИАМ Ф. 380. Оп. 4. Д. 440. Л. 141)

По существу, речь идет о типичном неославянофильском построении. Во-первых, авторы записки исходили из необходимости сохранить неизменным самодержавие. Вместе с тем, они настаивали на проведении коренных реформ всего государственного устройства. Выдвигая проект серьезной институциональной реформы, они были уверены, что наносят удар по бюрократии, являвшейся главной бедой страны, а вовсе не по власти самодержца. Иначе говоря, основную идею записки можно выразить так: надо спасти самодержавие и во имя этого ограничить власть бюрократии.

25 апреля 1905 г. на заседании съезда губернских предводителей дворянства был рассмотрен вопрос об отношении дворянских собраний к составленной записке. Абсолютное большинство выступавших говорило о полной поддержке этого документа дворянскими собраниями их губерний. (ЦИАМ Ф. 380. Оп. 4. Д. 478. Л. 1–3). Итог подвел председатель собрания, предводитель московского дворянства П.Н. Трубецкой. По его сведениям, 15 губернских совещаний присоединилось к записке, в 3 губерниях отклонили, в 31 губернии отношение к записке пока не выяснилось. (Там же. Л. 3 об.). Так что можно констатировать: обращение предводителей нашло заметную поддержку на местах.

<sup>929</sup> Гурко И.В. Указ. соч. С. 279–280, 451.

<sup>930</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 14. Л. 34.

- <sup>931</sup> Гурко И.В. Указ. соч. С. 452.
- <sup>932</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 14. Л. 48.
- <sup>933</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 2. Д. 276. Л. 12, 22, 27, 31, 34–36, 49, 50, 53–55, 58, 66, 69, 72, 74, 94, 105–109, 114, 117–118, 122, 124–125, 127–128, 131, 133, 139, 143, 154, 166, 168, 197, 205, 262.
- <sup>934</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 14. Л. 38 об.; Гурко В.И. Указ. соч. С. 450–452.
- <sup>935</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 2. Д. 276. Л. 11.
- <sup>936</sup> Там же. Л. 2.
- <sup>937</sup> Там же. Л. 51.
- <sup>938</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 2. Д. 277. Л. 360.
- <sup>939</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 2. Д. 276. Л. 8, 14–15, Л.17, 84, 113, 300; РГАДА Ф. 1412. Оп. 2. Д. 277. Л. 305, 355.
- <sup>940</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 2. Д. 276. Л. 9, 29, 37–38, 61, 67–68, 82, 96, 120, 127, 153, 256; РГАДА Ф.1412. Оп. 2. Д. 277. Л. 304.
- <sup>941</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 2. Д. 276. Л. 3, 7, 10, 12, 19, 22, 24, 26–28, 30, 32–33, 38, 47, 50–51, 60, 66–67, 69, 72, 97, 130–131, 136, 140, 168, 227, 284; РГАДА Ф. 1412. Оп. 2. Д. 277. Л. 339–340, 344, 389, 401; ОР РГБ Ф. 126. К. 14. Л. 34.
- <sup>942</sup> ОР РГБ Ф. 126. К. 14. Л. 48.
- <sup>943</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 153. Д. 3. Л. 38.
- <sup>944</sup> Так, князь А.Г.Щербатов, один из лидеров Союза русских людей член «Кружка москвичей», в начале 1905 года составил записку, в которой обрисовал свое видение будущего законосовещательного представительства – Земского собора. (ОР РГБ Ф. 265. К. 134. Д. 2. Л. 7–30). В пользу этого проекта высказался и другой видный член кружка П.Б.Мансуров. (Там же. Л. 54–55). Сторонником созыва выборных народных представителей был И.Ф.Тютчев. (ОР РГБ Ф. 265. К. 202. Д. 37. Л. 1–2). Так что даже в «Кружке москвичей» точка зрения Ф.Д. Самарина не встречала единодушной поддержки.
- <sup>945</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 186. Д. 16. Л. 51.
- <sup>946</sup> ГАРФ Ф. 634. Оп. 1. Д. 101. Л. 147.
- <sup>947</sup> Шереметев П.С. Заметки, 1900–1905. М., 1905. С. 112–113.
- <sup>948</sup> Королева Н.Г. Правые партии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. // Исторические записки. 1990. №118. С. 117.
- <sup>949</sup> ОПИ ГИМ Ф. 43. Оп. 1. Д. 112. Л. 86.
- <sup>950</sup> Там же. Л. 151–152; См: Ганелин Р.Ш. Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России // Национальная правая прежде и теперь: Историко-социологические очерки. СПб., 1992. Ч.1. С. 77.
- <sup>951</sup> ОПИ ГИМ Ф. 424. Оп. 1. Д. 41. Л. 99 об.
- <sup>952</sup> Кирьянов Ю.И. Предисловие // Правые партии: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 8.
- <sup>953</sup> Русское дело. 14 мая 1905. №20. С. 5.

- <sup>954</sup> Хомяков Н.А. Политические письма // Русское дело. 5 ноябр.1905. №40. С. 16.
- <sup>955</sup> РГАДА Ф. 1412. Оп. 3. Д. 583. Л. 12 об.; ОР РГБ Ф.126. К. 14. Л. 34.
- <sup>956</sup> ОПИ ГИМ Ф. 424. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.
- <sup>957</sup> ОР РГБ Ф. 265. К. 153. Д. 3. Л. 6; ОР РГБ Ф. 265. К. 197. Д. 35. Л. 9, 45.
- <sup>958</sup> ГАРФ Ф. 887. Оп. 1. Д. 252. Л. 39 об.
- <sup>959</sup> Имеются в виду А.А. Бобринский, П.С. Шереметев.
- <sup>960</sup> Съезд «Союза земцев-конституционалистов» 9–10 июля 1905 г. // Либеральное движение. М., 2001. С. 335.
- <sup>961</sup> Трубецкая О.Н. Указ. соч. С. 312.
- <sup>962</sup> Там же. С. 311–313.
- <sup>963</sup> Там же. С. 311–312.
- <sup>964</sup> Там же. С. 312.
- <sup>965</sup> Там же. С. 311; Поэтому Н.Н. Львов выступал в пользу двухпалатной системы: верхняя палата, которая бы формировалась путем не-прямых выборов, служила бы своего рода «заслоном» произволу нижней. В этом случае предпочтение той или иной системы выбо-ров – это вопрос ситуативный.
- <sup>966</sup> Там же. С. 312–313. К тому же аргументу прибегал и Д.И. Шахов-ской. Он ссылался на значительное влияние социалистов среди на-селения и в итоге заключил свое выступление словами: «...Наша трезвость нас погубит». (Там же. С. 314).
- <sup>967</sup> Там же. С. 313.
- <sup>968</sup> Общеземский съезд 22–26 апреля 1905 г. // Либеральное движение. М., 2001. С. 164–165.
- <sup>969</sup> Имеется в виду всеобщее, равное, тайное и прямое голосование.
- <sup>970</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 65. Л. 1.
- <sup>971</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 29. Л. 1.
- <sup>972</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 39. Л. 3.
- <sup>973</sup> ОР РГБ Ф. 440. К. 5. Д. 42. Л. 1.
- <sup>974</sup> РО ИРЛИ Ф. 134. Оп. 6. Д. 1. Л. 3.
- <sup>975</sup> Коалиционный съезд земских деятелей 24–26 мая 1905 г. // Либе-ральное движение. М., 2001. С. 229.
- <sup>976</sup> ОРФ ГАМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 1 об.
- <sup>977</sup> РО ИРЛИ Ф. 134. Оп. 6. Д. 1. Л. 7.
- <sup>978</sup> Съезд «Союза земцев-конституционалистов» 9–10 июля 1905 г. // Либеральное движение. М., 2001. С. 344.
- <sup>979</sup> ГАРФ Ф. 887. Оп. 1. Д. 102. Л. 63 об.
- <sup>980</sup> РО ИРЛИ Ф. 134. Оп. 6. Д. 2. Л. 20 об.
- <sup>981</sup> Там же. Л. 106. Впрочем, нелюбовь крестьян к В.А. Бобринскому име-ла вполне понятные предпосылки, и вряд ли раньше граф об этом не догадывался. Как еще в декабре 1903 г. писал один тульчанин: «Осо-бенно тяжело приходится крестьянам, арендующим землю у либерала

- графа Владимира Бобринского, на днях избранного в предводители дворянства Богородицкого уезда, получающего “Освобождение” и, тем не менее, без всякого зазрения совести берущего с крестьян от 18 до 25 рублей за десятину. “Что не поделаешь, – говорит мужичок, – земли нет. Куда ни кинь – все графское, поневоле последнее отдашь”». (ГАРФ Ф. 102. ДП ОО. 1903. Д. 2195. Л. 69).
- 982 ОР РГБ Ф. 265. К. 206. Д. 6. Л. 38 об.
- 983 Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 72.
- 984 РГАДА Ф. 1412. Оп. 3. Д. 207. Л. 12 об.
- 985 (Святополк-Мирская Е.А.) Указ. соч. С. 253.
- 986 РГАДА Ф. 1412. Оп. 8. Д. 292. Л. 148 об.
- 987 РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 94. Л. 11.
- 988 ГАРФ Ф. 1729. Оп. 1. Д. 318. Л. 130.
- 989 Трубецкая О.Н. Указ. соч. С. 299
- 990 РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 69. Л. 181.
- 991 Мещерский В.П. Дневники, 11 января // Гражданин. 16 янв. 1905. С. 39.
- 992 Архив РА Н Ф. 518. Оп.2. Д. 33. Л. 35.
- 993 Шереметев П.С. Заметки, 1900–1905. М., 1905. С. 111.
- 994 ОР РГБ Ф. 265. К. 156. Д. 7. Л. 3 об.
- 995 П.С. (Струве П.Б.) Вопросы тактики // Освобождение. 18 март. 1905. № 67 С. 281.
- 996 Струве П.Б. Как найти себя // Там же. 31 мая 1905. № 71. С. 340.
- 997 РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 82. Л. 46 об., 49 об.; Д. 69. Л. 177 об–178
- 998 Там же. Л. 178.
- 999 Трубецкая О.Н. Указ. соч. С. 313.
- 1000 Общероссийский съезд земско-городских деятелей 6–8 июля 1905 г. // Либеральное движение. М., 2001. С. 295–296.
- 1001 Съезд «Союза земцев-конституционалистов» 9–10 июля 1905 г. // Либеральное движение. М., 2001. С. 352.
- 1002 РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 24.
- 1003 РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 82. Л. 49 об.
- 1004 РГАСПИ Ф. 279. Оп. 1. Д. 85. Л. 33 об.
- 1005 Съезд «Союза земцев-конституционалистов» 9–10 июля 1905 г. // Либеральное движение. М., 2001. С. 367–368.
- 1006 ОПИ ГИМ Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 238 об.
- 1007 Там же. Л. 238 об.–239.
- 1008 Там же. Л. 239.
- 1009 Там же. Л. 242–243.
- 1010 Там же. Л. 243–244.
- 1011 Там же. Л. 244.
- 1012 Там же. Л. 244 об.

<sup>1013</sup> Там же. Л. 244 об.–245.

<sup>1014</sup> Там же. Л. 245.

<sup>1015</sup> Там же. Л. 245 об.

<sup>1016</sup> Там же. Л. 245 об.–246.

<sup>1017</sup> Там же. Л. 246.

<sup>1018</sup> По существу, об этом говорили как Д.И. Шаховской и С.Л. Толстой, оценивавшие аграрные беспорядки как закономерность, так и В.А. Маклаков и П.М. Толстой, предлагавшие анализировать исключительно влияние происходившего в деревне на внутривластическое положение России, не касаясь самого характера движения.

<sup>1019</sup> Там же. Л. 253.

<sup>1020</sup> Там же. Л. 254.

<sup>1021</sup> Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. Т. 2. С. 294–295v



# ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие .....	3	
Глава первая		
Организация «Беседа»: образование, состав и структура		
§1. О природе «бессмысленных мечтаний» .....	20	
§2. Состав объединения .....	41	
§3. Организационная структура .....	53	
Глава вторая		
Политическая программа .....		63
§1. В поиске компромисса .....	64	
§2. Программа .....	111	
Глава третья		
Тактика		
§1. Общие тактические установки .....	123	
§2. Направления практической деятельности организации .....	140	
Глава четвертая		
От протопартии к партиям		
§1. Политический кризис 1904 г. ....	183	
§2. После ноябрьского съезда .....	201	
§3. В водовороте революции .....	219	
Заключение .....	229	
Примечания .....	235	

*Научное издание*

**Соловьев К.А.**

Кружок «Беседа»:

В поисках новой политической реальности, 1899-1905

Художественный редактор:

*А.К. Сорокин*

Художественное оформление:

*А.Ю. Никулин*

Ответственный редактор:

*В.В. Шелохаев*

Компьютерная верстка:

*В.Ю. Канищев*

Л.Р. 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 20.06.2008.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная 1. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 20,5. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);

Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)